

Сборник научных статей
по итогам работы
Международного научного форума

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Москва 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы
Международного научного форума
**НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**

Москва, 2026

УДК 330

ББК 65

С56

Сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА (г. Москва, 16 января 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 162 с.

У67

DOI 10.34660/INF.2025.84.32.094

Сборник материалов включает в себя доклады российских и зарубежных участников, предметом обсуждения которых стали научные тенденции развития, новые научные и прикладные решения в различных областях науки.

Предназначено для научных работников, преподавателей, студентов и аспирантов вузов, государственных и муниципальных служащих.

УДК 330

ББК 65

DOI 10.34660/INF.2025.84.32.094

© Издательство Инфинити, 2026

© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ НАУКИ

Влияние времени нахождения в условиях закрытого грунта на биометрические показатели сеянцев березы повислой (<i>Betula pendula</i> Roth) <i>Татун Евгений Владимирович</i>	8
--	---

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Технологический роботизированный комплекс для зачистки стальных горизонтальных резервуаров <i>Еремин В. Н., Лисовский В. А., Кувичка И. А., Золотов А. В., Максимов И. И.</i>	13
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мировая экономика: роль группы Всемирного банка в цифровизации экономик стран Африки и Азии (по материалам годового отчета за 2025) <i>Платонова Елена Дмитриевна</i>	22
Анализ основных рисков, возникающих при внедрении цифровых двойников на ключевых этапах жизненного цикла сложных технических систем <i>Мартынов Илья Александрович, Адышева Карина Сергеевна, Осипова Варвара Александровна.</i>	31

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Особенности государственно-политического устройства США в первой четверти XXI века <i>Денискин Леонид Сергеевич, Шеремеев Евгений Евгеньевич.</i>	41
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

О роли международных организаций в области ядерного разоружения и нераспространения <i>Саймова Шолпан Алтынбековна</i>	48
О некоторых актуальных проблемах международного режима ядерного разоружения и нераспространения <i>Иржанов Алимжан Самигуллаевич</i>	54
Теоретические аспекты формирования общественного мнения <i>Юшина Елена Александровна, Слюсарев Владислав Александрович</i>	58
Оптимизация механизмов формирования общественного мнения <i>Юшина Елена Александровна, Слюсарев Владислав Александрович</i>	64
О некоторых международных договорах в сфере ядерного разоружения и нераспространения <i>Болат Алибек Алмазович, Саймова Шолпан Алтынбековна</i>	69
К некоторым аспектам деятельности ЕС, ОБСЕ и СВМДА в области ядерного разоружения и нераспространения <i>Панов Султан Куангалиулы, Иржанов Алимжан Самигуллаевич</i>	74

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Феномен FOMO (страх упущенных возможностей) как фактор формирования аддиктивного поведения у молодежи <i>Букешова Салтанат Сырлыбековна, Ниетбаева Гульмира Бекеновна</i>	80
Методы и технологии диагностики эмоционального интеллекта детей старшего дошкольного возраста <i>Бейсембаева Кенже Догаровна</i>	89
Кросс-культурная эмпатия как ресурс преодоления межэтнической напряженности у молодежи <i>Сахыбаева Айгул Темиргалиевна</i>	98
Психологические детерминанты и межиндивидуальные особенности копинг-поведения сотрудников правоохранительных органов в условиях профессионального стресса <i>Женискызы Асель</i>	104

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Neuropsychological analysis of the role of emotional intelligence in modulating creative thinking and foreign language acquisition

Sakaeva Anastasia Vladimirovna,

Siyatinskiy Demyan Stanislavovich. 111

Обновление содержания образовательных программ среднего профессионального образования на основании опыта участия в чемпионатном движении

Воронин Вадим Владимирович, Воронина Ирина Сергеевна. 122

Innovative Practices in Creative Models of Art Education

Chen Yongqinyi, Konyrbayeva Sarash Sakhievna 127

Социально значимая деятельность как основа формирования цифровой культуры школьников в воспитательной среде общеобразовательного учреждения

Колодяжная Юлия Владимировна. 134

Методические аспекты по организации гражданско-патриотического воспитания с учащимися в условиях учреждения образования

Аверков Александр Николаевич 141

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Идентификация экспрессивности языковых стилей

Гончарова Алёна Владимировна 155

ВЛИЯНИЕ ВРЕМЕНИ НАХОЖДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЗАКРЫТОГО ГРУНТА НА БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СЕЯНЦЕВ БЕРЕЗЫ ПОВИСЛОЙ (*BETULA PENDULA ROTH*)

Татун Евгений Владимирович

Заместитель генерального директора

Государственное природоохранное предприятие Национальный парк «Браславские озера», г. Браслав, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлены результаты исследований влияния сроков высева и продолжительности содержания кассет в условиях закрытого грунта на биометрические показатели однолетних сеянцев березы повислой (*Betula pendula Roth*). Установлена оптимальная продолжительность выращивания сеянцев в закрытом грунте, обеспечивающие максимальный выход стандартного посадочного материала в условиях северо-западного региона Беларуси. Показано, что содержание сеянцев в закрытом грунте в течение 40 дней обеспечивает выход более 89% стандартных сеянцев, тогда как дальнейшее увеличение срока не приводит к существенному росту биометрических показателей. Обоснована возможность получения стандартных сеянцев при размещении кассет непосредственно на полях доращивания. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании технологий выращивания посадочного материала березы повислой с закрытой корневой системой и оптимизации производственных затрат в лесных питомниках.

Ключевые слова: береза повислая, сеянцы, закрытая корневая система, закрытый грунт, открытый грунт, биометрические параметры.

Для питомников Польши K. Szabla и R. Pabian рекомендуют высева семян березы повислой в кассеты с третьей декады апреля по третью декаду мая, с последующим содержанием в закрытом грунте 3–4 недели до достижения сеянцами высоты 4–5 см; альтернативой может служить размещение кассет сразу после высева на поля доращивания, что может привести к снижению биометрических показателей получаемых сеянцев [1, с. 165]. В Финляндии кассеты содержат в условиях закрытого грунта 31–112 дня при сроках высева во второй — третьей декаде мая [2–5]. В исследованиях В. В. Носникова

[и др.] высев в первой половине апреля в условиях закрытого грунта обеспечивал получение стандартных семян [6]. Увеличение сроков содержания семян березы повислой в условиях закрытого грунта приводит к росту себестоимости посадочного материала. В связи с этим актуальной задачей является установить оптимальную продолжительность выращивания семян в условиях закрытого грунта и оценка возможности получения стандартного посадочного материала с ЗКС в условиях открытого грунта, что значительно сократит затраты на производство.

Цель исследования заключалась в определении оптимальной продолжительности содержания кассет с сеянцами березы повислой в условиях закрытого грунта, обеспечивающих получение стандартного посадочного материала.

Экспериментальная работа по изучению особенностей выращивания сеянцев березы повислой с закрытой корневой системой (ЗКС) проводилась в условиях теплицы и открытого грунта. Были заложены и проанализированы опыты, направленные на изучение влияния различных сроков содержания семян в условиях закрытого и открытого грунта. Сохранность всходов и биометрические показатели сеянцев определяли по результатам измерений, выполненных в конце вегетационного периода.

Во всех вариантах опыта, развитие структурно-функциональных органов сеянцев оценивалось по следующим показателям: высота надземной части — измерялась линейкой вдоль оси стволика; диаметр стволика у корневой шейки — измерялся электронным штангенциркулем (точность 0,1 мм).

Согласно ТУ ВУ60022689.001–2020, установлены дифференцированные требования к высоте однолетних стандартных сеянцев березы повислой: при выращивании в условиях закрытого грунта их минимальная высота должна составлять 30 см, тогда как для сеянцев, полученных без размещения в закрытом грунте, нормативное значение составляет не менее 20 см.

Результаты опытов показали, в кассетах, не помещавшихся в условия закрытого грунта получены сеянцы березы повислой с средней высотой надземной части 283,4 см, что превышает установленные по ТУ ВУ 60022689.001–2020 на 29% (таблица). При этом выход стандартных сеянцев был 83%.

Сеянцы, находившиеся в условиях закрытого грунта в течение 20 и 40 дней (варианты 2 и 3), достоверно превосходили сеянцы, выращенные в условиях открытого грунта, по средней высоте стволика на 22 и 35%, по диаметру у корневой шейки — на 17 и 23%. Выход стандартных сеянцев в варианте опыта 3 составил 89%, что на 12% выше по сравнению с вариантом опыта 2. Кроме того, средняя высота стволика в вариантах 2 и 3 превышала нормативные значения, установленные ТУ ВУ 60022689.001–2020, на 18–31% (таблица) [7].

Таблица — Высота надземной части, толщина стволика у корневой шейки, сохранность и выход стандартных однолетних сеянцев березы повислой, при разном сроке произрастания в условиях закрытого грунта. Срок высева 30.04.2025 г.

Вариант опыта	Срок размещения в условиях закрытого грунта, дней	Средние значения высоты надземной части, мм				Средние значения диаметра стволика у корневой шейки, мм				Сохранность сеянцев, %	Выход стандартных сеянцев, %
		X ± m	p	σ	V, %	X ± m	p	σ	V, %		
1к	0	283,4 ± 12,7	-	69,3	24,5	4,4 ± 0,2	-	0,9	19,6	78	83
2	20	363,8 ± 26,9	0,00	9,7	26,6	5,3 ± 0,3	0,01	1,1	20,9	82	77
3	40	436,1 ± 22,2	0,00	9,1	21,0	5,7 ± 0,3	0,00	1,1	18,8	94	89
4	60	499,9 ± 18,9	0,00	7,8	15,6	5,9 ± 0,2	0,00	0,6	11,1	94	91
5	80	551,0 ± 19,8	0,00	8,2	14,8	6,5 ± 0,2	0,00	0,8	12,4	97	91
6	100	552,4 ± 19,6	0,00	9,0	16,2	6,3 ± 0,1	0,00	0,6	11,0	94	91

Примечание. к — контрольный опыт. Различия в средних значения существенны при $p < 0,05$ (критерий Уилкоксона-Манна-Уитни).

Промежуточный срок в 60 дней (вариант опыта 4) показал рост всех регистрируемых нами биометрических показателей (таблица 5.12 и 5.13).

Наибольшие биометрические показатели были зафиксированы у сеянцев, находившихся в закрытом грунте в течение 80–100 дней (вариант опыта 5 и 6), где средняя высота стволика варьировала от 551,0 до 552,4 мм ($p=0,15$), средний диаметр корневой шейки составлял 6,3–6,5 мм ($p=0,21$). Отсутствие статистически значимых различий у сеянцев, находившихся в условиях закрытого грунта 80 и более дней, указывает на то, что этот срок является достаточным для завершения их ростовых процессов в условиях северо-западного региона Республики в условиях закрытого грунта (таблица).

Сроки весеннего посева при производстве сеянцев березы повислой с ЗКС в условиях закрытого грунта могут изменяться сильно и зависят от конкретных климатических условий. Так, по нашим данным в 2023 году были получены однолетние стандартные сеянцы при высеве в кассеты в 3-й декаде апреля, выход стандартных сеянцев составил 69%. В 2024 году высева

производился во второй декаде мая выход стандартных семян составил 82–91 %. По литературным данным, в условиях нашей Республики получали стандартные сеянцы при высеве в кассеты во второй декаде апреля [7].

Результаты опытов показали, в кассетах, не помещавшихся в условия закрытого грунта получены сеянцы березы повислой с средней высотой надземной части 283,4 см, что превышает установленные по ТУ ВУ 60022689.001–2020 на 29 % (таблица). При этом выход стандартных семян был 83 % [7].

Сеянцы, находившиеся в условиях закрытого грунта в течение 20 и 40 дней (варианты 2 и 3), достоверно превосходили сеянцы, выращенные в условиях открытого грунта, по средней высоте стволика на 22 и 35 %, по диаметру у корневой шейки — на 17 и 23 %. Выход стандартных семян в варианте опыта 3 составил 89 %, что на 12 % выше по сравнению с вариантом опыта 2. Кроме того, средняя высота стволика в вариантах 2 и 3 превышала нормативные значения, установленные ТУ ВУ 60022689.001–2020, на 18–31 % (таблица) [7].

Промежуточный срок в 60 дней (вариант опыта 4) показал рост всех регистрируемых нами биометрических показателей (таблица).

Наибольшие биометрические показатели были зафиксированы у сеянцев, находившихся в закрытом грунте в течение 80–100 дней (вариант опыта 5 и 6), где средняя высота стволика варьировала от 551,0 до 552,4 мм ($p=0,15$), средний диаметр корневой шейки составлял 6,3–6,5 мм ($p=0,21$). Отсутствие статистически значимых различий у сеянцев, находившихся в условиях закрытого грунта 80 и более дней, указывает на то, что этот срок является достаточным для завершения их ростовых процессов в условиях северо-западного региона Республики в условиях закрытого грунта (таблица).

Таким образом, по результатам наших исследований было установлено, что оптимальной продолжительностью содержания сеянцев березы повислой с ЗКС в условиях закрытого грунта является 40 дней, что обеспечивает получение 89 % выхода стандартного посадочного материала в среднем на 31 % превосходящего стандартные показатели. Сокращение срока содержания сеянцев в условиях закрытого грунта до 20 дней привело к снижению выхода стандартных растений более чем на 12 %, тогда как увеличение срока до 60 дней обеспечило лишь незначительный прирост выхода — около 2 %.

Альтернативой может быть размещение кассет на поля дорастивания сразу после высевы с укрытием нетканым материалом спанбонд для интенсификации появления всходов и при более ранних сроках высевы [1, с. 165]. В нашем опыте такие сеянцы при высеве 29.04.2024 года превышали установленные по ТУ ВУ 60022689.001–2020 значения в высоте надземной части на 29 %, а выход стандартного посадочного материала составил 83 %.

В условиях северо-запада Беларуси размещение сеянцев в условиях закрытого грунта более 80 дней не оказало воздействия на регистрируемые биометрические показатели сеянцев березы повислой. Это указывает на то, что этот срок является достаточным для завершения ростовых процессов в условиях северо-западного региона Республики.

Список литературы

1. Szabla, K. *Szkółkarstwo kontenerowe: nowe technologie i technik w szkółkarstwie leśnym* / K. Szabla, R. Pabian. — wyd. 2. — Warszawa: Centrum Informacyjne Lasów Państwowych, 2009. — 251 s.

2. Memisoglu, T. *Growth of scots pine and silver birch seedlings on different nursery container media* / T. Memisoglu, F. Tilki // *Notulae Botanicae Horti Agrobotanici Cluj-Napoca*. — 2014. — Vol. 42, № 2. — P. 565–572.

3. Juntunen, M.-L. *Leaching of nitrogen and phosphorus during production of forest seedlings in containers* / M.-L. Juntunen, T. Hammar, R. Rikala // *Journal of Environmental Quality*. — 2002. — Vol. 31, № 6. — P. 1868–1874.

4. Juntunen, M.-L. *Fertilization practice in Finnish forest nurseries from the standpoint of environmental impact* / M.-L. Juntunen, R. Rikala // *New Forests*. — 2001. — Vol. 21, № 2. — P. 141–158.

5. Juntunen, M.-L. *Nitrogen and phosphorus leaching and uptake by container birch seedlings (*Betula pendula* Roth) grown in three different fertilizations* / M.-L. Juntunen, T. Hammar, R. Rikala // *New Forests*. — 2003. — Vol. 25, № 2. — P. 133–147.

6. *Выращивание сеянцев с закрытой корневой системой на субстратах с внесением разных доз удобрений и муки доломитовой* / В. В. Носников, А. А. Домасквич, И. В. Соколовский, А. В. Романчук // *Проблемы лесоведения и лесоводства: сб. науч. тр. / Ин-та леса НАН Беларуси*. — Гомель, 2019. — Вып. 79. — С. 62–67.

7. *Материал лесной посадочный хвойных и лиственных пород с закрытой корневой системой: ТУ ВУ 600226892.001–2020*. — Введ. 04.01.2021. — Минск: Белорус. гос. ин-т стандартизации и сертификации, 2021. — 10 с.

DOI 10.34660/INF.2025.76.38.103

УДК 622.69

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ РОБОТИЗИРОВАННЫЙ КОМПЛЕКС ДЛЯ ЗАЧИСТКИ СТАЛЬНЫХ ГОРИЗОНТАЛЬНЫХ РЕЗЕРВУАРОВ

Еремин В. Н.

кандидат технических наук, доцент

Лисовский В. А.

кандидат технических наук, старший научный сотрудник

Кувичка И. А.

кандидат технических наук

Золотов А. В.

кандидат технических наук

Максимов И. И.

ФАУ «25 ГосНИИ химмотологии Минобороны России»

Аннотация: *предлагается роботизированный комплекс для удаления из стальных горизонтальных резервуаров несливаемых остатков нефтепродукта, зачистку внутренней поверхности с помощью воды и моющих средств, удаление из резервуаров продуктов зачистки.*

Ключевые слова: *роботизированный комплекс, нефтепродукты, зачистка резервуаров, утилизация.*

В соответствии с требованиями ГОСТ [1] резервуары должны периодически зачищаться от остатков нефтепродуктов, ржавчины и донных отложений. Как показала практика эксплуатации стальных вертикальных резервуаров, величина технологического несливаемого остатка зависит от диаметра резервуара и может составлять несколько десятков кубических метров, а толщина слоя технологического несливаемого остатка на днище резервуара — несколько десятков сантиметров.

Зачистка резервуаров от технологического несливаемого остатка является сложным и трудоемким процессом, связанным с применением моющих составов и образованием значительных объемов продуктов зачистки резервуаров (далее по тексту — ПЗР).

Как правило, ПЗР сливаются в один из свободных резервуаров, где и происходит их длительное (до нескольких недель) гравитационное отстаивание. В результате на складах и базах горючего скапливается большое количество ПЗР, состоящих из воды, обводненного нефтепродукта с большим содержанием механических примесей.

Перед авторами стояла задача разработать такой технологический комплекс, который бы обеспечивал удаление из резервуаров несливаемых остатков нефтепродукта, мойку внутренней поверхности с помощью воды и моющих средств, удаление из резервуаров ПЗР с последующим разделением их на составные части: воду, которую можно было бы использовать для повторного применения для мойки внутренних поверхностей резервуаров или слива ее в промышленную канализацию.

В результате анализа патентов и литературных источников [2–6] было установлено, что все указанные технологические комплексы обладают общими недостатками:

- низкое качество очистки поверхности;
- большой расход воды, для отстаивания которой требуются отстойники большой вместимости;
- обязательное присутствие оператора внутри резервуара для ручного перемещения захватывающего устройства по днищу резервуара и ручного перемещения размывающего сопла при мойке стенки резервуара;
- громоздкость конструкции.

Авторами предложен технологический комплекс [7], который должен повысить эффективность и безопасность зачистки резервуаров за счет обеспечения мойки внутренней поверхности корпуса и днища резервуара и удаления продуктов зачистки резервуаров без присутствия оператора внутри резервуара.

Функциональная схема и принципиальные конструктивные решения отдельных элементов технологического комплекса для зачистки внутренней поверхности резервуаров от отложений приведены на рисунке 1

Технологический комплекс зачистки резервуаров (см. рис. 1) включает: моечную установку; систему гидропривода; вакуумную установку и тележку с раздвижными колесными парами и установленными на ней всасывающей трубой и распылительными приспособлениями.

Моечная установка содержит объемный насос 1 подачи моющей жидкости из индивидуального бака 2. Напорная линия насоса снабжена перепускным клапаном 3 и гибким шлангом 4, подключенным через аппаратуру управления, размещенную на тележке к трубе 5. Объемный насос в комплекте с электродвигателем, бак и барабан для намотки гибкого шланга 4 размещены на раме моечной установки.

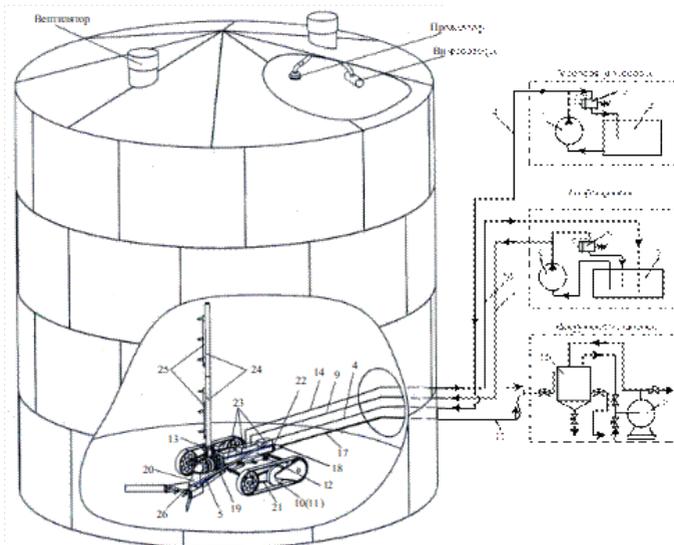

Рисунок 1 а — Функциональная схема технологического комплекса для зачистки внутренней поверхности резервуаров от отложений

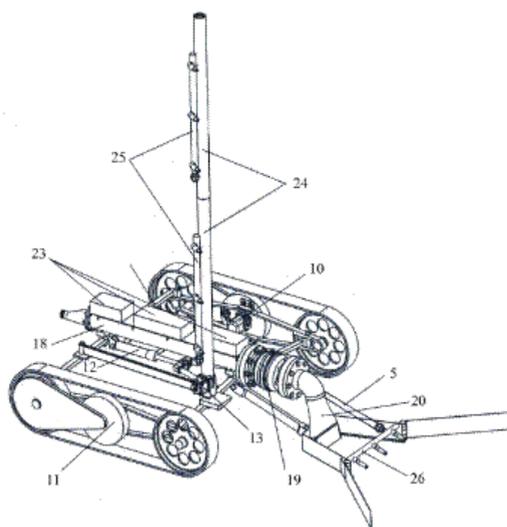

Рисунок 1 б — Тележка с разведенными колесными парами и установленными на ней всасывающей трубой и распылительными приспособлениями

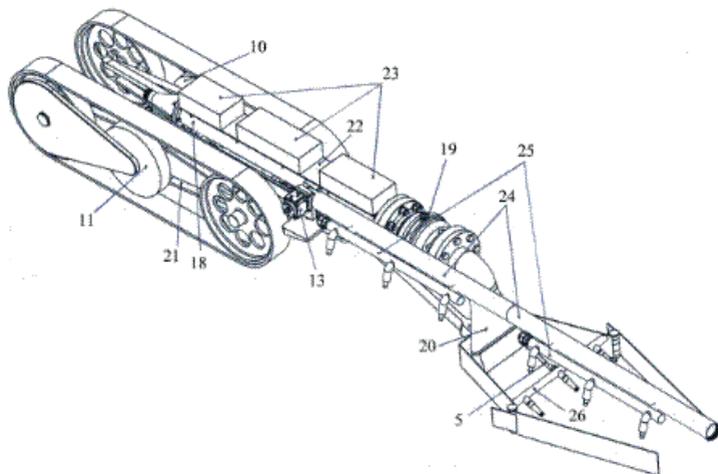

Рисунок 1 в — Тележка со сведенными колесными парами и штангой в горизонтальном положении
и колесными парами и штангой в горизонтальном положении

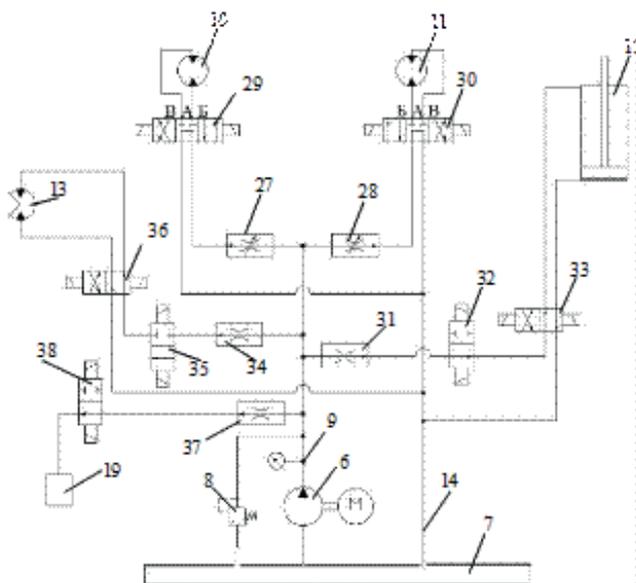

Рисунок 1 г — Схема подачи рабочей жидкости к механизмам передачи энергии (гидропривод)

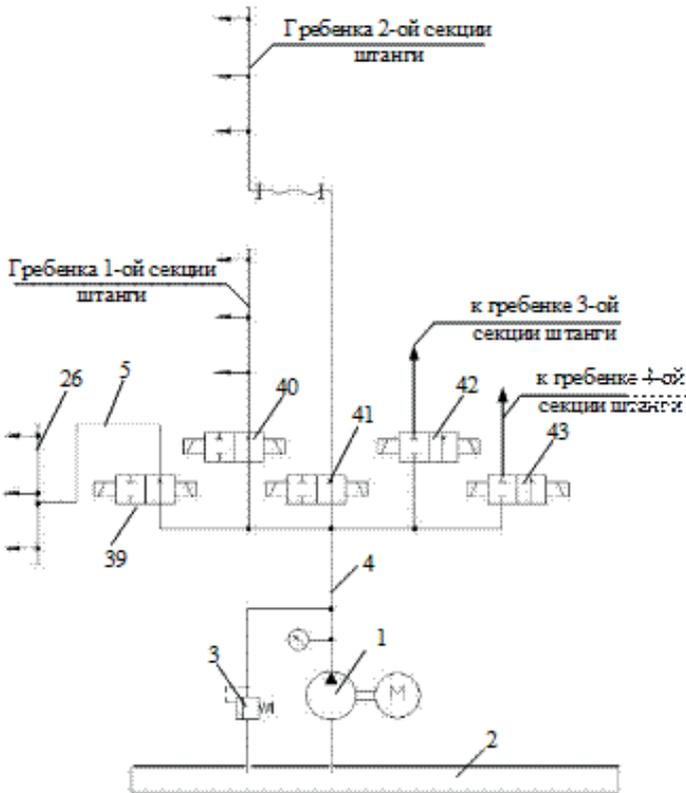

Рисунок 1 д — Схема подачи моющей жидкости к форсункам
 1 — объемный насос; 2 — бак; 3 — перепускной клапан; 4 — гибкий шланг;
 5 — труба; 6 — объемный насос; 7 — бак; 8 — перепускной клапан; 9 — гибкий шланг; 10 и 11 — гидромоторы; 12 и 13 — гидроцилиндры; 14 — гибкий шланг; 15 — вакуумный насос; 16 — бак-сборник; 17 — гибкий трубопровод; 18 — всасывающая труба; 19 — гидроклапан; 20 — диффузор; 21 — рама колесной пары; 22 — площадка; 23 — аппарата управления; 24 — жесткая штанга, 25 — гребенка, 26 — распылительное приспособление; 27 и 28 — регулируемые дроссели; 29 и 30 — трехпозиционные золотниковые распределители; 31 — нерегулируемый дроссель; 32 и 33 — двухпозиционные золотниковые распределители; 34 — нерегулируемый дроссель; 35 и 36 — двухпозиционные золотниковые распределители; 37 — нерегулируемый дроссель; 38 — двухпозиционный золотниковый распределитель; 39–43 — двухпозиционные золотниковые распределители.

Система гидропривода включает: объемный насос 6 (в комплекте с электродвигателем), который является источником энергии, бак 7 с рабочей жидкостью и два барабана для намотки гибких шлангов 9 и 14. Гидропривод подключен всасывающей линией к баку 7, а напорной, снабженной перепускным клапаном 8, через гибкий шланг 9 и аппаратуру управления — к гидромоторам 10 и 11 и к гидроцилиндрам 12 и 13 тележки (см. рис. 1б и 1в). Сливная линия, выполненная из гибкого шланга 14, соединена с аппаратурой управления и баком 7.

В состав вакуумной установки входят бак-сборник продуктов зачистки 16 и вакуумный насос 15, которые размещаются на раме и соединены между собой трубопроводами с запорной арматурой. Бак-сборник гибким трубопроводом 17 подключен к всасывающей трубе 18, снабженной нормально открытым гидроклапаном 19 и диффузором 20, за которым расположен скребок.

К всасывающей трубе 18 подсоединена тележка, выполненная в виде подвижно сочлененной рамной конструкции. Каждая колесная пара тележки выполнена в виде гусеничной передачи с ведомыми и ведущими колесами, закрепленными в углах рамной конструкции. Гусеницы колесных пар выполнены из эластичного маслобензостойкого материала. Каждая колесная пара закреплена на раме 21. На каждой раме 21 колесной пары жестко закреплены реверсивные гидромоторы 10 и 11, которые связаны с ведущими колесами цепной передачей. Рамы 21 колесных пар соединены между собой подвижно с помощью передних и задних поворотных рычагов. На всасывающей трубе 18 жестко закреплена площадка 22 для размещения аппаратуры управления 23.

На тележке закреплена жесткая штанга 24, состоящая из съемных секций, которая имеет возможность поворота в вертикальной плоскости. К каждой съемной секции жестко прикреплена гребенка 25 с форсунками. Количество съемных секций зависит от высоты резервуара. Нижний торец каждой гребенки 25 гибким шлангом соединен с источником подачи моющей жидкости и золотниковым распределителем аппаратуры управления. Труба 5, по которой моющая жидкость подается к распылительному приспособлению 26, подключена к соответствующему золотниковому распределителю аппаратуры управления. Распылительное приспособление 26 выполнено в виде гребенки с форсунками.

Гидроцилиндр 12 разведения (сведения) колесных пар размещен под всасывающей трубой 18. Шток гидроцилиндра 12 соединен с передними поворотными рычагами колесных пар.

В качестве аппаратуры управления 23 используются дроссели и золотниковые распределители:

для гидромоторов 10 и 11 используются регулируемые дроссели 27 и 28 и трехпозиционные золотниковые распределители 29 и 30;

для гидроцилиндра 12 используется нерегулируемый дроссель 31 и двухпозиционные золотниковые распределители 32 и 33;

для поворота штанги 24 с помощью гидроцилиндра 13 используется нерегулируемый дроссель 34 и двухпозиционные золотниковые распределители 35 и 36.

Для управления потоком моющей жидкости к форсункам используются двухпозиционные золотниковые распределители 39–43 (см. рис. 1 д).

Для управления золотниковыми распределителями подачи рабочей жидкости к механизмам тележки (см. рис. 1 г) используется электромагнитный привод.

Золотниковые распределители 29 и 30 имеют три положения:

— положение (А) — нейтральное, при котором рабочая жидкость не поступает к гидромоторам 10 и 11;

— положение Б, при котором рабочая жидкость поступает к гидромоторам 10 и 11, обеспечивая движение тележки вперед;

— положение В, при котором рабочая жидкость вращает гидромоторы 10 и 11 в обратную сторону (движение тележки назад).

Для гидроцилиндров 12 и 13 используются два двухпозиционных золотниковых распределителя, один из которых (32 или 35) включает или выключает подачу рабочей жидкости к гидроцилиндрам, а золотниковый распределитель 33 или 36 обеспечивает реверсивную подачу рабочей жидкости к гидроцилиндрам.

Регулируемые дроссели 27 и 28 позволяют изменять объем подаваемой рабочей жидкости и, следовательно, изменять скорость движения тележки.

Для обеспечения безопасного выполнения работ и наблюдения за процессом мойки и зачистки на крыше резервуара на одном из световых люков устанавливают (на кронштейнах) прожектор и видеокамеру во взрывобезопасном исполнении.

Все технологическое оборудование комплекса, включающее три модуля и тележку, может быть размещено на автомобиле типа КАМАЗ (с индивидуальным крановым устройством) и перемещаться к месту проведения работ.

Работа технологического комплекса осуществляется следующим образом.

На нижнюю поверхность люка-лаза внутри и снаружи устанавливают деревянный настил с боковыми ограничителями. На деревянный настил устанавливают тележку с оборудованием. Гибкий трубопровод 17 подсоединяют к всасывающей трубе 18, а гибкие шланги 4, 9 и 14 моечной установки и гидропривода подсоединяют к соответствующим штуцерам аппаратуры управления 23. Гибкий трубопровод 17 и гибкие шланги 4, 9 и 14 собирают в пучок и закрепляют на тележке.

На вторую секцию штанги 24 устанавливают (навертывают) последующие секции штанги в зависимости от высоты резервуара. К нижнему торцу второй

и последующих гребенок 25 подсоединяют гибкие шланги, вторые концы которых подключают к соответствующим золотниковым распределителям аппаратуры управления. Далее оператор включает прожектор, видеокамеру и гидропривод и с помощью пульта управления устанавливает золотниковые распределители 29 и 30 в положение движения гусениц вперед (гусеницы находятся в сложенном положении) и перемещает тележку через люк-лаз внутрь резервуара. Затем оператор с помощью пульта управления разводит гусеницы, перемещает тележку к стенке резервуара, включает моечную и вакуумную установки и поочередно или одновременно включает гребенки с форсунками для мойки стенки и днища резервуара и отсоса с днища продуктов зачистки. Оператор перемещает тележку по внутреннему периметру резервуара и одновременно периодически включает отсос продуктов зачистки. После завершения мойки корпуса резервуара оператор отключает гребенки с форсунками на секциях штанги и, продолжая перемещать тележку по днищу, производит окончательную мойку днища и отсос продуктов зачистки.

Наблюдение за качеством мойки и зачистки оператор производит с помощью видеокамеры.

После завершения процесса зачистки оператор выключает моечную и вакуумную установки и подводит тележку к деревянному настилу, устанавливает штангу 24 в горизонтальное положение, сводит гусеницы к всасывающей трубе 18 тележки и выкатывает ее из резервуара. Выключает гидропривод, прожектор и видеокамеру. После этого от всасывающей трубы 18 отсоединяют гибкий трубопровод 17, а гибкие шланги 4, 9 и 14 отсоединяют от аппаратуры управления 23, размещенной на всасывающей трубе 18. Отсоединяют от аппаратуры 23 гибкие шланги подачи моющей жидкости к гребенкам с форсунками на секциях штанги и отсоединяют секции штанги кроме первой и второй.

Тележку в сложенном положении с помощью индивидуального кранового устройства устанавливают на автомобиль. Гибкий трубопровод 17 укладывают на выделенное для него место. Гибкий шланг 4 моечной установки и гибкие шланги 9 и 14 гидропривода наматывают на соответствующие барабаны этих установок.

Далее со световых люков снимают прожектор и видеокамеру и укладывают их в выделенное для них место на автомобиле. Световые люки и люк-лаз закрывают крышками. Резервуар готов к эксплуатации.

Применение предлагаемого роботизированного комплекса для удаления из стальных горизонтальных резервуаров несливаемых остатков нефтепродукта, зачистку внутренней поверхности и удаление из резервуаров продуктов зачистки позволит исключить присутствие людей внутри резервуара в процессе зачистки и повысить эффективность и качество выполнения указанных работ.

ЛИТЕРАТУРА

- 1 ГОСТ 1510-2022 «Нефть и нефтепродукты. Маркировка, упаковка, транспортирование и хранение».
- 2 Патент RU № 58959 U1, 09.06.2006 г.
- 3 Патент RU 60008 U1, 24.07.2006 г.
- 4 Патент RU 2391152 C1, 15.04.2009 г.
- 5 «Очистка емкостей от остатков нефтепродуктов» Нестерова М. П., Кочкин П. И. Обзор. Серия «Транспорт и хранение нефтепродуктов и углеводородного сырья», М., ЦНИИГЭ нефтехим, 1975, 82 с.
- 6 «Инструкция по зачистке резервуаров от остатков нефтепродуктов», утв. Главнефтепродуктом ГП «Роснефть» 22.09.1995 г.
- 7 Патент RU 2616051 C1, 12.04.2017 г.

**МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
РОЛЬ ГРУППЫ ВСЕМИРНОГО БАНКА
В ЦИФРОВИЗАЦИИ ЭКОНОМИК СТРАН АФРИКИ И АЗИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ГОДОВОГО ОТЧЕТА ЗА 2025)**

Платонова Елена Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор

Московский педагогический государственный университет,

г. Москва, Россия

Аннотация. Характерной чертой современной мировой экономики является ее технико-технологическая многоукладность, когда страны достаточно четко делятся на технологических лидеров и аутсайдеров. В статье определено место Группы Всемирного банка в системе институтов развития, как глобального института под эгидой ООН, концентрирующего значительные финансовые ресурсы международной экономической системы в целях уменьшения технологического разрыва между лидерами и аутсайдерами. Цифровизация выступает прогрессивным трендом технологического развития мировой экономики, финансирования которого Группой Всемирного банка позволяет наименее развитым странам Африки и Азии получить доступ части населения к качественной цифровой связи, включая недорогой интернет, мобильные технологии и высокотехнологичные финансовые операции. Однако кардинальное решение вопроса о преодолении технологической отсталости этой группой стран лежит в создании условий для занятости населения и развития национальной экономики из внутренних источников.

Ключевые слова: мировая экономика, институты развития, цифровизация, финансирование, Группа Всемирного банка, технологическое развитие

Abstract. A characteristic feature of the modern world economy is its technical and technological multiformity, when countries are quite clearly divided into technological leaders and outsiders. The article identifies the place of the World

Bank Group in the system of development institutions as a global institution under the auspices of the United Nation. This Group concentrates significant financial resources of the international economic system in order to reduce the technological gap between leaders and outsiders. Digitalization is a progressive trend in the technological development of the global economy. Digitalization financing by the World Bank Group allows the least developed countries in Africa and Asia to access a part of the population to high-quality digital communications, including low-cost Internet, mobile technologies and high-tech financial transactions. The cardinal solution to the issue of overcoming technological backwardness by these countries lies in creating conditions for employment and the development of the national economy from domestic sources.

Keywords: *world economy, development institutions, digitalization, financing, World Bank Group, technological development*

Для перехода к новому этапу технологического развития современной экономики, основанному на цифровизации, требуются значительные финансовые ресурсы. Неопределенность, конфликтность, турбулентность мировой экономики негативно влияют на финансирование как больших инвестиционных проектов, так и на небольших стартапов. Характерной чертой современной мировой экономики является ее технико-технологическая многоукладность, когда страны достаточно четко делятся на аутсайдеров, не преодолевших 3–4 технологический уклад и запаздывающих в технологическом развитии, и страны, которые смогли сформировать передовые кластеры и уверенно развивать цифровые технологии Индустрии 4.0 с элементами выстраивания дружелюбной для человека экобиотехносистемы. Актуальным выступает вопрос об источниках финансирования, с одной стороны, прогрессивного тренда технико-технологического развития и, с другой стороны, выделения инвестиционных средства на сокращение в ближайшее время разрыва между технологическими лидерами и аутсайдерами, чтобы избежать «точки невозврата» для технологически отстающих от лидеров стран, большинство из которых расположены в Африке и Азии. С внедрением искусственного интеллекта (ИИ) в мировом технологическом пространстве данный цифровой разрыв может еще больше увеличиваться, и оставить «за бортом» прогресса миллиарды людей. По данным международного отчета за 2025 2025 «Technology and innovation report: Inclusive artificial intelligence for development» 118 стран не имеют программ по внедрению ИИ [7]. В этой связи особый интерес вызывает роль институтов развития, представленных Группой Всемирного банка (Группа ВБ), в цифровой трансформации экономик наименее развитых стран Африки и Азии на фоне усиливающейся фрагментации мировой экономики и геополитических рисков.

Проблематика, связанная с ролью институтов развития, вызывала повышенное внимание исследователей в первой декаде 21 века, если судить по данным поискового сервиса корпорации Google, который является наиболее популярным в исследовательской среде и охватывает ежедневно 4,97 млрд человек по всему миру [5] (рис. 1)

Рисунок 1. Оценка интереса пользователей Google по всему миру к институтам развития (через поисковое словосочетание «institutes of development») в период с 1 января 2004 года по декабрь 2025 г. [6]

Из данных графика следует, что после мирового кризиса 2008–2009 гг. и до 2025 года тема институтов развития не была в центре внимания исследований, хотя на практике данные финансовые институты играли достаточно активную роль в нивелировании последствий этого кризиса и финансировании научного и технологического сектора стран-аутсайдеров.

С позиции собственности, на которой основаны современные институты развития можно выделить:

- во-первых, международную акционерную собственность, которая распределена между государствами-учредителями (Группа Всемирного банка, Евразийский банк развития, Новый банк развития, Группа Межамериканского банка развития и др.);
- во-вторых, государственную собственность (ВЭБ.РФ; Банк развития Китая, Российский фонд прямых инвестиций, Банк развития Казахстана и др.);
- в-третьих, частно-государственную собственность, муниципально-частную собственность, созданную на основе частно-государственного или муниципально-частного партнерства (зародилась в Великобритании, получила распространение в г. Москве и др.)
- в-четвертых, частные институты — в основном крупные банки и фонды, которые по выполняемым в международном экономическом пространстве функциям можно причислить к институтам развития (JPMorgan Chase, Morgan Stanley, HSBC Holdings plc, UBS Group AG и др.) [2].

По степени масштабируемости деятельности институты развития делятся на глобальные, которые осуществляют свою деятельность по всему миру

(институты под эгидой ООН, государственные и частно-государственные фонды прямых инвестиций, инвестиционные банки, фонды финансового посредничества и др.); региональные, созданные в конкретных регионах и в основном финансирующие проекты данного региона (банки развития региональных объединений и партнерств, межгосударственные фонды развития, частно-государственные фонды развития, частные фонды развития и др.); субрегиональные, деятельность которых направлена на поддержку предпринимательства отдельных регионов в рамках национальной экономики [3].

В современной системе международных институтов развития значительную роль продолжает играть Международный банк реконструкции и развития (МБРР), созданный на Бреттон-Вудской конференции (1944) для восстановления национальных хозяйств после Второй Мировой войны. В настоящее время в глобальную Группу ВБ входят помимо МБРР четыре финансовых института: Международная ассоциация развития (МАР), Международная финансовая корпорация (МФК), Многостороннее агентство по гарантиям инвестиций (МАГИ), Международный центр урегулирования инвестиционных споров (МЦУИС), каждый из которых выполняет определенную функцию в достижение объявленных целей — «создание мира, свободного от бедности, на планете, пригодной для жизни» [1].

Группа ВБ является глобальным институтом развития под эгидой ООН, в котором принимает участие 174 страны и частично признанная Республика Косово согласно действующим квотам (октябрь, 2024). При этом каждая страна-участник Группы ВБ имеет определенный размер квоты, определяющий величину его взноса и количество голосов при принятии решений в каждом институте Группы ВБ [9]. Несмотря на периодические пересмотры квот в силу геополитических причин и макроэкономических обстоятельств, исторически сложилось, что у США самая большая квота и самый большой взнос, направляемый для функционирования этих институтов, что обеспечивает тесную вовлеченность США в деятельность Группы ВБ и доминирующую роль при голосовании по вопросам предоставления финансовой помощи странам.

О глобальном масштабе деятельности Группы ВБ свидетельствуют данные годового отчета «Создание рабочих мест, содействие росту экономики», охватывающие период с 01 июля 2024 года по 30 июня 2025 года. За этот отчетный период Группа ВБ предоставила финансирование в виде кредитов, грантов, инвестиций в акционерный капитал и гарантий странам-партнерам и частным предприятиям, чтобы «положить конец крайней нищете и повысить общее процветание» в сумме 118,5 млрд долл. США. Данное финансирование в основном в виде кредитования проектов неравномерно распределялось по макрорегионам: 34,0 млрд долл. США получили страны Африки к югу от Сахары; 12,2 млрд долл. США — Восточная Азия и Тихоокеанский

регион; 25,1 млрд долл. США — Европа и Центральная Азия; 24,9 млрд долл. США — Латинская Америка и Карибский бассейн; 8,5 млрд долл. США — Ближний Восток и Северная Африка; 13,2 млрд долл. США — Южная Азия; 0,6 млрд долл. США — общее финансирование (по всему миру) [4]. В 2025 отчетном году на страны Африки и Азии приходилось 33,9 млрд долл. США, или 28,6% от общего объема финансирования уставной деятельности Группы ВБ, хотя страны Африки и Азии по численности населения наиболее густонаселенные регионы планеты с быстро растущим по численности молодым поколениям.

В 2025 отчетном году в виду важности вопросов цифровой трансформации и развития цифровой экономики для сокращения технологической отсталости в структуре Группы ВБ учреждено новое управление — Управления по цифровизации, работа которого направлена на поддержку новых углубленных образовательных программ по формированию лидерских компетенций в рамках Академии Группы Всемирного банка — новой инициативы, предлагающей учебные программы для государственных служащих, представителей гражданского общества и частного сектора, специалистов в области развития. Это своевременная инициатива, поскольку центральный вопрос, от решения которого зависит ускорение цифровизации в наименее развитых в технологическом отношении стран Африки и Азии — это кадровое обеспечение разработок и использование цифровых технологий, а также подготовка управленческих кадров.

Цифровизация, или цифровое развитие экономики охватывает, прежде всего, разработку и внедрение цифровых технологий, изменяющих содержание бизнес-операций и бизнес-процессов, и качественно преобразующих трудовые, производственные, организационно-управленческие и социальные отношения в экономические системы национальных государств и мировой экономики в целом.

Цифровизация отнесена к ключевым тематическим направлениям деятельности группы ВБ и включена в серию программ «Глобальные вызовы», реализуемых до 2030 года. В 2025 отчетном году было реализовано 60 проектов, способствующих доступу населения к качественной цифровой связи, включая недорогой интернет и мобильные технологии, а также к высокотехнологичным финансовым операциям. При планировании мероприятий этого тематического направления Группа ВБ учитывала необходимость отдельного выделения кредитных средств на цифровую трансформацию и на развитие цифровой экономики всех нуждающихся в помощи макрорегионов: в 2025 отчетном году сумма кредитов составляла 5498 млн долл. США и 1259 млн долл. США, соответственно. При этом в странах Африки и Азии были прокредитованы проекты по цифровой трансформации на сумму 4905 млн долл.

США (89,2%) и выданы кредиты на развитие цифровой экономики на сумму 1146 млн долл. США (91%) [8].

В 2025 отчетном году большое внимание уделялось проекту в Восточной Африке и на Юге Африки, где наблюдаются самые низкие темпы цифровизации в мире: по состоянию на 2023 год интернетом пользовалось лишь 24 процента населения [8]. Проект Группы ВБ «Инклюзивная цифровизация в Восточной Африке и на Юге Африки» (IDEA) направлена на содействие региональной цифровой трансформации с акцентом на оперативность, масштабируемость и инклюзивность. Разработчики проекта общей стоимостью почти 2,5 млрд долл. США ставят своей целью предоставить доступ к интернету 180 млн человек и обеспечить 100 млн человек услугами, оказываемыми с применением цифровых технологий, в течение следующих восьми лет. Определенная трудность в финансировании связана с необходимостью привлечения значительного объема частных инвестиций. Однако частные инвесторы всегда рассчитывают на определенный уровень прибыльности, который мог бы стимулировать вложения в данный проект. С учетом низкой платежеспособности населения этого макрорегиона Группа ВБ применила скоординированный подход, согласно которому необходимо рассматривать энергетику и цифровое развитие как единую цель проекта, поскольку энергетика выступает достаточно привлекательным объектом вложений для частных институтов развития (банков, фондов, отдельных инвесторов). В этом случае проект по цифровизации стран Восточной и Южной Африки удалось тесно увязать с большой макрорегиональной программой «Миссия 300», цель которой — обеспечить доступ к электроэнергии для 300 млн жителей Африки к 2030 году.

В рамках реализации программ «Глобальные вызовы» в Малайзии планируется к запуску значимый для этого макрорегиона инфраструктурный проект по созданию центров обработки данных (дата центров), который для своей устойчивой работы должен иметь надежные источники энергии. Группа ВБ и консорциум из шести международных финансовых институтов зарезервировали свыше 900 млн долл. США для финансирования энергетического проекта мощностью 98 мегаватт (МВт) в Джохор-Бару (Малайзия). Это первая фаза создания кампуса центров обработки данных площадью 72,5 акра, общая мощность которого после завершения составит 300 МВт критической ИТ-нагрузки. Кроме того, быстро растущие потребности Азиатско-Тихоокеанского региона в вычислительных мощностях Группа ВБ планирует удовлетворять за счет кредитования строительства дополнительных дата центров. Так, глобальному разработчику и оператору гипермасштабных центров обработки данных компании Yondr Group предоставляется кредит в сумме 150 млн долл. США на выгодных финансовых условиях [1].

Определенное влияние программа цифровизации оказала на экономику Армении, где более 75% компаний были не подключены к высокоскоростному интернету, который необходимо рассматривать в качестве одного ключевых факторов экономического роста и создания рабочих мест в республике. Благодаря финансированию проекта по прокладке новых волоконно-оптических кабелей и установке современных мобильных станций к сети 4G было подключено более 300 деревень, а в течение следующего года планируется подключить еще сотни населенных пунктов. В 2025 отчетном году Группа ВБ консультировала Team Telecom Armenia по вопросам выпуска первых в Армении технологических облигаций на сумму 75 млн долл. США, осуществив якорные инвестиции в размере 13,5 млн долл. США. Финансовые ресурсы, полученные от выпуска облигаций, будут направлены на развитие сетей 4G и 5G, а также широкополосных домашних оптоволоконных сетей. К 2029 году компания Team Telecom Armenia планирует увеличить количество пользователей услуг мобильных данных на 300 000 человек и подключить еще 90 000 домов к высокоскоростному интернету [1].

В 2025 отчетном году благодаря финансированию МФК, входящей в Группу ВБ, 147,7 млн чел. стали пользоваться широкополосным интернетом, а 115,4 млн чел. — услугами, оказываемыми с применением цифровых технологий. Однако все компании Группы ВБ достигли более весомых результатов в области цифровизации: число пользователей широкополосным интернетом увеличилось до 217 млн человек и доступ к высокотехнологичным финансовым услугам получили 177 млн чел.

Цифровизация экономики требует дополнительных вложений в природоохранные мероприятия, поскольку дата центры вместе с потреблением электроэнергии создают дополнительную нагрузку на экосистему (парниковые газы, тяжелые металлы, загрязнение источников питьевой воды, электронные отходы от использованного оборудования). В годовом отчете Группы ВБ поднимается вопрос о необходимости использования технологий, которые не разрушают окружающую среду. Вместе с тем, упор делается на устойчивое финансирование проектов технологического развития за счет эмиссии облигаций устойчивого развития и использует средства, полученные на рынках капитала, для поддержки деятельности в области развития в странах-членах. Так, В 2025 отчетном году Группа ВБ оказала техническую помощь государственному финансовому учреждению и старейшему банку Вьетнама, который стал первым вьетнамским эмитентом облигаций устойчивого развития на внутреннем рынке после дебютного выпуска таких облигаций на сумму 3000 млрд вьетнамских донгов (115 млн долл. США). Кроме того, Группа ВБ оказала консультационные услуги по развитию частного сектора путем предоставления технической помощи правительству Пакистана в разработке национальной таксономии.

Таксономия дает четкие определения «зеленых» проектов и видов деятельности, что обеспечит ясность для финансовых рынков, повысит прозрачность «зеленых» инвестиций и финансовых продуктов, смягчит финансовые риски, связанные с климатом, и поможет финансовому сектору направить приток капитала в данные проекты или виды деятельности [1].

На процесс ускорения цифровой трансформации наименее развитых стран Африки и Азии негативно влияет фактор бедности населения, которое фактически не имеет средств на оплату Интернета и цифровых услуг даже по минимальной и/или дотированной цене. В этом отношении Группа ВБ справедливо поставило создание рабочих мест и обеспечение населения оплачиваемой работой во главу угла всей своей деятельности. Именно низкий уровень жизни населения наименее развитых стран Африки и Азии является основным тормозом цифровизации их экономик. В этой связи задача цифровизации экономик — это комплексная задача, которую необходимо системно решать вместе с другими задачами экономического развития наименее развитых стран Африки и Азии. Внешнее финансирование не заменит внутренние источники инвестиций в развитие национальных экономик, наименее развитых в технологическом отношении стран Африки и Азии.

Список литературы

1. *Группа Всемирного банка. Годовой отчет за 2025 год: создание рабочих мест, содействие росту экономики.* URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/about/annual-report> (дата обращения 25.12.2025)
2. *Иванов О.Б., Платонова Е. Д. Инновационные факторы социально-экономического роста: институты развития/Развитие теоретической экономики: актуальные вопросы и методические подходы: Монография. М.: АПКиППРО, 2015. С. 138–171*
3. *Платонова Е. Д. Глобальные и локальные финансовые институты развития: роль в инновационном пространстве международной экономики/Сборник статей Всероссийской научно-практической конференции «Общество — наука — инновации». — Уфа: АМИ, 2019. — С. 168–173*
4. *Financial Summary.* URL <https://www.worldbank.org/en/about/annual-report/financial-summary> (дата обращения 25.12.2025)
5. *How Many Google Searches Per Day (NEW 2025 Statistics).* URL: <https://joingenius.com/statistics/how-many-people-use-google/> (дата обращения 25.12.2025)
6. *«institutes of development».* URL: <https://trends.google.com/trends/explore?date=all&q=institutes%20of%20development&hl=ru> (дата обращения 26.12.2025)

7. *Technology and Innovation Report 2025: Inclusive artificial intelligence for development*. URL: <https://unctad.org/publication/technology-and-innovation-report-2025> (дата обращения 16.12.2025)

8. *Total World Bank Lending by Theme and Sector | Fiscal 2025*. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/af1e5a39-e9c0-4e94-92bc-0f0360950b6e/content> (дата обращения 27.12.2025)

9. *Voting Powers*. URL: <https://www.worldbank.org/en/about/leadership/votingpowers> (дата обращения 26.12.2025)

DOI 10.34660/INF.2025.76.72.114

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ РИСКОВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ПРИ ВНЕДРЕНИИ ЦИФРОВЫХ ДВОЙНИКОВ НА КЛЮЧЕВЫХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА СЛОЖНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Мартынов Илья Александрович

кандидат технических наук, доцент

МИРЭА — Российский технологический университет

Адышева Карина Сергеевна

студент

Институт технологий управления,

МИРЭА — Российский технологический университет

Осипова Варвара Александровна

студент

Институт технологий управления,

МИРЭА — Российский технологический университет

Опыт передовых высокотехнологичных компаний демонстрирует потенциал цифровых двойников (ЦД) в оптимизации процессов проектирования, испытаний и эксплуатации сложных технических систем (СТС) разных отраслей промышленности (горнодобывающая, нефтегазовая, машиностроение, авиационная, космическая и др.).

Так, компания Boeing использовала цифрового двойника для улучшения протоколов безопасности аккумуляторной системы 787 Dreamliner, внимательно отслеживая ее поведение и производительность. Airbus, в свою очередь, повысил эксплуатационную эффективность своего самолета A350 XWB за счет использования технологии ЦД, что привело к сокращению потребления топлива и выбросов. Внедрение ЦД позволяет сократить время выхода новых систем на рынок, повысить их надежность и снизить затраты на техническое обслуживание [3].

Вместе с тем, развертывание инфраструктуры ЦД сопряжено со значительными инвестициями, что создает риски недостижения запланированных показателей экономической эффективности. Реализация проектов по созданию цифровых двойников формирует комплекс технологических, организационных и операционных рисков, включая ограничения, обусловленные качеством исходных данных и возможностями интеграционных платформ,

дефицит кадровых компетенций для эксплуатации цифровых моделей, необходимость трансформации существующих производственных процессов, а также появление новых уязвимостей в корпоративной системе информационной безопасности. В условиях отсутствия четкого понимания совокупной экономической выгоды и возможных рисков повсеместное внедрение ЦД может привести к неоправданным финансовым затратам и нежелательным последствиям для компании.

Таким образом, возникает противоречие между необходимостью эффективной оценки целесообразности внедрения технологий цифрового двойника на предприятии промышленности и отсутствием детального анализа рисков, учитывающих все аспекты жизненного цикла (ЖЦ) СТС, включая долгосрочные затраты на обслуживание и поддержку ЦД, а также риски, связанные с кибербезопасностью и зависимостью от поставщиков технологий.

Поэтому тема статьи, заключающаяся в анализе основных рисков, возникающих при внедрении цифровых двойников на ключевых этапах жизненного цикла сложных технических систем, является актуальной.

Внедрение цифровых двойников в качестве инфраструктуры управления жизненным циклом сложных технических систем требует обязательного учёта рисков, характерных для каждой его фазы жизненного цикла — от НИОКР и производства до эксплуатации и утилизации.

Данная необходимость обусловлена тем, что риски носят «сквозной» характер: некорректные решения на этапе проектирования определяют уязвимости в процессе эксплуатации, а ошибки в данных на стадии производства делают невозможным получение достоверной аналитики на этапе утилизации.

Риски, возникающие на этапе разработки СТС

Актуальность управления рисками на этапе разработки (НИОКР) определяется его важностью в формировании всего жизненного цикла цифрового двойника, поскольку детальная и точная проработка архитектуры, физических моделей и требований к данным на этой стадии на порядок сокращает распространение некорректируемых системных ошибок на последующие фазы производства, эксплуатации и утилизации СТС.

На данном этапе целесообразно определить следующие основные риски:

1. Риск структурной неадекватности модели

Это риск создания цифрового двойника (ЦД), внутренняя структура и логика которого фундаментально не соответствуют структуре и поведению сложной технической системы.

Это выражается в выборе неадекватного уровня детализации (чрезмерном упрощении или избыточной сложности), игнорировании критических подсистем и взаимосвязей, неверном определении границ моделируемой системы,

не соответствующих реальным рабочим режимам. Такой двойник может демонстрировать правдоподобные результаты в узком диапазоне условий, но его прогнозы будут систематически ошибочными при анализе нештатных ситуаций, отказов или оптимизации неучтённых параметров, что делает его непригодным для принятия ключевых решений на этапе проектирования СТС.

2. Риск физической несостоятельности модели

Данный риск заключается в том, что математический аппарат цифрового двойника строится на упрощённых или некорректных физических законах, которые принципиально неспособны описать ключевые процессы реального объекта. В результате модель может демонстрировать высокую точность в моделировании ключевых элементов СТС, но даёт катастрофические ошибки при прогнозировании его поведения в новых режимах, особенно при нелинейных, переходных или мульти физических взаимодействиях. Это приводит к ситуации, когда цифровой двойник, формально работающий, оказывается концептуально неадекватен для анализа отказов, оптимизации параметров или оценки безопасности, поскольку его внутренняя логика фундаментально искажает природу моделируемых явлений [5].

3. Риск несовместимости модельных сред

Данный риск проявляется при попытке собрать единый цифровой двойник из отдельных частей — геометрической модели, прочностных расчётов, тепловых симуляций и алгоритмов управления, разработанных в изолированных программных средах разными специалистами. Каждая из этих моделей оперирует собственной логикой, пространственно-временными масштабами, форматами данных и физическими допущениями.

Например, программа для создания чертежей оперирует идеальными поверхностями, а программа для прочностного анализа работает с упрощённой сеткой. При их объединении без единых правил и форматов данных происходит неизбежная потеря ключевых элементов модели: ключевые детали геометрии могут быть отброшены как несущественные для сетки, а важные физические параметры из одной модели не будут корректно переданы в другую. Вместо целостной виртуальной копии объекта формируется набор несогласованных цифровых фрагментов, что влияет на итоговую работу цифрового двойника.

Такая разобщённость приводит к системным сбоям в процессе разработки. Значительная часть времени разработчиков уходит не на проектирование, а на ручную подгонку данных, поиск и исправление ошибок, возникающих при передаче информации из одной программы в другую. Самые критические из этих ошибок могут быть пропущены и проявятся только на этапе испытаний готового изделия или даже в процессе его эксплуатации. В итоге цифровой двойник, призванный ускорять и удешевлять разработку, сам становится источником задержек, перерасхода средств и неверных инженерных решений.

4. Риск вычислительной не реализуемости

Данный риск заключается в том, что созданная на этапе НИОКР высоко детализированная, междисциплинарная модель цифрового двойника оказывается непригодной для практического использования из-за существенных требований к вычислительным ресурсам или времени расчёта. Данный риск проявляется, когда для точного моделирования необходимо учитывать множество взаимосвязанных параметров (например, геометрические допуски, свойства материалов, граничные условия), и объём требуемых вычислений растёт экспоненциально с увеличением их числа. Это делает невозможным выполнение задач оптимизации, требующих тысяч итераций, или анализ работы СТС в режиме, близком к реальному времени, что является ключевым для предиктивного обслуживания. В результате цифровой двойник превращается в ограниченный инструмент, полезный только для ограниченного числа процессов моделирования, но не для сквозных инженерных процессов, в интересах которых он создавался [4].

Разработчики вынуждены либо «искусственно» упрощать физические модели, снижая точность прогнозов, либо отказываться от важных функциональных возможностей ЦД, таких как оперативное моделирование сценариев. Это создаёт ситуацию, когда попытки повысить детализацию наталкиваются на непреодолимые вычислительные ограничения, а стремление ускорить расчёты приводит к потере адекватности модели.

Риски, возникающие на этапе производства СТС

Актуальность учета рисков на этапе производства СТС заключается в том, что здесь закладывается соответствие между реальным изделием и его цифровой копией. Любая ошибка на этой стадии приводит не только к физическому браку, но и к созданию недостоверного цифрового двойника, который будет давать ошибочные прогнозы на протяжении всего жизненного цикла продукта.

На данном этапе целесообразно определить следующие основные риски:

1. Риск потери соответствия между проектной моделью и реальным изделием

Данный риск возникает, когда производство использует устаревшие чертежи или не вносит в цифровую копию данные о реальных производственных отклонениях — геометрических допусках, заменах материалов, фактических параметрах обработки. В результате двойник сохраняет «идеализированное» состояние, в то время как физический объект имеет иные характеристики. Такой разрыв делает невозможным точный прогноз поведения изделия в эксплуатации, а любые последующие анализы становятся бессмысленными, поскольку основываются на неверных исходных данных.

2. Риск некорректного учёта производственных данных

Это ситуация, при которой ЦД наполняется данными, не принадлежащими конкретной СТС. Ошибка возникает из-за сбоя в системах автоматического

учёта, некорректного ручного ввода или несогласованности между производственными и информационными системами. В результате критически важная информация: параметры сборки, результаты испытаний, серийные номера комплектующих — фиксируется не в том цифровом двойнике. Это нарушает принцип прослеживаемости, делает невозможным достоверный анализ причин неисправностей и формирует ложную основу для прогнозных расчётов и технического обслуживания, что в перспективе ведёт к принятию ошибочных и потенциально опасных решений.

3. Риск интеграции ЦД с устаревшим производственным оборудованием

Современные цифровые модели требуют от производственного оборудования детальных данных в реальном времени, но устаревшее оборудование способно предоставить лишь общие, суммарные показатели производственного процесса. В результате в ЦД попадают неполные данные: отсутствуют точные параметры обработки, моменты пиковых нагрузок и точные отклонения, которые впоследствии определяют его надёжность и поведение. Цифровой двойник вынужден заполнять недостатки в информации усреднёнными или теоретическими значениями, что неизбежно снижает точность всех последующих прогнозов — от остаточного ресурса до вероятности отказа. Таким образом, даже самая совершенный ЦД оказывается ограничен физической инфраструктурой, что ставит под вопрос саму возможность построения достоверной сквозной модели жизненного цикла.

4. Риск переизбытка данных

Данный риск возникает, когда внедрение цифрового двойника и сопутствующей его инфраструктуры (датчиков, сенсоров, контроллеров) приводит к генерации непрерывного и неструктурированного потока информации, который превышает возможности системы и персонала по его обработке. Сотни датчиков в реальном времени передают тысячи показателей текущего состояния физического объекта (вибрации, температуры, токи, изображения с камер), но отсутствие интеллектуальной фильтрации, приоритизации и агрегации превращает этот поток в информационный шум. В результате критически важные сигналы, указывающие на начало отклонения процесса или пред отказное состояние оборудования, теряются в большом объеме данных; операторы и инженеры испытывают когнитивную перегрузку, теряя способность оперативно выделять и реагировать на реальные угрозы, а сама система цифрового двойника, вместо того чтобы выполнять функции поддержки принятия решений, становится источником неструктурированной информации, что в конечном итоге ведет к упущенным возможностям оптимизации, запаздывающему реагированию на инциденты и снижению общей эффективности производства.

Риски, возникающие на этапе эксплуатации СТС

Этап эксплуатации — это фаза, когда цифровой двойник начинает непосредственно влиять на финансовые и операционные результаты компании. Из инструмента моделирования он превращается в систему, которая управляет графиками ремонтов, оптимизирует режимы работы и прогнозирует отказы критического оборудования. На этой стадии риски перестают быть техническими гипотезами и становятся факторами, напрямую определяющими уровень непроизводительных простоев СТС.

На данном этапе целесообразно определить следующие основные риски:

1. Риск ошибочных прогнозов

Риск ошибочных прогнозов цифрового двойника напрямую угрожает операционной устойчивости и финансовым результатам компании, трансформируясь в два основных сценария ущерба.

Во-первых, пропуск критического отказа (ложноотрицательный прогноз) ведет к внеплановым простоям, катастрофическому повреждению оборудования и потенциальным экологическим или репутационным инцидентам, что влечет затраты на аварийный ремонт, штрафы и потерю доверия клиентов.

Во-вторых, избыточные или ложные предупреждения (ложноположительные срабатывания) провоцируют неоптимальное распределение ресурсов: ремонтные бригады отвлекаются на несуществующие проблемы, расходуются запасы дорогостоящих запчастей, а графики планового обслуживания нарушаются, что системно увеличивает операционные расходы и снижает общую эффективность работы оборудования [2].

2. Риск зависимости от непрерывности связи и качества данных

Сбой каналов передачи данных (спутниковых, сотовых, промышленных сетей) или системный отказ критических датчиков приводят к потере актуальной информации о состоянии СТС, что вынуждает ЦД либо работать на устаревших данных, что приводит к принятию решений без актуальной информации о состоянии контролируемого объекта, либо полностью приостанавливать свои функции.

Это затрудняет процессы мониторинга, блокирует возможность своевременного реагирования на инциденты и делает невозможным удалённую диагностику, что для распределённых или опасных сложных технических систем (энергосети, трубопроводы, удалённые месторождения) напрямую угрожает непрерывности производственных процессов, ведёт к незапланированным простоям и требует развёртывания резервных, более дорогостоящих и менее эффективных ручных процедур контроля.

3. Риск юридической ответственности

Данный риск характеризуется отсутствием устоявшейся юридической практики и нормативной базы для регулирования правоотношений, возникающих

в процессе эксплуатации цифрового двойника. Основная опасность заключается в двойной неопределённости: во-первых, в размытости прав собственности и правил использования эксплуатационных данных, что превращает их из актива в предмет непрерывных коммерческих споров; во-вторых, в отсутствии механизма распределения ответственности между сторонами при наступлении страхового случая, связанного с решениями, принятыми на основе рекомендаций системы.

Это формирует ситуацию, в которой цифровой двойник, изначально нацеленный на оптимизацию операционных процессов и снижение издержек, сам трансформируется в источник непредвиденных правовых и репутационных рисков. Данная ситуация непосредственно влияет на финансовые показатели проектов: страховые премии возрастают вследствие неопределённости, привлечение инвестиций требует более сложного структурирования, а государственные регуляторы могут наложить запрет на использование ЦД в отдельных отраслях промышленности.

Следовательно, прогнозируемый экономический эффект от внедрения цифрового двойника может быть полностью компенсирован судебными расходами, урегулированием споров и внутренними конфликтами по вопросам управления данными.

4. Риск низкой пользовательской адаптации технологии

Риск низкой пользовательской адаптации технологии ЦД возникает, когда персонал отказывается использовать или не может эффективно работать с системой цифрового двойника из-за недоверия к её рекомендациям, сложности интерфейсов или перегруженности данными.

Это приводит к ситуации, когда дорогостоящая технология не интегрируется в ежедневные рабочие процессы: опытные специалисты игнорируют прогнозы системы, предпочитая собственную интуицию, а операторы оказываются не в состоянии выделить критически важные сигналы среди сотен автоматических уведомлений.

В результате снижается эффективность, запаздывает реакция на реальные инциденты, а инвестиции в цифровизацию не приносят планируемой отдачи из-за низкой степени адаптации технологии конечными пользователями.

Риски, возникающие на этапе утилизации СТС

Актуальность управления рисками на заключительном этапе утилизации определяется необходимостью трансформации цифрового двойника из операционного инструмента в стратегический актив, обеспечивающий финансовую и экологическую эффективность вывода сложной технической системы из эксплуатации. В этой фазе корректность данных и алгоритмов двойника напрямую влияет на экономические результаты: определяет остаточную стоимость

компонентов, оптимизирует логистику утилизации и формирует документальную основу для соблюдения требований нормативных документов.

1. Риск долгосрочных затрат на хранение нефункциональных цифровых двойников и потери ценности данных

Риск возникает вследствие необходимости бессрочного содержания цифровых двойников, связанных с окончанием срока службы сложных технических систем.

После окончания эксплуатации СТС его цифровая модель продолжает потреблять ресурсы на хранение и администрирование, не генерируя операционной выгоды. Параллельно, ценность накопленных ЦД данных стремительно снижается из-за технологического устаревания: закрытие программных платформ, изменение форматов и несовместимость протоколов делают информацию нечитаемой для новых систем.

Это приводит к двойному финансовому ущербу: прямым издержкам на поддержку архивов цифровой информации и упущенной выгоде от невозможности использовать уникальные данные для машинного обучения, предиктивной аналитики новых продуктов или верификации гарантийных обязательств.

2. Риск унаследованных данных и некорректной аналитической базы

Данный риск приводит к тому, что ошибочная или не консистентная информация, внесённая в цифровой двойник на предыдущих этапах, искажает все финансовые модели и управленческие решения, принимаемые на стадии утилизации.

Это проявляется в неверной оценке остаточной стоимости СТС, некорректном планировании затрат на вторичную переработку и демонтаж, а также в ошибочных прогнозах по реализации восстановленных компонентов [1]. В результате компания сталкивается с прямыми финансовыми потерями из-за неэффективного распределения бюджета, упускает потенциальную прибыль от продажи недооценённых ресурсов и подвергается дополнительным юридическим и репутационным рискам, связанным с нарушением экологических стандартов, основанных на неверных данных.

Таким образом, вместо создания прозрачной экономической модели завершающего этапа жизненного цикла, организация получает систему, систематически воспроизводящую ошибки прошлых периодов, что сводит на нет планируемый экономический эффект от внедрения цифровых технологий.

3. Риск утечки чувствительных данных

Риск представляет собой угрозу несанкционированного раскрытия конфиденциальной информации, циркулирующей между цифровым двойником и смежными системами в процессе утилизации.

При передаче исчерпывающих данных о конструкции, материалах, истории отказов и производственных допусках сторонним организациям (подрядчикам

по утилизации, аудиторам и другим компаниям) возникают каналы потенциальной компрометации. Утечка такой информации, являющейся коммерческой тайной или «ноу-хау», ведёт к прямым финансовым потерям вследствие подрыва конкурентных преимуществ, возникновения юридических исков о нарушении патентного законодательства, а также репутационного ущерба в глазах клиентов и инвесторов.

Более того, раскрытие детальных данных об износе и дефектах может быть использовано для манипуляций на рынке вторичных компонентов или стать основой для претензий по гарантийным обязательствам.

Также необходимо отметить, что существует категория сквозных рисков, которые проявляются и оказывают негативное воздействие на всех этапах жизненного цикла цифрового двойника — от концепции до утилизации. Эти риски носят фундаментальный, системный характер и связаны не с конкретной фазой реализации, а с архитектурой, организацией процессов и стратегией внедрения технологии в целом.

Ключевые сквозные риски включают:

1. Стратегический риск неверного позиционирования и отсутствия измеримых целей заключается в том, что цифровой двойник внедряется как технологический тренд без привязки к конкретным показателям эффективности (например, снижение эксплуатационных расходов на 15% или увеличение межремонтного пробега на 20%), что приводит к нерациональному распределению бюджета, невозможности количественно оценить возврат инвестиций и последующему свёртыванию проекта как экономически неэффективного.

2. Риск чрезмерной сложности создаваемого ЦД. По мере совершенствования и разработки новых модулей (элементов) и связей, цифровой двойник может превратиться в чрезмерно сложную, плохо документированную и практически не сопровождаемую систему. Это резко увеличивает стоимость владения, замедляет внесение изменений и делает систему уязвимой к каскадным сбоям.

3. Кадровый риск дефицита компетентных специалистов возникает из-за отсутствия в штате компании и на рынке труда специалистов, обладающих одновременно глубоким знанием предметной области, экспертизой в области анализа данных и компетенциями по интеграции сложных систем, что приводит к критической зависимости от внешних подрядчиков, срыву плановых сроков внедрения и созданию долгосрочных уязвимостей вследствие невозможности самостоятельного сопровождения и развития инфраструктуры цифрового двойника.

4. Риск потери технологического суверенитета возникает, когда компания привязывается к закрытой, частной платформе одного поставщика цифровых продуктов, необходимых для разработки и сопровождения технологий ЦД,

что резко ограничивает возможность подключения других сервисов и систем, ведёт к постоянному росту лицензионных платежей и делает невозможным переход на более совершенные или выгодные технологические решения, доступные на рынке.

Таким образом, учет рисков на каждом этапе жизненного цикла цифрового двойника — от разработки до утилизации — поможет предотвратить критические финансовые и операционные потери компании, а также гарантирует, что технология цифрового двойника реализует свой полный потенциал по снижению затрат эксплуатации и повышению надёжности моделируемой сложной технической системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Внедрение цифровых двойников как одно из ключевых направлений цифровизации производства / Н. В. Курганова, М. А. Филин, Д. С. Черняев [и др.] // *International Journal of Open Information Technologies*. — 2019. — Т. 7, № 5. — С. 105–115. — EDN YLCQWI.

2. Зырянов, Д. А. Цифровые двойники в управление жизненным циклом изделий и технологий / Д. А. Зырянов, Е. М. Бадика, С. Г. Бабчинский // *Chronos*. — 2022. — Т. 7, № 6(68). — С. 28–33. — EDN HGSGOT.

3. Колесникова А. А. Цифровые двойники в авиакомпаниях / А. А. Колесникова. — *Unitcode*, 20 авг. 2023. — URL: <https://unitcode.ru/blog/tsifrovye-dvojniki-v-aviakompanijah?ysclid=mg10fe2q52772451837>

4. Синкевич, Е. А. Оценка возможностей цифрового двойника для автоматизированного поиска научно-технической информации на стадиях жизненного цикла изделия / Е. А. Синкевич // *Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования*. — 2024. — № 5(80). — С. 27–34. — EDN MJJTGE.

5. Старожук, Е. А. Анализ основных рисков снижения эффективности деятельности промышленных предприятий при внедрении цифровых двойников в автоматизированную систему управления жизненным циклом продукции / Е. А. Старожук, М. В. Яковлева // *Вопросы инновационной экономики*. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 1381–1392. — DOI 10.18334/vines.10.3.110621. — EDN JLAABJ.

6. Панамарева, О. Н. Предпосылки разработки концепции умного цифрового двойника сложных организационно-технических систем мезоэкономического уровня / О. Н. Панамарева // *Молодёжный вестник Новороссийского филиала Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова*. — 2024. — Т. 4, № 2(14). — С. 112–123. — DOI 10.51639/2713-0576_2024_4_2_112. — EDN RFORHX.

DOI 10.34660/INF.2025.77.74.069

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА США В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XXI ВЕКА

Денискин Леонид Сергеевич

студент

Шеремеев Евгений Евгеньевич

кандидат исторических наук, доцент

*Поволжский государственный университет телекоммуникаций
и информатики, Самара, Россия*

Аннотация: *Статья посвящена анализу государственно-политической системе Соединенных Штатов Америки, в ней рассматривается принцип разделения ветвей власти и механизмы управления государством. Отмечен институциональный федерализм, политико-административное устройство страны. Дана характеристика партийно-политической модели устройства государства, выявлены достоинства и недостатки существующей модели государственно-политического устройства.*

Ключевые слова: *государственное устройство, США, политико-административное устройство США, федерализм, президент США, Конгресс США, парламентский контроль, Республиканская партия, Демократическая партия, проект «Америка» И. Маска, импичмент, Верховный Суд США, институт судебного контроля, шатдаун, разделение ветвей власти.*

Annotation: *The article is devoted to the analysis of the state and political system of the United States of America, and it examines the principle of separation of powers and the mechanisms of state administration. It highlights institutional federalism and the political and administrative structure of the country. The article provides a description of the party-political model of the state structure and identifies the advantages and disadvantages of the current model of state and political organization.*

Keywords: *state structure, USA, political and administrative structure of the USA, federalism, President of the USA, US Congress, parliamentary control, Republican Party, Democratic Party, I. Musk's «America» project, impeachment, US Supreme Court, institution of judicial control, shutdown, separation of powers.*

Правительственный шатдаун 2025г вызвал массу споров и волнений среди общественности США, на данный момент является самым продолжительным в истории США — 43 дня. По предварительным прогнозам, аналитиков каждая неделя кризиса обходилась в 10–30 млрд долларов.[1] 12 ноября 2025 года между противоборствующими сторонами был достигнут компромисс. Шатдаун — остановка работы части федеральных органов США, вызванная непринятием конгрессом акта о финансировании вследствие политических разногласий при утверждении бюджета.

Систематические возникновение приостановки работы правительства вызывают интерес к устойчивости государственной системы Соединенных Штатов Америки, рассмотрим ее подробно.

Государственное устройство — это внутренняя национально-территориальная организация государственной власти, деление территории государства на те, или иные составные части, их правовое положение, взаимоотношения между государством в целом и его составными частями[4].

Политико-административное устройство США представляет собой сложную федерацию, где каждый штат обладает собственной конституцией, системой власти и бюджетом. Верховенство федеральных законов сочетается с широкими полномочиями штатов в вопросах, прямо не переданных центру, — таких как образование, здравоохранение или местные налоги. Именно это разделение компетенций часто провоцирует бюджетные конфликты, когда интересы федерального правительства противоречат приоритетам отдельных штатов[5]. Во многом такое устройство отображает последствия Гражданской войны (1861–1865 гг.), поэтому во взаимоотношениях между федеральным центром и штатами существует жесткое разграничение полномочий. Нередко губернаторы оспаривают указы президента США, что приводит к процессуальным тяжбам в Верховном Суде[7].

Конкретной формой государственного устройства США выступает его административно-территориальное деление, построенное на принципе федерализма. Оно образует трехуровневую структуру: федеральный центр, 50 штатов с широкой автономией и федеральный округ Колумбия. Штаты, в свою очередь, делятся на округа, выполняющие функции регионального управления, а городские поселения имеют статус самостоятельных муниципалитетов. Схема административно-территориального деления изображена на рис. 1.

Американская модель государственного управления имеет четкое разделение 3 ветвей власти: Исполнительная, Законодательная и Судебная. Ее структура изображена на рис. 2.

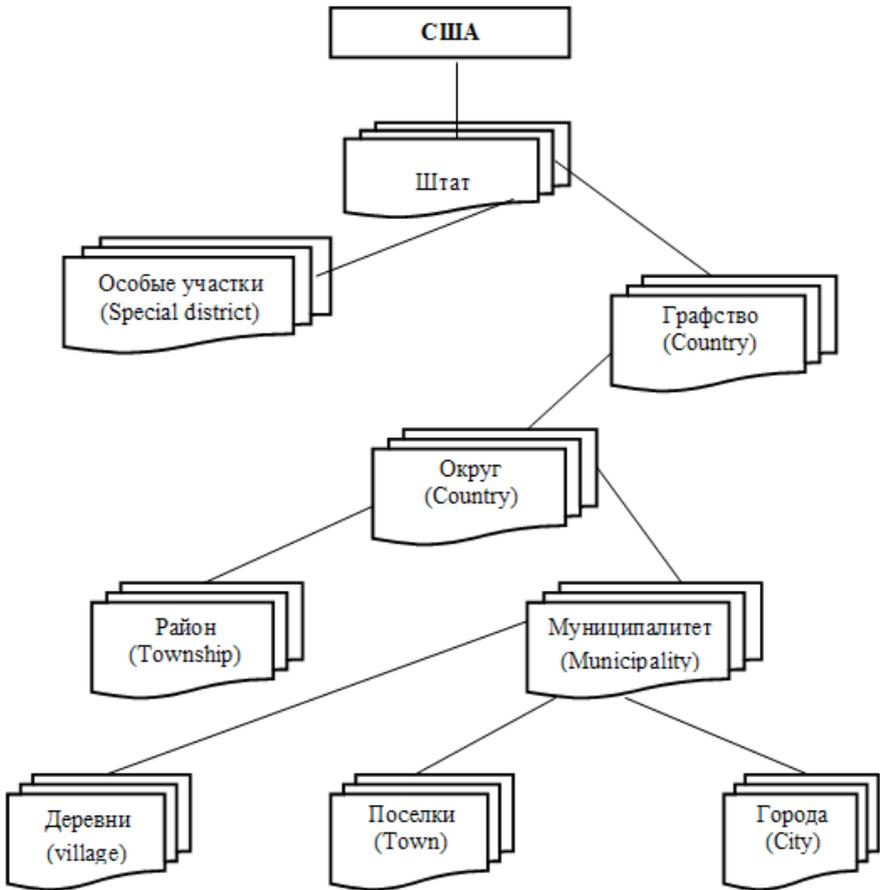

Рис. 1 — Схема административно-территориального деления США

Исполнительная власть в США принадлежит Президенту, избираемому на четырехлетний срок. Срок полномочий ограничен 2мя сроками, единственным исключением из этой практики было правление Франклина Делано Рузвельта, руководившего Америкой с 1932 по 1945 г. Он несёт политическую ответственность перед избирателями и осуществляет прямое руководство федеральным аппаратом управления, обеспечивая исполнение законов. Президент выполняет функции главы государства, он определяет основные направления внутренней и внешней политики, обладает правом законодательной инициативы и вето. В сфере международных отношений

представляет страну и ведёт переговоры, а в качестве Верховного главнокомандующего имеет высшую оперативную власть над вооружёнными силами.

Рис. 2 — Схема государственное устройство США

В рамках исполнительной власти Президент назначает глав федеральных ведомств и судей с одобрения Сената, управляет администрацией через исполнительные приказы и формирует совещательный Кабинет министров. Президент США избирается народом косвенно, для победы требуется не менее 270 голосов выборщиков из 538. Ключевой принцип системы — «победитель получает всё»: кандидат, победивший большинством голосов в штате, получает все голоса его выборщиков[5]. Это может приводить к ситуации, когда победитель получает меньше голосов избирателей в целом по стране, но побеждает за счёт большинства штатов. Так, в 2016 году Дональд Трамп, проиграв Хиллари Клинтон на 3 млн голосов, победил за счёт «колеблющихся» штатов. На выборах 2020 года аналогичная система обеспечила победу Джо Байдену, что спровоцировало штурм Капитолийского холма сторонниками проигравшего Трампа в январе 2020 года. Это позволяет говорить о несовершенстве данной формы президентских выборов.

Другие две ветви власти сдерживают исполнительную своими полномочиями, так называемая система сдержек и противовесов. Конкретно, законодательная власть имеет право целенаправленно отказать в финансировании президентских программ, а также любых инициатив главы исполнительной власти.

Законодательная власть США представлена двухпалатным Конгрессом, состоящим из Сената и Палаты представителей. Конгресс обладает

исключительным правом принятия федеральных законов. Сенат, верхняя палата, формируется по два сенатора от каждого штата на шестилетний срок и наделен полномочиями утверждать международные договоры, ключевые назначения президента и проводить импичмент[6]. На 2025 год 53 Республиканца занимают сенаторские места.

Палата представителей, нижняя палата, включает 435 членов, избираемых на два года пропорционально населению штатов. К её ключевым прерогативам относятся инициирование финансовых законопроектов, выдвижение обвинений в порядке импичмента и избрание президента в случае отсутствия большинства у кандидатов в Коллегии выборщиков. На 2025 год 220 представителей поддерживают республиканскую партию. Обе палаты избираются путем прямого голосования, а их работа обеспечивает представительство штатов и населения[6]. На рисунке 3 представлены соотношения мест в Сенате и Палате представителей на 2025 г.

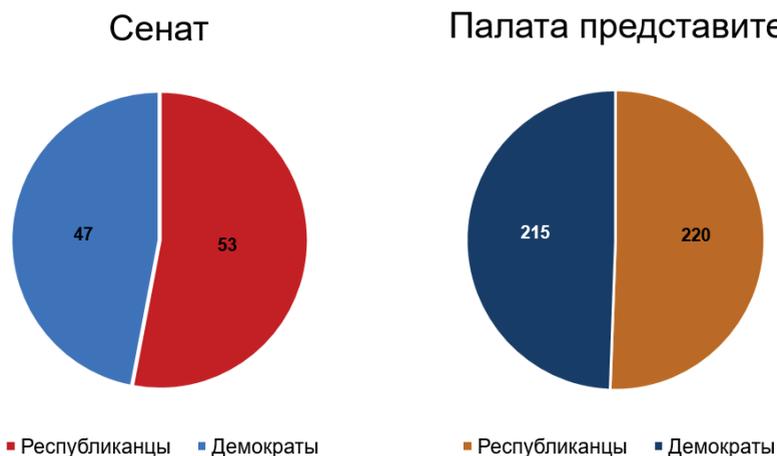

Рис. 3 — Соотношения мест в палатах конгресса 2025 г.

Законодательная ветвь власти обладает правом отрешения президента от должности — Импичмент.

В истории США 4 раза выдвигали процедуру импичмента, при том только один раз это было успешно. Импичмент по отношению к 37му президенту США Ричарду Никсону в связи с Уотергейтским скандалом являлся единственным успешным проведенным в истории штатов. Президент Никсон понимая, что верхняя палата набирает достаточное количество подписей подал в отставку. Вторым наиболее известным являлся процесс выдвижения обвинения против Билла Клинтона в 1998 году.

В конгрессе заседают представители политических партий США. На январь 2025 года в США насчитывается 238 партий, кандидат которых может появиться на избирательных бюллетенях[2]. Фактически, Соединенные Штаты Америки имеют двухпартийную политическую систему, так как существует 2 крупные политические партии, которые ведут борьбу между собой: Республиканская и Демократическая.

Среди исследователей этот феномен характеризуется как политическая поляризация и острая партийная борьба. Поскольку в США доминируют две основные партии, обществу приходится делать выбор между двумя полюсами политических взглядов[3]. В условиях такой радикализации право Сената утверждать президентские инициативы нередко ведёт к политическому тупику, когда верхняя палата блокирует предложения главы исполнительной власти, что находит крайнее выражение, например, в шатдаунах.

Самый богатый человек в мире 2025 года по версии журнала Forbes — Илон Маск после конфликта с действующим президентом Д. Трампом изъявил желание о создании третьей политической партии — Партия «Америка». Однако, по информации The Wall Street Journal от 20 августа 2025 года бизнесмен отсрочил свою идею из-за опасений испортить отношения с вице-президентом Джей Ди Вэнсом

Кроме перечисленных ранее Исполнительной и Законодательной ветвей власти существует и третья, которая выступает регулятором их взаимодействий — судебная власть. Система включает 3 иерархично распределенные инстанции.

Верховный суд США, состоящий из девяти пожизненно назначаемых судей, является высшей судебной инстанцией по конституционным вопросам и спорам между штатами. Его решения носят окончательный характер. Судебная система также включает 13 апелляционных и 94 окружных суда, где пересматриваются решения нижестоящих инстанций и проводятся первоначальные слушания. Ключевым полномочием системы является судебный контроль, позволяющий признавать законы неконституционными, и рассматривать действия президента на превышение его полномочий[5].

Институт судебного контроля, центральный для «системы сдержек и противовесов» регулярно находит свое применение. Одно из его недавних применений произошло в 2023 году, когда Президент Джо Байден пытался списать 430 млрд долларов студенческих долгов, опираясь на закон 2003 года «HEROES Act». Верховный Суд со счетом 6:3 признал действия главы исполнительной власти незаконными. Закон не предоставлял такую широту полномочий президенту, и решение такого уровня должно пройти через одобрение Конгресса.

Государственное устройство США, основанное на разделении властей и федерализме, представляет собой систему, внутренние особенности

которой двойственно влияют на управляемость страной. Его ключевая специфика — встроенные институциональные противоречия. С одной стороны, они обеспечивают устойчивость при федеральных кризисах (как во время шатдауна, когда штаты сохраняют функциональность), а с другой — сами же порождают политические тупики, блокируя принятие решений на общегосударственном уровне. Таким образом, эта структура одновременно служит и стабилизирующим буфером, и источником системных кризисов.

Список источников

1. *Record Government Shutdown Costs US Economy About \$ 15 Billion Each Week // Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2025-11-05/record-government-shutdown-costs-us-economy-about-15-billion-each-week>
2. *How Many Political Parties Are There in the U.S.? // Encyclopædia Britannica*. URL: <https://www.britannica.com/question/How-many-political-parties-are-there-in-the-U-S>
3. Ефремов Д. С. Партийная поляризация в региональных законодательных собраниях США / Вестник Пермского университета. Серия: Политология. — 2025. — № 1. — С. 20–32
4. Городилов А. А. Государственное устройство и право / А. А. Городилов. — М.: Проспект, 2023. — 288 с.
5. Конституционное право зарубежных стран: под общ. ред. С. А. Баглая, Ю. М. Лейбо, В. И. Энтина. — 3-е изд., перераб. и доп. — М: Норма: Инфра-М. 2010. — 1088 с.
6. Торкунов А. В. Сравнительное политическое устройство зарубежных стран: учебник / А. В. Торкунов. — М.: МГИМО-Университет, 2021. — 416 с
7. Губернатор Калифорнии отклонил требование Трампа выплатить \$1 млрд // РБК. — 2025. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68986dbb9a79477c37bcfed5> (дата обращения: 10.01.2026).

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Саймова Шолпан Алтынбековна

PhD, начальник

*Центр публичного законодательства и государственного
управления, РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО,
г. Астана, Республика Казахстан*

***Аннотация.** В статье рассматривается роль международных организаций в формировании и функционировании современного режима ядерного разоружения, нераспространения и ядерной безопасности. В исследовании отмечается, что сложилась многоуровневая и взаимодополняющая институциональная структура, объединяющая универсальные, региональные и специализированные механизмы регулирования. В статье рассматривается деятельность Организации Объединенных Наций и ее профильных структур, Международного агентства по атомной энергии, Организации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также аналитических центров и неправительственных организаций, формирующих экспертную и концептуальную основу глобального режима.*

***Ключевые слова:** международное право, МАГАТЭ, ООН, ЮНДИР, СИ-ПРИ, ядерное оружие, ядерное разоружение, режим нераспространения ядерного оружия*

Анализ международно-правовых актов и документов международных организаций за период 2018–2025 гг. показывает о формировании многоуровневой и взаимодополняющей структуры ядерного разоружения, нераспространения и международной безопасности. Данная архитектура характеризуется сочетанием универсальных, региональных и институциональных механизмов, направленных как на сокращение и недопущение распространения ядерного оружия, так и на укрепление доверия, транспарентности и мер контроля в данной сфере.

В документах международных организаций следует отметить следующие моменты:

- постоянное обновление международных стандартов МАГАТЭ;

- активизацию деятельности ООН и UNODA в сфере снижения ядерных рисков;
- усиление технических возможностей СТВТО;
- наращивание аналитической работы SIPRI и UNIDIR;
- институционализацию позиций ЕС, ОБСЕ, СВМДА и ШОС в области безопасности;
- укрепление мер контроля и механизмов предотвращения ядерного терроризма и др.

В связи с этим кратко рассмотрим основные аспекты деятельности международных организаций.

ООН координирует и поддерживает диалог в рассматриваемой области посредством резолюций Генеральной Ассамблеи, а также обсуждение вопросов в рамках Обзорных конференций ДНЯО. Основные резолюции (например, «На пути к безъядерному миру» A/RES/73/75) ежегодно подтверждают принципы НПЯ и призывают к ускорению разоружения. Между тем, следует отметить риски, связанные с деятельностью Обзорных конференций, например в 2022 г. на «десятой» Ревизионной конференции ДНЯО не удалось вынести итоговый документ из-за разногласий сторон [1]. В связи с чем, аналитики SIPRI отмечают, что отсутствие консенсуса в двух последних циклах может снизить эффективность режима.

Следует также отметить, позицию Казахстана, так, Президент Казахстана выступает за безъядерный мир на дебатах Генеральной Ассамблеи и в Совете Безопасности, а также инициативу об объявлении 29 августа Всемирным днем отказа от ядерных испытаний. Казахстан возглавляет Пятую комиссию ГА по разоружению, а в 2024–2025 гг. председательствует в Подготовительном Комитете ДНЯО (NPT PrepCom), что представляет ему возможности выдвигать актуальные вопросы сокращения арсеналов и конверсии ядерных отраслей. Казахстанские заявления в ООН неоднократно подчеркивают «нереальность» сохранения ядерного оружия в XXI веке и необходимость генерировать новый консенсус (см. высказывание МИД РК при вступлении ДЗЯО в силу[2]).

Позиция экспертного сообщества указывает на то, что ООН остается важной площадкой формулирования нормативных стандартов. Так, Резолюции Генеральной Ассамблеи, доклады и рекомендации профильных комитетов, а также деятельность специализированных органов, форумов и др. формируют концептуальные основы, которые впоследствии находят отражение в международных договорах, региональных инициативах и национальных правовых режимах.

МАГАТЭ играет важную роль в режиме нераспространения через систему гарантий (INFCIRC/153) и дополнительный протокол. Практической стороной является контроль над нераспространением ядерных технологий.

Казахстан полноправно входит в систему МАГАТЭ заключил международное соглашение по гарантиям при присоединении к ДНЯО в 1994 г., а в 2004 г. подписал Дополнительный протокол, который действует с 2007 г. За 30 лет после независимости в стране не было обнаружено нарушений по ДОГУ. Казахстан предложил МАГАТЭ создать банк низкообогащенного урана (LEU Bank) в Оренбурге (Россия), но впоследствии также поддержал размещение банка в Семипалатинской области. Этот проект обеспечил «гарантированное снабжение» топлива для стран с мирным атомом, не требуя собственных заводов обогащения [3]. Кроме этого, для усиления режима нераспространения Казахстан продвигает идею единых форм отчетности по ядерным материалам, которые могут повысить доверие, а также расширения диалога по безопасности ядерной инфраструктуры.

Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ОТВЗИ/СТВТО) играет важную роль в обеспечении международного режима запрета ядерных взрывов. Несмотря на то, что Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) еще не вступил в силу, Подготовительная комиссия ОТВЗИ фактически выполняет функции полноценного международного органа, отвечающего за создание и эксплуатацию механизмов верификации запрета испытаний. В 2018–2025 гг. деятельность организации была направлена на укрепление технических возможностей международного мониторинга и повышение эффективности мер доверия между государствами.

Центральным элементом работы ОТВЗИ является Международная система мониторинга (МСМ/IMS) — уникальная глобальная сеть из 337 станций сейсмического, инфразвукового, гидроакустического и радионуклидного контроля, которая к 2025 году была создана более чем на 90%. Так об эффективности системы свидетельствует, что данные ОТВЗИ играли важную роль в мониторинге при денуклеаризации Корейского полуострова. В дополнение к мониторингу ОТВЗИ обеспечивает работу Международного центра данных (IDC), который круглосуточно принимает, анализирует и обрабатывает информацию от станций. IDC формирует официальные бюллетени, включая Standard Event Lists и Reviewed Event Bulletins, которые направляются государствам-участникам.

Организация также проводит регулярные учения по инспекциям на месте (On-Site Inspection, OSI) — важнейшему компоненту будущего механизма верификации ДВЗЯИ. Эти учения отрабатывают практическую готовность экспертных групп выявлять признаки ядерных взрывов непосредственно на территории государства. ОТВЗИ реализовывала технические миссии, совершенствовала инструментарий инспекций, включая геофизические, радиационные и сейсмические методы анализа.

Техническая деятельность ОТВЗИ создает информационную основу, а достоверность данных МСМ способствует снижению неопределенности,

предотвращает эскалацию и обеспечивает объективную базу для многосторонних переговоров, включая обсуждения по и глобальные инициативы по вступлению ДВЗЯИ в силу.

Аналитические центры и НПО (UNIDIR, SIPRI, РСМД, NPS и др.) создают интеллектуальную основу режима. Их отчеты выявляют слабые стороны и предлагают решения. Так, SIPRI отмечает, что проблемы в двусторонних договорах (например, отказ США от ДРСМД) стали «ключевыми факторами», формирующим недоверие и фрустрацию в НПЯ. SIPRI зафиксировал близость консенсуса на NPT RevCon 2022 и призвал к созданию рабочей группы по укреплению обзорного процесса [1]. UNIDIR и РСМД (российский центр) называют вызовами «транзитная» политика ядерных держав, усиление региональных конфликтов (Азиатско-Тихоокеанский регион, Ближний Восток) и новые технологии (киберугрозы РАО).

Казахстан учитывает такие исследования, например, в рамках ДНЯО 2023 г. было поддержаны предложения о необходимости «платформы синхронизированных действий» для внедрения решений, а также по сокращению роли ядерного оружия [4,5]. В числе конкретных инициатив следует также отметить введение единой классификации ядерных докладов, организация международных тренингов по гарантии ядерной безопасности, интеграция ЦАБЗЯО в глобальную повестку и др.

Таким образом, в целом следует отметить, что анализ деятельности международных организаций и их инициативы показывают, что они являются институциональным фундаментом ядерного разоружения и нераспространения. Несмотря на усложнение геополитической обстановки, именно международные организации обеспечивают диалог между государствами в этих сферах. Так, МАГАТЭ и ООН (UNODA, UNIDIR, UNDC) обеспечивают реализацию режима нераспространения и предоставляют возможности для переговоров о ядерном разоружении, а их авторитет и техническая экспертиза делают возможным разработку новых мер доверия [6,7]. Региональные организации включают ядерное разоружение и нераспространение в свои декларации и программы действий, тем самым обеспечивая доверие на региональном уровне и побуждая государства выполнять обещания [8]. Научные и общественные организации (SIPRI, PNND, ICAN и др.) же формируют информированное общественное мнение и предлагают креативные решения, которые потом могли быть поддержаны государствами [9,10].

Статья подготовлена в рамках финансирования проекта «AP26100031 — Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран»

Литература

1. Dr Tytti Erästö, Dr Wilfred Wan, Vitaly Fedchenko, Dr Iryna Maksymenko and Dr Polina Sinovets. Nuclear disarmament, arms control and non-proliferation // SIPRI Yearbook 2023 / [https://www.sipri.org/yearbook/2023/08#:~: text=NPT%20review%20conference](https://www.sipri.org/yearbook/2023/08#:~:text=NPT%20review%20conference)

2. Заявление МИД РК в связи со вступлением в силу Договора о запрещении ядерного оружия 22 января 2021 / [https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/Spectrum_24_page7–8.pdf#:~: text=Through%20our%20recently%20signed%20agreement,proliferation%20requirements](https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/150356?lang=ru#:~:text=%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8,%D0%B4%D0%BD%D1%8F%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9)

3. Dr Tytti Erästö, Dr Wilfred Wan, Vitaly Fedchenko, Dr Iryna Maksymenko and Dr Polina Sinovets. Nuclear disarmament, arms control and non-proliferation // SIPRI Yearbook 2023 <https://www.sipri.org/yearbook/2023/08#:~: text=NPT%20review%20conference>

4. Statement at the first session of the Preparatory Committee for the 2026 Review Conference of Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons / [https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Preparatory_Committee_for_the_Eleventh_Review_ConferenceFirst_session_\(2023\)/Kazakhstan_PrepCom_Cluster_1_NucDisarm.pdf#:~: text=](https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Preparatory_Committee_for_the_Eleventh_Review_ConferenceFirst_session_(2023)/Kazakhstan_PrepCom_Cluster_1_NucDisarm.pdf#:~: text=)

5. Christine Parthemore and Andrew Weber. “Lessons from Kazakhstan for 2024: On the Front Lines on Nuclear and Biological Risks.” Edited by Francesco Femia. The Janne E. Nolan Center on Strategic Weapons, an institute of The Council on Strategic Risks. Washington, DC. January 2024. / <https://councilonstrategicrisks.org/2024/01/30/lessons-from-kazakhstan-for-2024/#:~: text=match%20at%20L385%20In%20its,weapons%20states%20are%20driving%20in>

6. Declaration of the Fifth Summit of Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia Dushanbe, 15 June 2019 / <https://www.s-cica.org/docs/1680205591637b694948577.pdf#:~: text=disarmament%20and%20arms%20control%2C%20and,NPT%20Review%20Conference%20a%20success>

7. The Moscow Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation, 10 november 2020 / <https://eng.sectsc.org/20201110/690356.html#:~: text=The%20member%20states%20shall%20continue,proliferation>

8. Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty 14/07/2019 № 556/19. STATEMENTS AND REMARKS/ <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/14/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-the-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/#:~:text=In%20this%20context%2C%20we%20highlight,%20Proliferation%20Treaty%20%28NPT>

9. States invest in nuclear arsenals as geopolitical relations deteriorate — New SIPRI Yearbook out now, 12 June 2023 / <https://www.sipri.org/media/press-release/2023/states-invest-nuclear-arsenals-geopolitical-relations-deteriorate-new-sipri-yearbook-out-now#:~:text=%E2%80%98Most%20of%20the%20nuclear,%E2%80%99>

10. PNND international conference adopts the Astana Vision declaration, September 16, 2016 / <https://www.pnnd.org/article/pnnd-international-conference-adopts-astana-vision-declaration#:~:text=The%20conference%20adopted%20a%20declaration,%20anniversary%20of%20the%20United%20Nations>

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЖИМА ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Иржанов Алимжан Самигуллаевич

кандидат юридических наук, главный специалист

Центр публичного законодательства и государственного

управления, РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО,

г. Астана, Республика Казахстан

Аннотация: В статье анализируется современное состояние и ключевые вызовы международного режима ядерного разоружения и нераспространения в условиях обострения геополитической напряженности и трансформации стратегической среды. Рассматривается договорно-правовое ядро режима, включающее ДНЯО, ДЗЯО, ДВЗЯИ, договоры по сокращению стратегических вооружений, региональные зоны, свободные от ядерного оружия, а также конвенции в области ядерной и физической безопасности.

Ключевые слова: международное право, МАГАТЭ, ядерное оружие, ядерное разоружение, режим нераспространения ядерного оружия

Как известно, основу современного режима ядерного разоружения и нераспространения образует совокупность универсальных и региональных международно-правовых договоров, которые формируют правовые основы для ограничения ядерных вооружений и предотвращения их распространения. Центральное место в этой системе занимает Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 г. (ДНЯО), закрепивший основные аспекты международного режима на основе трех взаимосвязанных «столпов»: нераспространение, ядерное разоружение и мирное использование атомной энергии.

Важным элементом режима являются договоренности, направленные на запрещение ядерных испытаний, например, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, который, несмотря на отсутствие факта вступления в силу, фактически создал глобальную систему мониторинга и верификации, ограничивающую возможности возобновления испытаний и способствующую укреплению мер доверия. Существенное значение также имеет Договор о запрещении ядерного оружия 2017 г. (ДЗЯО), который

впервые на международном уровне закрепил полный запрет всех аспектов ядерного оружия. Другим элементом международного режима выступают двусторонние и многосторонние договоры по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ), которые традиционно обеспечивали практическое снижение ядерных арсеналов и транспарентность между крупнейшими ядерными державами.

На региональном уровне особую роль играют договоры о создании зон, свободных от ядерного оружия, призванные институционализировать отказ от ядерных вооружений в отдельных регионах. В этом контексте показателен опыт Казахстана. Будучи одним из инициаторов Международного дня против ядерных испытаний (29 августа) и безъядерных инициатив, Казахстан активно продвигает идеи зоны свободные от ЯО. Так, в 2024 г. Астана совместно с ООН/UNODA впервые за пять лет организовала семинар по укреплению взаимодействия между всеми пятью действующими ЗСЯО (Латинская Америка, Африка, ЮВА, Океания, Центральная Азия). Следует также отметить, что Казахстан выступает за поддержание ДНЯО и ДЗЯО, а также деятельности МАГАТЭ (включая инициативы по ядерной безопасности). Кроме того, Казахстан поддерживает идеи помощи пострадавшим от ядерных испытаний и восстановления окружающей среды (пункты 6–7 ТЗЯО), выступая за создание международного фонда для поддержки таких программ [1].

В совокупности указанные договоры образуют многоуровневую и взаимодополняющую архитектуру режима ядерного разоружения и нераспространения, в рамках которого формируется правовая основа международной и региональной ядерной безопасности. Каждый международный договор режима ядерного разоружения и нераспространения формирует правовые основы сотрудничества, но на практике их реализация сталкивается с рядом проблем и рисков.

В связи с этим целесообразно кратко рассмотреть их основные проблемы и риски.

Высокий уровень напряженности в сфере ядерного разоружения и нераспространения. Так на сегодняшний день по оценкам ООН/UNODA и SIPRI, мировая ядерная среда характеризуется эскалацией напряженности и стагнацией «сдерживающих» механизмов. В отчете UNODA за 2024 г. отмечено сохранение «остро повышенного ядерного риска», при том что прогресс в разоружении и нераспространении выглядят «все более недостижимым», а слова «ядерная гонка» все чаще звучит в публичной дискуссии: нарастают призывы к модернизации ядерных арсеналов (в том числе к переносу производства новых боеприпасов), а отсутствие оборонительных мер повышает опасность непреднамеренного применения [2].

Отсутствие доверия. Основная проблема является кризис доверия между ядерными державами и неядерными государствами. Так, отказ США и РФ

от отдельных договоров (РСМД 2019) и приостановка СНВ-III без плана замены ставят под сомнение способность уменьшить арсеналы ядерного оружия [3]. Другим примером, является, что UNODA отмечает удаление из ядерной доктрины России фразы о «соблюдении международных обязательств» [2].

Обновление и модернизация арсеналов ядерного оружия. По мнению экспертов, несмотря на то, что количество единиц ядерного оружия в мире сокращается, ядерные державы продолжают обновлять и модернизировать свои боезаряды и средства доставки. Помимо России и США, модернизацией ядерных арсеналов занимаются все ядерные государства: Великобритания, Индия, Китай, КНДР, Пакистан и Франция [4].

Большинство международных договоров не носят всеобъемлющий характер. Например, Договор о всеобщем запрете испытаний (ДВЗЯИ) все еще не действует из-за нерешенных вопросов ратификации, а это, в свою очередь, оставляет возможности для проведения испытаний. Следует также отметить, что хотя регулирование ракетных технологий (НСОС, МБТЦ) и расширилось, но не распространяется на новые гиперзвуковые и кибернетические аспекты доставки оружия массового уничтожения. Кроме того, отсутствует единый подход к реагированию на международном уровне на нарушение режима ядерной безопасности, будь то ядерный взрыв или ядерный теракт. Ответственность в этом случае традиционно возлагается на государства, однако современный характер угроз (подконтрольные негосударственные группы, гибридные атаки) ставит режим ядерной безопасности перед новыми вызовами и проблемами.

Аналогичная проблема существует и с приданием ДНЯО универсального характера. За его пределами остаются 4 государства — Индия, Израиль, Пакистан и КНДР. Все эти страны являются ядерными, хотя это и не признают Договором, поскольку три из них произвели ядерные испытания уже после того, как документ вступил в силу, а Израиль вообще не признает (но и не отвергает) наличия у него ядерного оружия [5].

Ограничения институциональных механизмов. Механизмы мониторинга и контроля существуют, но их охват неполон. Так, МАГАТЭ хотя и продолжает наращивать инспекционный потенциал, однако по состоянию на 2024 г. некоторые страны не присоединились к системе МАГАТЭ, что ограничивает возможности секретариата по проведению мониторинга и контроля.

Угроза расширения «ядерного клуба». В контексте современных международных отношений данная проблема полностью не исчезла, и даже сегодня многие эксперты обеспокоены тем, что некоторые государства — члены ДНЯО могут нарушить свои договорные обязательства и заняться производством ядерного оружия. Наиболее часто в этом контексте упоминается Иран, реже — Япония и Южная Корея. Иногда в качестве государств, представляющих

потенциальную угрозу, также рассматриваются Тайвань, Турция, Египет и др. [4]

Таким образом, современный ядерный режим представляет собой сложную систему взаимосвязанных правовых, институциональных и технических элементов. С одной стороны, сформированная за десятилетия многосторонняя архитектура (ДНЯО, СНВ, ДВЗЯИ, ЗСЯО, гарантии МАГАТЭ и др.) заложила основы международной безопасности. С другой стороны, разногласия между странами и современные технологические изменения ставят перед ней серьезные испытания. Аналитики обращают внимание на растущую опасность ядерного соперничества: «раскручивание ядерного оружия как средства устрашения» вновь становится инструментом политики[2,3].

Статья подготовлена в рамках финансирования проекта «AP26100031 — Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран»

Литература

1. Katsuhiro A. *Kazakhstan Takes Lead in Global Push for Nuclear Disarmament Amid Heightened Tensions*, 26 AUGUST 2024 <https://astanatimes.com/2024/08/kazakhstan-takes-lead-in-global-push-for-nuclear-disarmament-amid-heightened-tensions/#:~:text=NWFZs%20are%20critical%20components%20of,national%20commitment%20to%20nuclear%20non>
2. UNODA. *Yearbook 2024* / <https://yearbook.unoda.org/en-us/2024/chapter1/#:~:text=Following%20the%20pattern%20of%20recent,unfulfilled%20or%20facing%20further%20backsliding>
3. SIPRI. *Yearbook 2025* / <https://www.sipri.org/yearbook/2025/08#:~:text=Nuclear%20disarmament%2C%20arms%20control%20and,deterrence%20to%20counter%20China%E2%80%99s%20expanding>
4. Селезнева Д. А. Проблемы и перспективы Договора о нераспространении ядерного оружия. Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН, 2022, № 4, сс. 61–73. <https://doi.org/10.20542/afij-2022-4-61-73>
5. Пикаев А. Международный режим нераспространения ядерного оружия / <https://www.perspektivy.info/print.php?ID=36218>

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Юшина Елена Александровна

доцент

Херсонский технический университет, г. Геническ

Слюсарев Владислав Александрович

магистрант

Херсонский технический университет, г. Геническ

Аннотация. В статье анализируются механизмы формирования общественного мнения в условиях взаимодействия государства и гражданского общества. Общественное мнение рассматривается как значимый фактор публичной политики и общественного доверия к институтам власти. Выявляются основные проблемы современных коммуникационных практик и обосновываются направления их совершенствования, ориентированные на развитие открытого диалога, расширение участия граждан и повышение прозрачности государственно-общественного взаимодействия. В статье сформулировано и обосновано мнение о том, что устойчивость общественного доверия к власти формируется через реальный диалог, открытость процедур и решение конкретных проблем граждан, а не через формальное информирование, а эффективная государственная коммуникация должна быть ориентирована на совместный поиск решений и учёт запросов общества.

Ключевые слова: общественное мнение, государство, гражданское общество, публичная политика, средства массовой информации, общественные коммуникации, гражданское участие.

Annotation. This article analyzes the mechanisms of public opinion formation in the context of interaction between the state and civil society. Public opinion is considered a significant factor in public policy and public trust in government institutions. The main problems of modern communication practices are identified and areas for improvement are substantiated, aimed at developing open dialogue, expanding citizen participation, and increasing the transparency of government-public interactions. The article formulates and substantiates the view that

sustainable public trust in government is formed through genuine dialogue, open procedures, and addressing specific citizen concerns, rather than through formal information dissemination. Effective government communication should be focused on the joint search for solutions and addressing public demands.

Keywords: *public opinion, state, civil society, public policy, mass media, public communications, civic participation.*

Формирование общественного мнения представляет собой многоплановый социально-коммуникационный процесс, в котором пересекаются информационные, институциональные и поведенческие факторы. Общественное мнение не существует вне медиасреды и институтов участия: оно рождается в результате интерпретации фактов и сигналов, циркулирующих в обществе, и трансформируется под воздействием агентств коммуникации — традиционных СМИ, цифровых платформ, лидеров мнений и организационных структур гражданского общества. В современной практике взаимодействия государства и гражданского общества формирование общественного мнения выступает одновременно инструментом политики и измерителем её эффективности; при этом устойчивость общественного доверия к институтам власти определяется не столько содержанием отдельных политических действий, сколько системой коммуникации, доступностью каналов обратной связи и прозрачностью процедур вовлечения граждан в обсуждение публичных инициатив. Данное положение подтверждается исследованиями, показывающими, что при наличии развитых каналов сотрудничества между государством и институтами гражданского общества возрастает восприимчивость населения к объяснению политических решений и снижается уровень конфликтности восприятия публичных инициатив: «Принцип публичности в демократии играет решающую роль. Он предполагает открытость и доступность информации о деятельности органов власти, что позволяет гражданам оценивать их эффективность, контролировать их действия и своевременно реагировать на любые отклонения от принципов демократии и правового государства». В этом контексте важно отметить, что современное общество сталкивается с вызовами, связанными с информационной перегрузкой и фрагментацией медийного пространства. В условиях цифровизации и роста влияния социальных сетей, информация становится не только средством передачи знаний, но и инструментом манипуляции. Поэтому критическое мышление и медиа-грамотность становятся необходимыми навыками для граждан, позволяющими им не только осознанно воспринимать информацию, но и активно участвовать в формировании общественного мнения.

Также стоит подчеркнуть, что общественное мнение — это не статичная величина, а динамический процесс, который подвержен влиянию различных

факторов: от культурных и социальных до экономических и политических. Социальные движения, протестные акции и участие граждан в обсуждении актуальных вопросов могут значительно изменить вектор общественного мнения, что делает его важным индикатором общественного настроения и настроений по отношению к власти и её действиям.

Современные механизмы формирования общественного мнения отличаются высокой медиатизацией: информационные повестки всё чаще определяются нецентрализованными цифровыми платформами и алгоритмическими фидами, что усиливает фрагментацию информационного поля и порождает «пузырь подтверждения» для различных социальных групп. Одновременно традиционные медиа сохраняют значительную роль как в формировании повестки, так и в легитимации показателей публичного дискурса, особенно в регионах и среди возрастных групп, менее активных в цифровой среде. Роль СМИ в формировании гражданской повестки и в содействии развитию институтов гражданского общества подчёркивается эмпирическими и теоретическими работами последних лет: независимая профессиональная журналистика выступает каналом, через который возможна артикуляция мнений меньшинств, экспертов и гражданских инициатив; её слабость или зависимость приводит к снижению качества общественной дискуссии и ограничению возможностей для конструктивного диалога.

Государство, в свою очередь, обладает уникальными ресурсами по формированию и трансляции официальных смыслов: институциональная коммуникация, административные каналы распространения информации, государственные программы и публичные кампании. Однако эффективность этих ресурсов определяется не только мощностью механизма трансляции, но и восприимчивостью общественного пространства к этим сообщениям, что требует открытости процедур вовлечения, прозрачности объяснений публичных решений и наличия реальной обратной связи. Практика демонстрирует, что формальные механизмы общественных консультаций, если они носят декларативный характер и не обеспечивают видимого результата для граждан, усиливают настроения недоверия и апатии; напротив, системный и институционализированный диалог (включая практики совместной разработки нормативов, общественные слушания с учётом протокола реализации рекомендаций, регулярный мониторинг общественных настроений) повышает легитимность решений и улучшает качество публичного управления. Кроме того, российские исследователи отмечают, что эффективность социального партнёрства государства и гражданского общества определяется не столько количеством принятых программ и проведённых мероприятий, сколько решением конкретных жизненных проблем населения, выявляемых в том числе на основе социологических исследований и обратной связи с гражданами.

Именно поэтому, акцент в государственной коммуникации должен смещаться с простого информирования на создание условий для совместного поиска решений. Недостаточно просто «рассказать» о политике — необходимо вовлечь граждан в ее разработку и реализацию, предоставить им возможность влиять на принимаемые решения, требуя принципиального пересмотра подходов к организации общественных консультаций, отказа от формального выполнения требований закона и перехода к реальному диалогу, основанному на взаимном уважении и доверии. Образовавшаяся связь между эффективностью социального партнерства и решением конкретных жизненных проблем населения — это ключевой момент. Государственная коммуникация не должна существовать в вакууме, оторванной от реальных потребностей и запросов граждан. Она должна быть ориентирована на решение конкретных проблем, на улучшение качества жизни людей. И здесь социологические исследования, и обратная связь с гражданами выступают не просто инструментом мониторинга общественного мнения, а основой для формирования эффективной государственной политики, поэтому важно понимать, что доверие к власти не дается автоматически, оно зарабатывается ежедневным трудом, открытостью, честностью и готовностью к диалогу. Игнорирование проблем, замалчивание информации, формальное отношение к общественному мнению — все это неизбежно ведет к эрозии доверия и подрывает легитимность власти.

К числу ключевых проблем современного механизма формирования общественного мнения относятся: асимметрия доступа к информации и ресурсам (региональные и социальные различия в доступности качественной информации и возможностей для выражения позиции), институциональная неустойчивость каналов обратной связи, недостаточная открытость процедур общественных консультаций и, как следствие, снижение доверия населения к официальным источникам. Цифровая фрагментация информационного поля усиливает эффект поляризации, формируя отдельные аудитории со специфической картиной реальности; это осложняет достижение общественно значимых консенсусов и требует от государственной политики новых подходов к построению инклюзивной коммуникативной среды. Практики, направленные лишь на управление информацией «сверху» без учета контекстов локальной коммуникации и без привлечения активных инфраструктур гражданского общества, оказываются малоэффективными или дают краткосрочный эффект.

Для повышения эффективности механизмов формирования общественного мнения необходимо применять комплексный подход, сочетающий институциональные реформы, развитие коммуникационных практик и технологические решения. С институциональной точки зрения важным направлением является усиление роли независимых и профессиональных медиа как пространств публичного обсуждения, а также создание устойчивых институциональных

платформ для вовлечения гражданских объединений в процедуру подготовки и оценки публичных инициатив. Практически это может выражаться в развитии региональной медиаграмотности, поддержке исследовательских и мониторинговых центров при общественных палатах и профильных министерствах, а также в институционализации форм «соавторства» при разработке нормативных актов (например, пилотные проекты с обязательным оценочным блоком общественных рекомендаций и мониторинга реализации). Значимым ресурсом является создание прозрачных механизмов общественных консультаций с чёткими требованиями по учёту замечаний и открытыми отчётами о том, как рекомендации граждан были использованы при формировании конечного решения, повышая доверие и давая гражданам практическое ощущение своей эффективности как политических субъектов.

Технологические инструменты не следует рассматривать исключительно как каналы трансляции — они также могут усилить инклюзивность и качество обратной связи. Развитие цифровых платформ для публичных консультаций должно сопровождаться гарантией прозрачности процедур (публикация аналитики по видам обращений, метрик охвата и репрезентативности), защитой персональных данных и мерами против манипулятивных практик (бот-атаки, координатные кампании). Одновременно важно развивать офлайн-инструменты, поскольку значимая часть населения продолжает полагаться на традиционные каналы коммуникации; системные программы медиаобразования и повышения гражданской компетентности повышают способность общества критически воспринимать информацию и участвовать в дискуссиях. Поддержка исследовательских центров и доступ к релевантным социологическим данным придают обоснованность процессу принятия решений и служат ориентиром для корректировки государственной коммуникационной политики в реальном времени.

Литература

1. Демьянова О. А. *Формирование общественного мнения как приоритетная задача современных политико-публичных институтов: перспективы использования PR-технологий для развития социального государства // Форум молодых ученых.* — 2022. — № 9(73). — С. 10–15.

2. Ильичева Л. Е., Паршина Е. В., Лапин А. В., Ильичева М. В. *Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* — 2024. — № 4. — С. 315–332.

3. Лебедева Л. Г. О взаимодействии государства и гражданского общества в аспекте социальности // *Наука. Общество. Государство.* — 2025. — № 3. — С. 93–107.

4. Нестурова А. Р., Рамазанов А. Х. Роль СМИ в формировании гражданского общества в Российской Федерации // *Роль СМИ в формировании гражданского общества в Российской Федерации.* — 2023. — № 4. — С. 48–52.

5. Орлова А. Н. Государство и гражданское общество: сотрудничество и взаимосвязь // *Вестник Костромского государственного университета.* — 2024. — № 1. — С. 243–250.

Электронные источники

6. *Гражданское общество и государство [Электронный ресурс].* — Режим доступа: <https://report2024.oprf.ru/ru-RU/civil-society-and-the-state.html> (дата обращения: 16.12.2025 г.).

ОПТИМИЗАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Юшина Елена Александровна

доцент

Херсонский технический университет, г. Геническ

Слюсарев Владислав Александрович

магистрант

Херсонский технический университет, г. Геническ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования механизмов взаимодействия государства и гражданского общества в современной коммуникационной среде. Основная проблема — необходимость перехода от формального, декларативного сотрудничества к системному партнёрству, обеспечивающему реальное вовлечение граждан и НКО в процессы принятия решений. Ключевые направления совершенствования: развитие коммуникационных каналов, институционализация партнёрства, оценка качества диалога, противодействие манипуляциям, интеграция науки и практики. Важнейшие условия реализации — учёт регионального контекста (особенностей медиапотребления, уровня доверия к власти, технологической доступности) и переход от разовых мероприятий к устойчивым процедурам взаимодействия. Ожидаемый результат — повышение качества управленческих решений, укрепление социальной связности и развитие демократических институтов через культивирование культуры открытого диалога.

Ключевые слова: Партнёрство государства и гражданского общества, цифровые платформы, прозрачность процедур, оценка качества диалога, институциональные гарантии, Медиаобразование.

Annotation. This article examines the improvement of mechanisms for interaction between the state and civil society in the modern communications environment. The key challenge is the need to move from formal, declarative cooperation to a systemic partnership that ensures the genuine involvement of citizens and NGOs in decision-making processes. Key areas for improvement include developing communication channels, institutionalizing partnerships,

assessing the quality of dialogue, countering manipulation, and integrating science and practice. Key implementation conditions include consideration of the regional context (specifics of media consumption, levels of trust in government, and technological accessibility) and a transition from one-off events to sustainable interaction procedures. The expected outcome is improved management decision-making, stronger social cohesion, and the development of democratic institutions through cultivating a culture of open dialogue.

Keywords: *State-civil society partnerships, digital platforms, procedural transparency, dialogue quality assessment, institutional guarantees, media education.*

Технологические инструменты не следует рассматривать исключительно как каналы трансляции — они также могут усилить инклюзивность и качество обратной связи. Развитие цифровых платформ для публичных консультаций должно сопровождаться гарантией прозрачности процедур (публикация аналитики по видам обращений, метрик охвата и репрезентативности), защитой персональных данных и мерами против манипулятивных практик (бот-атаки, координатные кампании). Одновременно важно развивать офлайн-инструменты, поскольку значимая часть населения продолжает полагаться на традиционные каналы коммуникации; системные программы медиаобразования и повышения гражданской компетентности повышают способность общества критически воспринимать информацию и участвовать в дискуссиях. Поддержка исследовательских центров и доступ к релевантным социологическим данным придают обоснованность процессу принятия решений и служат ориентиром для корректировки государственной коммуникационной политики в реальном времени.

Ключевой аспект совершенствования механизмов — повышение качества партнерства между государством и гражданским обществом на основе принципов равноправия и соучастия, что требует не только декларативного привлечения НКО к консультациям, но и конкретных процедур: совместных рабочих групп, общественных советов с реальными полномочиями, механик финансирования совместных экспертиз и программ, систем мониторинга и оценки совместных проектов. При этом государство должно обеспечить институциональные гарантии для независимости экспертных сообществ и защиты их профессиональной автономии, чтобы общественные рекомендации воспринимались как содержательная добавленная стоимость, а не формальная имитация диалога. Опыт регионов показывает, что соглашения о сотрудничестве и стандарты взаимодействия (с чётким расписанием, бюджетной привязкой и механизмами отчётности) значительно повышают устойчивость и практическую результативность такого партнёрства.

Важным направлением является разработка и внедрение методик оценки качества общественного диалога и форм его учёта в процессах принятия управленческих решений. Такая методика должна включать не только количественные индикаторы (число участников, охват коммуникаций, количество поступивших замечаний), но и качественные критерии (репрезентативность участников, глубина экспертной проработки предложений, степень реализации рекомендаций): «За последние годы качественное развитие диалога между государством и некоммерческими организациями способствовало существенной трансформации общественных институтов, которые сегодня не только реагируют на вызовы в различных сферах жизни общества, но и сами становятся инициаторами общественных изменений». Наличие комплексных индикаторов позволяет оперативно выявлять «узкие места» коммуникационной политики и корректировать инструменты вовлечения. Практическая реализация мониторинга требует синхронизации баз данных государственных органов, общественных объединений и исследовательских институтов, а также публичной отчётности по результатам этих измерений. Создание открытых дашбордов и регулярное публичное обсуждение их результатов способствует повышению степени общественного доверия и укрепляет институциональную прозрачность.

Необходимо также учитывать риски манипуляции общественным мнением, связанные с использованием современных PR-технологий и алгоритмических инструментов. Решения о регулировании таких практик не должны превращаться в инструмент цензуры; задачей регулятора является обеспечение прозрачности рекламного и спонсорского контента, обязательная маркировка политической рекламы и усиление требований к раскрытию информации о финансировании кампаний. Параллельно целесообразно развивать нормы профессиональной этики в медиа и цифровых платформах, стимулируя саморегуляцию профессиональных сообществ и независимые механизмы проверки фактов. Инвестиции в фактчек-проекты и поддержка независимых медиа-платформ укрепляют устойчивость информационной среды и снижают уязвимость общества к манипуляциям.

В научно-практическом плане важна интеграция академических исследований, экспертных оценок и практики публичной политики. Научные центры и университетские лаборатории могут обеспечить методологическую поддержку для проектирования коммуникационных стратегий, оценки их эффективности и обучения государственных служащих работе с обществом. При этом научный вклад должен быть прикладным: разработка стандартов проведения общественных консультаций, методик репрезентативного опроса и анализа социальных сетей, протоколов оценки воздействия коммуникационных кампаний. Установление долгосрочных партнёрств между научными

институтами, органами власти и гражданскими организациями создаст инерцию к воспроизводству качественных практик диалога и позволит отслеживать эволюцию общественного мнения в динамике, поскольку социальность в институционально-организационном измерении представляет собой «не просто коммуникацию между людьми, а организованное сосуществование людей, их объединение и дифференциацию, создающие солидарности и конфликты», формируя тем самым определённый порядок социальных отношений. Именно поэтому, создание устойчивой экосистемы, объединяющей науку, практику и гражданское общество, является не просто желательным, а необходимым условием для эффективного формирования общественного мнения и развития демократических институтов. Речь идет не о разовых заказах на проведение исследований, а о долгосрочном, системном сотрудничестве, основанном на взаимном доверии и общих целях. Подчеркнутая необходимость прикладного характера научных исследований — это критически важный момент. Теоретические разработки, оторванные от реальной практики, мало что значат для государственных служащих, которым необходимо решать конкретные задачи в области коммуникации. Нужны практические инструменты, методики, стандарты, которые можно использовать для повышения эффективности работы с обществом. Разработка таких инструментов требует тесного взаимодействия между учеными и практиками, обмена опытом и знаниями.

Таким образом, совершенствование механизмов формирования общественного мнения в контексте взаимодействия государства и гражданского общества требует сочетания институциональных изменений, технологических решений и культурных инициатив. Важнейшими элементами такого совершенствования являются: укрепление независимой медиасреды и журналистики, институционализация реальных процедур вовлечения граждан и НКО, внедрение прозрачных цифровых платформ и офлайн-инструментов для публичных консультаций, развитие оценочных методик и мониторинга, а также меры по снижению рисков манипуляции. На практике реализация этих мер должна опираться на локальный контекст: региональные особенности медиапотребления, уровень доверия к власти, инфраструктуру гражданского общества и технологическую доступность. Последовательный переход от декларативных форм сотрудничества к институционально закреплённым процедурам и культивирование культуры открытого диалога закладывают основу для более стабильной и ответственной публичной политики, повышая качество управленческих решений и укрепляя социальную связность.

Литература

1. Демьянова О. А. Формирование общественного мнения как приоритетная задача современных политико-публичных институтов: перспективы использования PR-технологий для развития социального государства // Форум молодых ученых. — 2022. — № 9(73). — С. 10–15.

2. Ильичева Л. Е., Паришина Е. В., Лапин А. В., Ильичева М. В. Взаимодействие государства и гражданского общества: анализ оценок эффективности политики социального партнерства на основе опросов москвичей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2024. — № 4. — С. 315–332.

3. Славникова К. Н. Формирование общественного мнения посредством социальных сетей // E-Scio. — 2023. — № 2. — С. 1–8.

4. Кондрашкина А. А. Педагогический потенциал медиаобразования как фактора становления гражданского общества // 2012.

Электронные источники

5. Гражданское общество и государство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://report2024.oprf.ru/ru-RU/civil-society-and-the-state.html> (дата обращения: 16.12.2025 г.).

DOI 10.34660/INF.2025.80.27.019

О НЕКОТОРЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРАХ В СФЕРЕ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Болат Алибек Алмазович

*магистр права, преподаватель-лектор
НАО «Жетысуский университет им. И. Жансугурова»,
г. Талдыкорган, Республика Казахстан*

Саймова Шолпан Алтынбековна

*PhD, начальник
Центр публичного законодательства и государственного
управления, РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО,
г. Астана, Республика Казахстан*

***Аннотация.** В статье рассматриваются международные договоры в сфере ядерного разоружения и нераспространения, формирующие современную архитектуру международного ядерного режима. В статье делается обзор международно-правовых инструментов, включая Договор о нераспространении ядерного оружия, Договор о запрещении ядерного оружия, Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, а также конвенции по физической защите ядерного материала и борьбе с актами ядерного терроризма. Рассматривается также вклад Республики Казахстан в развитие международных инициатив в области ядерного разоружения и нераспространения, включая участие в международных договорах и инициирование зоны, свободной от ядерного оружия, в Центральной Азии.*

***Ключевые слова:** международное право, МАГАТЭ, ядерное оружие, ядерное разоружение, режим нераспространения ядерного оружия*

В современном международно-правовом понимании ядерная безопасность охватывает совокупность мер, направленных на физическую защиту ядерных материалов и объектов, а также на предотвращение актов ядерного и радиологического терроризма. Нормативную основу в данной сфере формируют Конвенция о физической защите ядерного материала и ядерных установок (с учетом принятой поправки, расширившей сферу ее действия), Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г., а также система стандартов,

рекомендаций и технической помощи, разрабатываемых Международным агентством по атомной энергии.

Эти международные договора закрепляют обязательства государств по обеспечению охраны ядерных материалов, предотвращению несанкционированного доступа и реагированию на инциденты, связанные с ядерными и радиоактивными веществами. Однако события последних лет показывает «отсутствие мер по недопущению применения ядерного оружия в сочетании с эрозией режима контроля над вооружениями», что порождает страхи случайного ядерного инцидента [1]. Одновременно развивается концепция ядерной безопасности в мирное время, а МАГАТЭ разрабатывает планы обеспечения безопасности АЭС и материалов, но вопрос эффективного глобального координированного реагирования остается открытым.

В связи с этим следует кратко рассмотреть основные международно-правовые акты в сфере ядерного разоружения и нераспространения.

Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) остается «краеугольным камнем глобального режима» нераспространения. Данный договор установил «великую сделку» между пятью ядерными державами и остальным миром, закрепив три равнозначных «столпа» — разоружение, нераспространение и мирное использование атомной энергии [2]. Вместе с тем режим ДНЯО испытывает серьезные сложности, так ряд потенциально военных ядерных программ (Иран) и фактических обладателей ядерного оружия (Северная Корея, Израиль, Индия, Пакистан) находятся вне договоренностей. Неприверженность обязательств (радиоактивность ядерных гонок) и текущие гонки вооружений крупных держав создают ситуации фрустрации (т.е. непринятие итоговых документов Ревизионных конференций 2015 и 2022 гг.) [3].

Казахстан ратифицировал ДНЯО как безъядерное государство в 1994 г. после демонтажа ядерного наследия СССР. В связи с этим, Казахстан, председательствующий в подготовительном комитете NPT, подчеркивает необходимость полного выполнения ст. VI (ядерное разоружение) и создание всеобщей «картотеки» ядерных арсеналов, чтобы повысить прозрачность и доверие [4]. Среди его предложений также можно отметить мораторий на производство военного урана с отчетностью, а также переход к постоянному многостороннему договору (следующему после СНВ-III).

Новый Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), принятый резолюцией ООН A/RES/71/258, предусматривает запрет уже всех аспектов ядерного оружия. Между тем, эффективность ДЗЯО является недостаточной, поскольку ядерные державы его не подписали, и режим ДЗЯО остается нереализованным в полном объеме. Казахстан ратифицировал ДЗЯО в 2019 и активно призывает государства к широкому участию в данном договоре [5].

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ, 1996 г.) предотвратил дальнейшую гонку ядерных взрывов и стал «катализатором разоружения» [5]. Договор расширяет до безусловных рамок ограниченный режим запрещения испытаний ядерного оружия, введенный, например, Договором о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года. Однако, ДВЗЯИ не вступил в силу, поскольку некоторыми странами не был ратифицирован. Казахстан, как наследник бывшего полигона Семипалатинск, активно поддерживает ДВЗЯИ, так в частности, первым закрыл свой ядерный полигон в 1991 г. и внес несколько станций МГД в глобальную систему мониторинга (от Казахстана участвуют пять станций КРМ) [6]. По предложению Казахстана и ряда стран, целесообразно оставшимся странам ускоренно ратифицировать ДВЗЯИ, а также продвигать Конвенцию по запрещению производства расщепляющихся материалов (п. 50 План действий ДЗЯО в 2022 г., инициирована в ООН, но переговоры не начаты).

Конвенция о физической защите ядерного материала (CPPNM, 1979) и ее поправка (2005) устанавливают меры физической защиты, которые должны применяться в отношении ядерного материала при международных перевозках, а также меры в отношении уголовных преступлений, связанных с ядерным материалом. 8 июля 2005 года Стороны Конвенции приняли на основе консенсуса поправку к Конвенции, которая вступила в силу 8 мая 2016 года. Эта конвенция и поправка к ней являются единственными имеющими юридически обязательную силу международно-правовыми документами в области физической защиты ядерного материала [7]. Казахстан подписал и ратифицировал эту Конвенцию и поправку к ней.

Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (A/RES/59/290, 2005) предусмотрела уголовной ответственности за планирование или совершение нападений с использованием ядерного или радиоактивного вещества. Конвенция предписывает государствам-участникам принять меры для признания уголовными преступлениями согласно своему национальному законодательству определенных конкретных деяний и установить за них соответствующие наказания. Такие деяния должны быть связаны с ядерным или другим радиоактивным материалом, ядерными объектами и устройствами [8]. Она призвана содействовать развитию сотрудничества между странами путем обмена информацией и оказания помощи в расследованиях и экстрадиции. Казахстан подписал и ратифицировал эту Конвенцию и участвует в международном обмене информацией согласно ее положениям.

Зоны, свободные от ядерного оружия. Систему региональных безъядерных зон (БЗЯО) составляет несколько договоров, которые закрепляют отказ стран региона от любых операций с ядерным оружием. Так, Договор

Тлателолко (1967) охватывает Латинскую Америку, «Раротонга» (1986) — Юго-Тихоокеанский регион, «Пелиндаба» (1996) — Африку, «Бангкок» (1995) — ЮВА и «Семипалатинск» (2006) — Центральную Азию. Эти соглашения усиливают режим нераспространения, способствуя региональной стабильности. Казахстан выступил одним из инициаторов последнего — Договора о БЗЯО в Центральной Азии (Семипалатинск, 2006), вступившего в силу в 2009 г. (наряду с четырьмя соседями)[6, С. 2]. Сам факт создания зоны в регионе бывшей СЭВ подчеркнул принцип отказа от ядерного наследия СССР.

Таким образом, современный международно-правовой режим ядерного разоружения и нераспространения с одной стороны сформирован и основывается на системе универсальных и региональных договоров, охватывающих ключевые аспекты ядерной проблематики. Между тем, с другой стороны, эффективность данного режима является недостаточной и характеризуется проблемными аспектами неприсоединения ряда стран, замедления переговорных процессов, а также рисками невыполнения обязательств по ядерному разоружению и др. В целом следует отметить, что дальнейшее укрепление международного режима ядерного разоружения и нераспространения требует не столько разработку новых договоров, сколько выполнение уже принятых обязательств, расширение участия государств в соглашениях, усиление многосторонней координации и др.

Статья подготовлена в рамках финансирования проекта «AP26100031 — Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран»

Литература

1. *The United Nations disarmament yearbook — Volume 49–2024 / [https://yearbook.unoda.org/en-us/2024/chapter1/#:~: text=return%20to%20 dangerous%20cold%20war, Speaking%20on%20the%202024](https://yearbook.unoda.org/en-us/2024/chapter1/#:~:text=return%20to%20dangerous%20cold%20war,Speaking%20on%20the%202024)*

2. *Давыдова А. Основные вызовы режиму ядерного нераспространения от 17 мая 2024 / [https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/osnovnye-vyzovy-rezhimu-yadernogo-nerasprostraneniya/?sphrase_id=178432453#:~: text=%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE,%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%94%D0%9D%D0%AF%D0%9E%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1](https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/osnovnye-vyzovy-rezhimu-yadernogo-nerasprostraneniya/?sphrase_id=178432453#:~:text=%D0%9E%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D1%8B%D0%BC%20%D0%BC%D0%B5%D0%B6%D0%B4%D1%83%D0%BD%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE,%D1%83%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0%D0%BC%D0%B8%20%D0%94%D0%9D%D0%AF%D0%9E%20%D1%8F%D0%B2%D0%BB%D1%8F%D1)*

3. Dr Tytti Erästö, Dr Wilfred Wan, Vitaly Fedchenko, Dr Iryna Maksymenko and Dr Polina Sinovets. Nuclear disarmament, arms control and non-proliferation // SIPRI Yearbook 2023 <https://www.sipri.org/yearbook/2023/08#:~: text=NPT%20review%20conference>

4. Statement at the first session of the Preparatory Committee for the 2026 Review Conference of Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons / [https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Preparatory_Committee_for_the_Eleventh_Review_ConferenceFirst_session_\(2023\)/Kazakhstan_PrepCom_Cluster_1_NucDisarm.pdf#:~: text=](https://docs-library.unoda.org/Treaty_on_the_Non-Proliferation_of_Nuclear_Weapons_-_Preparatory_Committee_for_the_Eleventh_Review_ConferenceFirst_session_(2023)/Kazakhstan_PrepCom_Cluster_1_NucDisarm.pdf#:~: text=)

5. Заявление МИД РК в связи со вступлением в силу Договора о запрещении ядерного оружия 22 января 2021 / <https://www.gov.kz/memleket/entities/mfa/press/news/details/150356?lang=ru#:~: text=%D0%A1%D0%B8%D0%BC%D0%B2%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%87%D0%BD%D0%BE%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B2%20%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8,%D0%B4%D0%BD%D1%8F%20%D0%B4%D0%B5%D0%B9%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B8%D0%B9>

6. E. Idrissov Time to ban nuclear weapons testing forever / https://www.ctbto.org/sites/default/files/Documents/Spectrum_24_page7-8.pdf#:~: text=Kazakhstan%20contributes%20to%20this%20system, and%20training%20events%2C%20Kazakhstan%20hosted

7. Конвенции о физической безопасности / <https://www.iaea.org/ru/temy/konvencii-o-fizicheskoj-bezopasnosti>

8. Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма / <https://share.google/K75tNvMnrzmWK39WG>

К НЕКОТОРЫМ АСПЕКТАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕС, ОБСЕ И СВМДА В ОБЛАСТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

Панов Султан Куангалиулы

магистр права, главный специалист

*Центр публичного законодательства и государственного
управления, РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО,
г. Астана, Республика Казахстан*

Иржанов Алимжан Самигуллаевич

кандидат юридических наук, главный специалист

*Центр публичного законодательства и государственного
управления, РГП на ПХВ «Институт парламентаризма» УМТО,
г. Астана, Республика Казахстан*

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые аспекты деятельности Европейского союза (ЕС), Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и Совецания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) в области ядерного разоружения и нераспространения в условиях кризисных тенденций международного режима контроля над вооружениями и нарастания соответствующих рисков. Рассматривается вклад указанных международных организаций в поддержку универсальных международно-правовых механизмов, развитие политического диалога, укрепление мер доверия и продвижение практик транспарентности и ответственности государств.

Ключевые слова: международное право, ЕС, ОБСЕ, СВМДА, ядерное разоружение

В условиях дальнейшего развития и совершенствования международного режима ядерного разоружения и нераспространения, возникновения новых вызовов и рисков, вопросы ядерного разоружения и нераспространения приобретает актуальность. В этом контексте Европейский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, а также Совецание по взаимодействию и мерам доверия в Азии представляют собой различные по своей институциональной природе, географическому охвату и функциональному

наполнению форматы, в рамках которых вырабатываются и реализуются подходы к продвижению целей ядерного разоружения и нераспространения. Их деятельность не носит всеобъемлющего характера и не заменяет универсальные международно-правовые режимы, однако вносит свой вклад в формирование, укрепление мер доверия, развитие диалога и поддержку режима ядерного разоружения и нераспространения.

Европейский Союз (ЕС) проявляет себя как активный участник международных усилий по ядерному разоружению, контролю над вооружениями и мирному урегулированию конфликтов. **Во-первых**, ЕС внес значимый вклад в поддержку международных соглашений по нераспространению. Так, несмотря на выход США из ядерной сделки с Ираном (СВПД) в 2018 г., Евросоюз сохранил приверженность ее сохранению. Глава дипломатии ЕС Жозеп Боррель и его посланники выступали посредниками между США и Ираном, стремясь восстановить выполнение СВПД. В 2022 г. Боррель отмечал, что ЕС продолжает играть роль посредника (*intermediary*) между Тегераном и Вашингтоном, предлагая «срединные подходы» для урегулирования спорных вопросов [1]. Переговоры в Вене при координации ЕС позволили приблизить позиции сторон и предотвратить окончательный срыв соглашения. Эта посредническая роль ЕС продемонстрировала значимость Союза в мирной медиации сложных ядерных споров.

Во-вторых, ЕС продолжал реализовывать собственную политику в области нераспространения и разоружения. В ходе подготовки к Обзорной конференции ДНЯО 2020/2022 гг. ЕС вырабатывал совместные позиции, призывая ядерные державы, прежде всего Россию и США, продлить действие договора СНВ и начать переговоры о новых сокращениях. ЕС выразил сожаление о прекращении ДРСМД (Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности) в 2019 г. и призвал РФ и США избежать новой гонки вооружений. В Декларации ЕС от июля 2019 г. подчеркивалось историческое значение ДРСМД для европейской безопасности (уничтожение ~3000 ракет) и выражалась обеспокоенность его распадом. Евросоюз призвал Россию вернуться к соблюдению договора и, в целом, подтвердил приверженность эффективному многостороннему контролю над вооружениями [2].

В-третьих, ЕС оказывал финансовую и техническую поддержку разоруженческим инициативам. Существенным примером стала помощь Евросоюза в создании вышеназванного Банка низкообогащенного урана МАГАТЭ. ЕС и государства-члены выделили более €24 млн на учреждение и безопасное управление этим Банком в Казахстане. В том числе через Европейскую комиссию было предоставлено €20 млн на закупку низкообогащенного урана для резерва. Благодаря этим вкладам в октябре 2019 г. первая партия урана прибыла на хранение в Казахстан, и Банк МАГАТЭ стал оперативно функционировать.

Кроме того, ЕС является одним из крупнейших доноров Фонда ядерной безопасности МАГАТЭ (более € 50 млн в 2009–2019 гг.) [3], финансирует проекты по физической защите ядерных материалов и экспортному контролю.

Казахстан, будучи стратегическим партнером ЕС, активно сотрудничает с Союзом в сфере нераспространения. В частности, как отмечалось, Казахстан предоставил площадку для Банка низкообогащенного урана, финансово поддержанного Евросоюзом [3]. Астана высоко оценивает вклад ЕС в укрепление ядерной безопасности на своей территории (ЕС ранее финансировал проекты по физической защите ядерных объектов в Казахстане и реабилитации бывших ядерных полигонов). На дипломатическом уровне Казахстан и ЕС проводят регулярные диалоги по вопросам безопасности; Евросоюз приветствует лидерство Казахстана в глобальном движении за мир без ядерного оружия[4].

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) объединяет 57 государств Евразии и Северной Америки и служит форумом для политического диалога, профилактики конфликтов и мер доверия. В сфере ядерного разоружения и нераспространения ОБСЕ дополняет международные режимы, содействуя выполнению резолюций ООН и соглашений на пространстве Организации. В частности, ОБСЕ активно помогает государствам реализовывать резолюцию СБ ООН 1540 по недопущению попадания оружия массового уничтожения в руки негосударственных группировок. С 2018 г. при поддержке ОБСЕ ряд стран (особенно в Центральной Азии) приняли национальные планы действий по 1540, усилили экспортный контроль и защиту опасных материалов. ОБСЕ проводила тренинги и семинары по био- и химбезопасности, предотвращению ядерной контрабанды и др. Например, в ноябре 2022 г. ОБСЕ совместно с ООН (Управление ООН по вопросам разоружения — UNODA) и ЕС организовала в Стамбуле региональную встречу экспертов Центральной Азии и Монголии по выполнению 1540, где участвовали представители Казахстана и соседних стран. Участники обменялись опытом по укреплению национального законодательства и взаимодействию в случае попыток террористов приобрести материалы ОМУ [5]. Кроме того, ОБСЕ поддерживает безъядерные зоны: она приветствовала создание Центральноазиатской зоны, свободной от ядерного оружия, и проводит совместные с ООН мероприятия по сотрудничеству разных безъядерных зон (в т. ч. при участии Казахстана)[6].

Казахстан является активным участником ОБСЕ и ценит ее институциональную роль. В 2010 г. Казахстан председательствовал в ОБСЕ, проведя исторический Астанинский саммит, и с тех пор остается приверженцем принципов неделимой безопасности. В 2018 г. руководители Парламентской ассамблеи ОБСЕ отметили «безусловную приверженность Казахстана работе Организации» и его вклад в региональное сотрудничество [7]. Казахстанские

парламентарии через ОБСЕ-ПА продвигают тему ядерного нераспространения, так, в Нур-Султане (Астане) проводились международные конференции ОБСЕ по безопасности, где обсуждались меры доверия и ядерное разоружение. Более того, Казахстан использует площадку ОБСЕ для продвижения своих инициатив: принципиальная позиция республики по прекращению ядерных испытаний и уничтожению арсеналов нашла отражение в документах ОБСЕ.

Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) — это мультисторонний форум азиатских государств, инициированный Казахстаном в 1992 г. с целью укрепления доверия и безопасности в Азии. В период 2018–2025 гг. СВМДА расширило свою институциональную базу и активизировало деятельность, включая вопросы разоружения. В октябре 2022 г. на VI саммите в Астане (с участием делегаций 52 стран) был запущен процесс преобразования СВМДА в полноправную международную организацию для Азии [8]. Это подчеркнуло растущее признание СВМДА как важного механизма регионального сотрудничества.

Хотя СВМДА не имеет специальных инспекционных функций, ее государства-члены совместно вырабатывают позиции по ключевым вопросам глобального разоружения. В Декларации V саммита СВМДА (Душанбе, июнь 2019 г.) лидеры азиатских стран подтвердили приверженность целям ДНЯО и созданию зон, свободных от ОМУ. В частности, было отмечено, что скорейшая ратификация Протокола к Договору о безъядерной зоне в Центральной Азии всеми подписавшими его ядерными державами станет весомым вкладом в безопасность региона и укрепление режима нераспространения. (Речь идет о том, чтобы США, Великобритания, Франция, Китай и Россия ратифицировали протокол о негативных гарантиях для центральноазиатских государств.) Также страны СВМДА выразили поддержку созданию зоны, свободной от ядерного и другого ОМУ, на Ближнем Востоке на основе договоренностей самих стран региона, и подтвердили признание безъядерного статуса Монголии. Эти положения свидетельствуют о единой позиции за расширение практики безъядерных зон. Далее, участники СВМДА заявили, что будут совместно работать в области нераспространения, разоружения и контроля над вооружениями и призвали все государства неукоснительно выполнять свои обязательства в этой сфере. Страны — участницы ДНЯО от имени СВМДА вновь заверили в поддержке всех трех его «столпов» и успешного проведения Обзорной конференции ДНЯО (перенесенной на 2022 г.) [9].

В документах СВМДА подчеркивается право всех стран на мирное использование атомной энергии в соответствии с нераспространенческими обязательствами и при участии МАГАТЭ. Это важно для азиатских экономик, развивающих атомную энергетику, включая Казахстан. Также СВМДА затрагивает смежные области: осуждает опасность гонки вооружений в космосе

и поддерживает переговоры в Женеве по предотвращению размещения оружия в космическом пространстве. Отдельное внимание в рамках повестки СВМДА уделяется предотвращению угроз биологического и химического терроризма — государства признают необходимость совместных усилий для недопущения попадания биологического, химического и радиологического оружия к террористам[9]. Такие заявления перекликаются с глобальной резолюцией 1540 СБ ООН и дополняют меры ОБСЕ в этом направлении.

Таким образом, следует отметить, что в условиях роль региональных и межрегиональных институтов приобретает особое значение. Так, Европейский союз, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии, несмотря на различия в институциональной природе, мандатах и географическом охвате, вносят значимый вклад в поддержку международного режима ядерного разоружения и нераспространения. В целом, ЕС, ОБСЕ и СВМДА не подменяют международно-правовые режимы, однако дополняют их, создавая условия для поддержания диалога, укрепления доверия и сохранения нормативной основы ядерного разоружения и нераспространения.

Статья подготовлена в рамках финансирования проекта «AP26100031 — Международный медиационный хаб как инструмент мирного разрешения конфликтов и ядерного разоружения: опыт Казахстана и зарубежных стран»

Литература

1. *EU Attempts To Save Iran Negotiations / [https://www.armscontrol.org/blog/2022-05/p4-1-iran-nuclear-deal-alert#:~: text=Before%20the%20trip%2C%20Borrell%20expressed, bullet%E2%80%9D%20to%20keep%20negotiations%20alive](https://www.armscontrol.org/blog/2022-05/p4-1-iran-nuclear-deal-alert#:~:text=Before%20the%20trip%2C%20Borrell%20expressed,bullet%E2%80%9D%20to%20keep%20negotiations%20alive)*

2. *Declaration by the High Representative on behalf of the EU on the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty — Statements and remarks. — 14 July 2019/ [https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/14/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-the-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/#:~: text=The%20European%20Union%20reaffirms%20its, We%20would%20welcome%20early](https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2019/07/14/declaration-by-the-high-representative-on-behalf-of-the-european-union-on-the-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/#:~:text=The%20European%20Union%20reaffirms%20its,We%20would%20welcome%20early)*

3. *The EU co-funded Low Enriched Uranium Bank becomes operational at a purpose-built facility in Kazakhstan — 17.10.2019 / [https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-co-funded-low-enriched-uranium-bank-becomes-operational-purpose-built-facility-kazakhstan_en#:~: text=The%20EU%20and%20its%20Member, European%20Commission%20provided%20EUR%2020](https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-co-funded-low-enriched-uranium-bank-becomes-operational-purpose-built-facility-kazakhstan_en#:~:text=The%20EU%20and%20its%20Member,European%20Commission%20provided%20EUR%2020)*

4. Satubaldina A. UN's Izumi Nakamitsu Highlights Kazakhstan's Moral Leadership in Nuclear Disarmament 27 August 2024 / <https://astanatimes.com/2024/08/uns-izumi-nakamitsu-highlights-kazakhstans-moral-leadership-in-nuclear-disarmament/#:~:text=%E2%80%9CI%20think%20Kazakhstan%20has%20a,discussions%20and%20negotiations%2C%E2%80%9D%20said%20Nakamitsu>

5. OSCE-supported event enhances efforts of Central Asia and Mongolia to prevent the proliferation of weapons of mass destruction — 9 November 2022 / <https://www.osce.org/secretariat/530662#:~:text=The%20peer,and%20the%20Republic%20of%20Belarus>

6. Katsuhiko A. Kazakhstan Takes Lead in Global Push for Nuclear Disarmament Amid Heightened Tensions — 26 August 2024 / <https://astanatimes.com/2024/08/kazakhstan-takes-lead-in-global-push-for-nuclear-disarmament-amid-heightened-tensions/#:~:text=Disarmament%20Affairs%20,cooperation%20and%20consultation%20among%20them>

7. OSCE-Kazakhstan relations commended by OSCE PA President, Special Representative on Central Asia applauds diplomatic achievements in region — 19 November 2018 / <https://www.osce.org/parliamentary-assembly/403472#:~:text=On%2019%20November%2C%20they%20met,transnational%20threats%20such%20as%20terrorism>

8. The Sixth CICA Summit / <https://www.s-cica.org/index.php?view=page&t=cica-6summit#:~:text=The%20CICA%20transformation%20process%20will,to%20play%20a%20global%20role>

9. Declaration of the Fifth Summit of Conference on Interaction and Confidence Building Measures in Asia — Dushanbe, — 15 June 2019 / <https://www.s-cica.org/docs/1680205591637b694948577.pdf#:~:text=8%2019,status>

ФЕНОМЕН FOMO (СТРАХ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ) КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У МОЛОДЕЖИ

Букешова Салтанат Сырлыбековна

докторант

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан*

Ниятбаева Гульмира Бекеновна

PhD, и. о. ассоц. профессора

*Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан*

***Аннотация.** Эпоха цифровых технологий и непрерывной онлайн-связи породила феномен FOMO (страх упустить что-то важное), который оказывает существенное влияние на психологическое состояние молодежи. Этот страх выражается в тревоге от мысли, что другие могут получать более ценный или интересный опыт, в то время как сам человек чувствует себя исключенным. Такая форма социальной тревожности особенно ярко проявляется при активном потреблении контента в социальных сетях. Данное исследование ставит своей целью выявить корреляцию между уровнем FOMO и предрасположенностью к аддиктивному поведению у молодых людей, включая интернет-зависимость, зависимость от социальных сетей, пристрастие к онлайн-играм и шопоголизм. Мы выдвигаем гипотезу, что высокий уровень FOMO может стимулировать развитие зависимых моделей поведения, служащих механизмом компенсации чувства социальной изоляции и постоянного социального сравнения. Полученные данные позволят углубить понимание психологических основ формирования аддикций в молодежной среде и послужат основой для разработки действенных профилактических мер.*

***Ключевые слова:** молодежь, аддиктивное поведение, феномен, FOMO, психологические факторы*

Введение.

В современном цифровом мире страх упустить что-то важное (FOMO) стал значимым психологическим явлением, особенно остро ощущаемым молодежью. Непрерывный поток информации и социальных контактов, доступный через смартфоны и социальные сети, порождает чувство упущенных возможностей и побуждает к постоянному мониторингу онлайн-пространства, стремлению к немедленному вовлечению и повышенной потребности в социальном признании. Это трансформируется из временного переживания в устойчивые компульсивные модели поведения.

Связь между FOMO и аддиктивными тенденциями обусловлена социальным сравнением, стремлением к подтверждению собственной значимости и желанием избежать чувства изоляции. Эти механизмы подпитывают циклы чрезмерного использования цифровых платформ — от бесконечного пролистывания новостей до навязчивого участия в онлайн-играх и шопинге. Со временем это может привести к ослаблению самоконтроля и ухудшению психоэмоционального состояния, что негативно сказывается на учебной мотивации, качестве межличностных отношений и общем благополучии молодых людей.

Данная статья ставит своей целью проанализировать роль FOMO как фактора, способствующего аддиктивному поведению у молодого поколения. Мы рассмотрим теоретические концепции, эмпирические данные и психологические механизмы, а также обсудим практические подходы к профилактике и коррекции. Понимание этой взаимосвязи критически важно для разработки эффективных стратегий, направленных на развитие цифровой грамотности, саморегуляции и устойчивости к социальному давлению.

Литературный обзор.

В рамках эмпирических исследований было установлено, что FOMO (страх упустить что-то важное) представляет собой устойчивое чувство тревоги, возникающее из-за упущенных социальных возможностей. Этот феномен усугубляется активным использованием цифровых платформ. Анализ данных по подросткам и студентам демонстрирует прямую связь между интенсивностью их присутствия в социальных сетях и уровнем стресса, вызванного взаимодействием с такими платформами, как Facebook [1].

Анализ исследований, посвященных проблематичному использованию смартфонов и социальных сетей, выявил, что страх упустить что-то важное (FOMO) играет ключевую роль в опосредовании связи между депрессивно-тревожными состояниями и аддиктивным поведением, связанным с гаджетами. Кроме того, FOMO ассоциируется с нарушениями сна и снижением способности к самоконтролю у студентов [2]. Аналогичные результаты

получены при изучении подростковых групп, где высокий уровень FOMO является предиктором более частого и компульсивного использования социальных платформ[3].

В рамках литературоведческих исследований идентифицированы ключевые повторяющиеся механизмы, такие как социальное сравнение, стремление к принадлежности, склонность к скуке (boredom proneness) и потребность в эмоциональной регуляции. Систематические обзоры подтверждают, что данные факторы, действуя как по прямым, так и по косвенным каналам, способствуют усилению риска развития аддиктивного поведения в онлайн-среде под влиянием страха упущенной выгоды (FOMO)[4].

Согласно данным исследований, феномен страха упущенной выгоды (FOMO) проявляется наиболее ярко в подростковом и раннем взрослом возрасте. Это связано с тем, что в этот период формирование социальной идентичности и одобрение со стороны сверстников играют ключевую роль. Различные социальные платформы, такие как Instagram, Snapchat и TikTok, по-разному способствуют усилению визуального и моментального восприятия событий, которые могут быть упущены, что, в свою очередь, формирует специфику зависимости [1].

Преобладающее количество исследований опирается на данные кросс-секционных опросов и самоотчетов. Для более глубокого понимания феномена FOMO необходимы лонгитюдные исследования, экспериментальные вмешательства, а также сбор культурно-специфичных данных, ориентированных на постсоветские страны и Казахстан. Кроме того, для обеспечения сопоставимости результатов требуется более точная операционализация понятия FOMO и стандартизация используемых измерительных инструментов.

Для учебных заведений Алматы требуется разработка и внедрение интервенций, нацеленных на повышение уровня цифровой грамотности и развитие навыков саморегуляции. При этом важно учитывать влияние таких факторов, как скука и эмоциональные триггеры, на учебный процесс. В дальнейшем для более глубокого понимания причинно-следственных связей и специфики казахстанского контекста рекомендуется применять лонгитюдные исследования с использованием смешанных методологий, сочетающих количественные и качественные подходы [5],[6].

Материалы и методы.

Участники исследования: в исследовании приняли участие 40 человек в возрасте от 18 до 25 лет.

Критерии отбора: к участию допускались лица в возрасте 18–25 лет, владеющие русским языком на уровне, позволяющем корректно отвечать на вопросы анкеты, и выразившие добровольное согласие на участие.

Метод формирования выборки: Набор респондентов осуществлялся посредством университетских информационных рассылок, публикаций в социальных сетях и личных приглашений на территории учебных заведений. Для обеспечения репрезентативности и снижения потенциальных искажений применялся метод целевой выборки, учитывающий распределение по полу и уровню образования.

Методы оценки:

Шкала FOMO (Fear of Missing Out): Адаптированная для русскоязычной аудитории версия шкалы, разработанной Przybylski и соавторами (2013). Оценка производится по 5-балльной шкале Лайкерта, где 1 соответствует «совершенно не согласен», а 5 — «полностью согласен». Итоговый показатель определяется путем суммирования баллов по всем пунктам. Перед основным этапом сбора данных была осуществлена валидация перевода и проведено пилотное тестирование на выборке из 10–15 респондентов.

Тест «Склонность к зависимому поведению»: Стандартизированный отечественный диагностический инструмент, разработанный В. Д. Менделевичем. Для дальнейшего анализа используется суммарный балл, выступающий в роли зависимой переменной.

Методы исследования: для проведения статистических расчетов был использован программа Jamovi.

Предварительная оценка данных: перед основным анализом мы проверили, соответствуют ли распределения данных нормальному закону. Для этого применялся тест Шапиро-Уилка. Если нормальность не подтверждалась для каких-либо переменных, для них использовались методы непараметрического корреляционного анализа.

Анализ взаимосвязей (корреляционный анализ): Для переменных, распределение которых соответствовало нормальному закону, применялся коэффициент корреляции Пирсона. В случаях, когда нормальность нарушалась, или для переменных, имеющих порядковый характер, использовался коэффициент корреляции Спирмена. Результаты корреляционного анализа представлены в виде коэффициента корреляции, уровня значимости (p -значения) и 95% доверительного интервала, который указывает на диапазон возможных значений истинной корреляции.

Особые соображения из-за ограниченного размера выборки: Учитывая небольшой объем выборки ($N=40$), мы уделили повышенное внимание проверке условий, на которых базируется регрессионный анализ, а также тщательной интерпретации полученных результатов. Если эти условия не выполнялись, рассматривалась возможность применения робастных стандартных ошибок (которые менее чувствительны к нарушениям предпосылок) или

непараметрических методов, таких как бутстрэппинг коэффициентов (метод многократной выборки для оценки статистических характеристик).

Результаты и обсуждение.

В исследовании участвовали 40 молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Были рассчитаны средние значения и стандартные отклонения для ряда показателей (Таблица 1). Так, средний уровень страха упущенного удовольствия составил 6.60 (SD=3.28), а страха упущенных социальных возможностей — 6.97 (SD=3.83). По шкалам склонности к зависимостям были получены следующие результаты: наркозависимость — $M=105.1$ (SD=14.0), алкогольная зависимость — $M=91.3$ (SD=17.2), спортивно-музыкальный фанатизм — $M=48.3$ (SD=13.2), и зависимость от компьютерных игр — $M=44.9$ (SD=16.4).

Таблица 1. Описательные статистики (основные переменные)

Переменная	N	Среднее	SD	Диапазон (Min–Max)
Страх упущенного удовольствия	40	6.60	3.28	4–17
Страх упущенных социальных возможностей	40	6.97	3.83	4–17
Склонность к наркозависимости	40	105.10	14.00	76–128
Склонность к алкогольной зависимости	40	91.30	17.20	63–120
Спортивно-музыкальный фанатизм	40	48.30	13.20	24–72
Зависимость от компьютерных игр	40	44.90	16.40	20–70

Перед проведением основного анализа мы проверили соответствие наших данных предпосылке нормального распределения, используя тест Шапиро-Уилка. Результаты показали, что обе подшкалы, измеряющие феномен FOMO (удовольствие и социальные возможности), демонстрируют статистически значимые отклонения от нормального распределения ($W = 0.789$, $p < .001$ и $W = 0.782$, $p < .001$ соответственно). Кроме того, некоторые шкалы, оценивающие склонность к различным видам зависимостей, также не соответствовали нормальному распределению (алкоголь, спортивно-музыкальный фанатизм, игровая зависимость; $p < .01$). Однако, шкала, оценивающая склонность к наркозависимости, показала соответствие нормальному распределению ($W = 0.960$, $p = 0.166$). В связи с выявленными отклонениями, основные корреляционные связи были рассчитаны с помощью коэффициента Пирсона, как это было представлено в исходном отчете. Для обеспечения надежности наших выводов, мы также провели непараметрический ранговый корреляционный анализ (Спирмена) в качестве проверки

чувствительности. Результаты этого дополнительного анализа подтвердили, что направления и статистическая значимость обнаруженных эффектов остались согласованными.

Результаты анализа корреляций: Исследование показало, что две подшкалы, измеряющие страх упущенных возможностей (FOMO), демонстрируют очень сильную положительную взаимосвязь ($r = 0.827$, $p < .001$). Это свидетельствует о высокой степени их согласованности и отражении единого феномена (Таблица 2).

Была установлена значимая положительная корреляция между страхом упущенного удовольствия и различными типами аддиктивного поведения. В частности, выявлены сильные связи с:

Наркотической зависимостью ($r = 0.535$, $p < .001$, 95% ДИ [0.268, 0.726])

Алкогольной зависимостью ($r = 0.447$, $p = 0.004$)

Спортивно-музыкальным фанатизмом ($r = 0.544$, $p < .001$)

Зависимостью от компьютерных игр ($r = 0.552$, $p < .001$)

Страх упущенных социальных возможностей, напротив, показал преимущественно связь с общим уровнем FOMO. Его корреляции с отдельными шкалами зависимостей были менее выражены, и в регрессионном анализе его вклад оказался статистически незначимым (см. дальнейшие разделы).

Таблица 2. Корреляции: связь компонентов FOMO с показателями склонности к зависимостям

Показатель	r (FOMO — удоволь- стве)	p	r (FOMO — социальный)	p
Склонность к наркозависимости	0.535		0.446	0.004
Склонность к алкогольной зависимости	0.447	0.004	0.391	0.013
Спортивно-музыкальный фанатизм	0.544		0.481	0.002
Зависимость от компьютерных игр	0.552		0.525	

Примечание. Все коэффициенты рассчитаны на N=40. Высокая взаимосвязь между двумя подшкалами FOMO: $r=0.827$, $p<.001$.

Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о том, что страх упустить что-то (FOMO) является значимым предиктором склонности к наркозависимости. Модель, включающая два аспекта FOMO, объяснила 28.6% дисперсии в склонности к наркозависимости. Ключевым фактором оказался страх упущенного удовольствия, который напрямую связан с повышением уровня склонности к наркозависимости при прочих равных условиях. Страх

упущенных социальных возможностей не продемонстрировал статистической значимости.

Для алкогольной склонности, спортивно-музыкального фанатизма и игровой зависимости объясняющая способность моделей была ниже (R^2 в диапазоне 0.20–0.32). В этих случаях страх упущенного удовольствия не показал статистически значимого влияния на алкогольную и игровую зависимость, а для спортивно-музыкального фанатизма его эффект был близок к статистически значимому (Таблица 3).

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа

Регрессия 1 — зависимая переменная: Склонность к наркозависимости				
<i>Модель: две подшкалы FOMO как предикторы; $R=0.535$, $R^2=0.286$</i>				
Предиктор	B (SE)	t	p	Станд. β
Константа	89.949 (4.398)	20.45		—
Страх упущенного удовольствия	2.251 (1.057)	2.13	0.040	0.527
Страх упущенных социальных возможностей	0.038 (0.904)	0.04	0.967	0.010
Регрессия 2 — зависимая переменная: Склонность к алкогольной зависимости				
<i>Модель: две подшкалы FOMO; $R=0.449$, $R^2=0.202$.</i>				
Предиктор	B (SE)	t	p	Станд. β
Константа	75.579 (5.720)	13.22		—
Страх упущенного удовольствия	2.058 (1.370)	1.50	0.142	0.392
Страх упущенных социальных возможностей	0.303 (1.180)	0.26	0.798	0.067
Регрессия 3 — зависимая переменная: Спортивно-музыкальный фанатизм				
<i>Модель: две подшкалы FOMO; $R=0.546$, $R^2=0.299$.</i>				
Предиктор	B (SE)	t	p	Станд. β
Константа	33.698 (4.101)	8.22		—
Страх упущенного удовольствия	1.861 (0.985)	1.89	0.067	—
Страх упущенных социальных возможностей	0.336 (0.843)	0.40	0.693	—
Регрессия 4 — зависимая переменная: Зависимость от компьютерных игр				
<i>Модель: две подшкалы FOMO; $R=0.566$, $R^2=0.320$.</i>				
Предиктор	B (SE)	t	p	Станд. β
Константа	26.010 (5.040)	5.17		—
Страх упущенного удовольствия	1.873 (1.210)	1.55	0.130	—
Страх упущенных социальных возможностей	—	—	—	—

Анализ показал, что страх упустить что-то важное (FOMO) является значимым фактором, способствующим развитию аддиктивного поведения у молодых людей. Особо сильная связь прослеживается между компонентом FOMO, связанным со страхом упустить удовольствие, и склонностью к наркозависимости. Этот аспект FOMO оказался ключевым предиктором в статистическом анализе, объясняя существенную часть вариативности в показателях наркозависимости ($R^2 = 0.286$). Кроме того, «удовольственный» FOMO коррелировал с предрасположенностью к алкоголю, фанатизму и игровой зависимости, что свидетельствует о многогранном влиянии FOMO на различные формы аддикций.

Интерпретация механизмов: Полученные данные подтверждают гипотезу о том, что FOMO усиливает стремление к немедленному удовлетворению и социальному признанию. Это, в свою очередь, может повышать уязвимость к импульсивным и компульсивным поведенческим паттернам. Тот факт, что именно «удовольственный» компонент FOMO оказался более предсказательным, может указывать на его прямую связь с мотивацией к получению немедленных положительных ощущений, включая рискованное или зависимое поведение. «Социальный» же компонент, вероятно, больше связан со страхом быть исключенным из группы и проявляется по-другому.

Анализ полученных данных свидетельствует о корреляции между синдромом упущенной выгоды (FOMO), в частности его гедонистическим аспектом, и повышенной предрасположенностью к определенным аддиктивным расстройствам среди молодежи. Наиболее выраженная связь обнаружена с показателями, отражающими склонность к наркозависимости. Несмотря на предварительный характер этих выводов, требующих дальнейшего подтверждения в более масштабных исследованиях, они подчеркивают необходимость интеграции феномена FOMO в разработку превентивных и коррекционных стратегий, ориентированных на молодое поколение.

Заключение.

Наше исследование показало, что страх упустить что-то (FOMO) тесно связан с предрасположенностью молодежи к различным видам зависимостей. В частности, боязнь упустить удовольствие оказалась сильным предиктором наркозависимости, что подтверждается статистическим анализом. Это говорит о том, что желание получить немедленное удовлетворение и избежать упущенных позитивных моментов делает молодых людей более склонными к импульсивному и компульсивному поведению.

Для профилактики зависимостей важно учитывать, как цифровые технологии влияют на мотивацию молодежи. Программы, направленные на самоконтроль, критическое восприятие онлайн-контента и управление

вниманием, могут снизить риск развития аддикций. В школах и клиниках стоит внедрять курсы по цифровой грамотности и эмоциональной регуляции для подростков.

Однако, из-за ограниченного числа участников и одномоментного среза данных, наши выводы не могут быть полностью обобщены и не доказывают причинно-следственную связь. Для более точных результатов нужны долгосрочные исследования с большим количеством участников, а также учет объективных поведенческих показателей и таких факторов, как импульсивность, тревожность и социальная поддержка. Также интересно изучить, как именно FOMO приводит к зависимостям.

В целом, наше исследование подчеркивает, что FOMO является важным психологическим фактором, повышающим риск зависимостей у молодежи, и требует комплексного подхода к профилактике, объединяющего психологические, образовательные и цифровые методы.

Список литературы

1. Beyens, I., Frison, E., & Eggermont, S. (2016). «I Don't Want to Miss a Thing»: Adolescents' Fear of Missing Out and Its Relationship to Adolescents' Social Needs, Facebook Use, and Facebook Related Stress. *Computers in Human Behavior*, 64, 1–8. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.05.083>

2. Li L, Griffiths MD, Mei S and Niu Z (2020) Fear of Missing Out and Smartphone Addiction Mediates the Relationship Between Positive and Negative Affect and Sleep Quality Among Chinese University Students. *Front. Psychiatry* 11:877. doi: 10.3389/fpsy.2020.00877

3. Oberst, Ursula & Wegmann, Elisa & Stodt, Benjamin & Brand, Matthias & Chamarro, Andres. (2017). Negative consequences from heavy social networking in adolescents: The mediating role of fear of missing out. *Journal of Adolescence*. 55. 51–60. [10.1016/j.adolescence.2016.12.008](https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2016.12.008).

4. Tandon A, Dhir A, Almugren I, AlNemer GN, Mäntymäki M (2021), «Fear of missing out (FoMO) among social media users: a systematic literature review, synthesis and framework for future research». *Internet Research*, Vol. 31 No. 3 pp. 782–821, doi: <https://doi.org/10.1108/INTR-11-2019-0455>

5. A. K. Przybylski, K. Murayama, C. R. DeHaan, V. Gladwell. *Motivational, emotional, and behavioral correlates of fear of missing out // Computers in Human Behavior*, 2013. 29

6. Elhai J. D., Levine J. C., Dvorak R. D., Hall B. J. *Problematic smartphone use: A conceptual overview and systematic review of relations with anxiety and depression // Journal of Affective Disorders*. — 2017. — Vol. 207. — P. 251–259. — DOI: [10.1016/j.jad.2016.08.030](https://doi.org/10.1016/j.jad.2016.08.030)

DOI 10.34660/INF.2025.81.18.088

МЕТОДЫ И ТЕХНОЛОГИИ ДИАГНОСТИКИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Бейсембаева Кенже Догаровна

докторант

Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
г. Алматы, Казахстан

***Аннотация.** Эмоциональный интеллект в старшем дошкольном возрасте (5–7 лет) выступает как значимый фактор, определяющий успешность социализации ребенка, его готовность к обучению в школе и развитие коммуникативных способностей. В указанный возрастной период происходит активное формирование у детей способности к осознанию собственных эмоциональных состояний, распознаванию эмоций других индивидов, регуляции собственного поведения и проявлению эмпатии. Диагностические процедуры, направленные на оценку эмоционального интеллекта, позволяют своевременно идентифицировать особенности эмоционально-личностного развития и конструировать программы педагогического сопровождения.*

Представленная статья ставит своей целью анализ и систематизацию методологических подходов и технологических решений в области диагностики эмоционального интеллекта у детей в возрасте 5–7 лет. В рамках исследования рассматриваются как классические методы, такие как наблюдение, проективные и игровые методики, а также опросники для родителей и педагогов, так и современные технологии, включая стандартизированные тесты и цифровые мультимедийные инструменты.

Исследование демонстрирует, что наилучшие результаты достигаются при комплексном подходе, объединяющем различные методы сбора информации. Практическая ценность статьи заключается в предоставлении рекомендаций для создания диагностических инструментов и программ, направленных на раннее развитие эмоциональных навыков у дошкольников.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект, дошкольный возраст, диагностика, методы, технологии.

Введение.

Способность понимать и управлять своими чувствами, а также распознавать и реагировать на эмоции других людей — то есть эмоциональный интеллект — является фундаментом для успешной адаптации ребенка в обществе и его готовности к учебе в школе. В возрасте от 5 до 6 лет, когда дети находятся в старшей дошкольной группе, происходит активное развитие этих эмоциональных навыков. У них обогащается словарный запас, связанный с эмоциями, улучшается умение угадывать чувства по выражению лица и поведению, а также формируются способы справляться с собственными переживаниями и сопереживать другим. Поэтому оценка эмоционального интеллекта в этот период очень важна. Она помогает вовремя заметить трудности, спланировать развивающие занятия и сделать образовательную среду более благоприятной для детей.

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами, такими как растущий спрос со стороны общества и образования, где школы предъявляют все более высокие требования к умению детей приспосабливаться к новым условиям и эффективно общаться. Это создает потребность в развитии эмоциональной грамотности у дошкольников; специфика возраста, т.е. старший дошкольный возраст — это период, когда любые усилия по развитию эмоциональных навыков приносят максимальную пользу и способствуют формированию устойчивых умений на будущее; существующие способы оценки эмоционального интеллекта различаются по своей точности и применимости поэтому необходимо упорядочить имеющиеся методы и изучить новые, включая современные цифровые и мультимедийные решения; практическая необходимость, где педагоги и психологи нуждаются в простых, надежных и этически приемлемых методиках оценки, которые можно использовать как для всех детей, так и для индивидуальной работы в детских садах.

Основной целью статьи является анализ и систематизация существующих методов и технологии оценки эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста. Мы также оценим их сильные и слабые стороны, чтобы предложить практические рекомендации для использования в образовательной и психологической практике.

Литературный обзор.

Эмоциональный интеллект в дошкольном возрасте охватывает способность ребенка понимать, выражать и управлять своими эмоциями, а также сопереживать другим. Основоположники концепции П. Саловей и Дж. Майер, определили эмоциональный интеллект как умение воспринимать, применять, понимать и управлять эмоциями как своими, так и чужими. Для дошкольников развитие эмоционального интеллекта критически важно, так как оно закладывает фундамент для успешной адаптации в школе и обществе [1].

Отечественные ученые, такие как Н.Е. и А. Н. Веракса, подчеркивают необходимость комплексной оценки эмоционального интеллекта у дошкольников, используя наблюдение, игровые методы и опросы взрослых. Важно, чтобы диагностика учитывала возрастные особенности и проходила в комфортной для ребенка атмосфере [2].

Одним из ведущих инструментов для оценки понимания эмоций является Test of Emotion Comprehension (ТЕС) Понса и Харриса [3]. Этот тест измеряет девять аспектов эмоционального понимания, включая распознавание эмоций, понимание их причин, связи с желаниями, убеждениями и регуляцией. ТЕС признан надежным и валидным для детей от 3 до 11 лет.

Наблюдение за поведением ребенка в естественных условиях, например, в группе сверстников, как отмечает Д. Денхэм [4], предоставляет ценные сведения о его эмоциональной регуляции и эмпатии. Проективные методики, такие как дорисовывание и сюжетные картинки, также помогают выявить эмоциональную направленность и отзывчивость [5].

Современные технологии, в частности, цифровые мультимедийные инструменты, как показали Граццани и Орнаги, могут быть эффективны для диагностики эмоционального интеллекта при условии их адаптации к возрасту и культуре детей [6]. Таким образом, наиболее продуктивным подходом к диагностике эмоционального интеллекта дошкольников является сочетание различных методов: стандартизированных тестов, наблюдения, игровых техник и цифровых инструментов. Такой комплексный подход позволяет получить полное представление об эмоциональном развитии ребенка и разработать индивидуальные стратегии поддержки.

Материалы и методы.

Для оценки эмоционального интеллекта у детей старшего дошкольного возраста был применен комплексный подход, сочетающий качественные и количественные методы. Исследование проводилось индивидуально с каждым ребенком в привычной для них среде детского сада, в атмосфере, способствующей комфорту и раскрепощенности, с учетом возрастных особенностей и индивидуальных черт каждого участника.

В исследовании приняли участие 52 детей в возрасте от 5–6 лет, посещающих подготовительные группы дошкольного учреждения КГКП «Ясли сад № 153» города Алматы (Казахстан). Все дети имели нормальное психофизическое развитие и не находились под наблюдением специалистов. Родители дали письменное согласие на участие своих детей в исследовании.

Используемые методики:

• *Методика «Дорисовывание рисунка: мир вещей — мир людей — мир эмоций».* Данная методика предназначена для определения эмоциональной

направленности ребенка, его предпочтений в отношении взаимодействия с материальным миром, людьми или эмоциями, а также для оценки его способности к эмоциональному отклику. Детям предлагалось завершить три незаконченных изображения: предмет, человека и символ эмоции. Анализ рисунков проводился по следующим критериям:

- Преобладание в рисунке изображений вещей, людей или эмоций.
 - Наличие и характер эмоциональных элементов в рисунке.
 - Степень отражения в рисунке социального взаимодействия.
 - Эмоциональная окраска изображенных образов.
- *Методика «Три желания» (автор М. Н. Нгуен).*

Цель методики — выявить эмоциональные потребности детей, их ценностные ориентиры и уровень развития самосознания в эмоциональной сфере. Детям предлагалось представить, что они могут загадать три любых желания. Их ответы записывались дословно и затем анализировались по следующим параметрам:

- Направленность желаний (на себя, на других, на окружающий мир).
- Эмоциональная насыщенность и глубина смысла желаний.
- Наличие мотивов, связанных с бескорыстием, материальными благами, фантазией или социальными аспектами.
- Уровень осознанности и способности к размышлению.

В течение недели проводилось систематическое наблюдение за поведением детей в их естественной среде (во время игр, занятий и повседневных мероприятий). Для фиксации наблюдений использовался чек-лист, включающий такие поведенческие индикаторы, как проявление сочувствия, способности управления своими эмоциями, реакция на трудности и взаимодействие со сверстниками и взрослыми.

Для получения дополнительной информации о проявлениях эмоционального интеллекта детей в различных ситуациях были использованы анкеты. Каждая анкета содержала 15 утверждений, которые оценивались по 4-балльной шкале. Вопросы касались таких аспектов, как эмоциональная отзывчивость, способность к саморегуляции, уровень тревожности и навыки общения ребенка.

Диагностические процедуры проводились индивидуально в течение двух недель. Каждому ребенку было выделено 2–3 сессии продолжительностью 20–25 минут. Полученные результаты фиксировались в индивидуальных протоколах, а рисунки сохранялись для дальнейшего анализа. Обработка данных включала качественный анализ содержания и структурную интерпретацию с опорой на разработанные критерии.

Результаты исследования и их интерпретация

Исследование, проведенное с использованием методик «Дорисовывание рисунка: мир вещей — мир людей — мир эмоции» и «Три желания» среди 52 детей 5–6 лет из детского сада № 153 города Алматы, позволило выявить особенности их эмоционального интеллекта.

Анализ рисунков по методике «Дорисовывание рисунка: мир вещей — мир людей — мир эмоции» выявил следующие закономерности:

- Преобладание интереса к социальным и эмоциональным аспектам: более половины детей (61,5%) предпочли развивать сюжеты, связанные с взаимодействием людей и выражением чувств. Это указывает на их склонность к общению и отзывчивость к эмоциям.

- Ориентация на материальный мир или нейтральные темы: оставшиеся 38,5% детей сосредоточились на изображении предметов или объектов без явной эмоциональной окраски. Это может свидетельствовать о меньшей вовлеченности в эмоциональные переживания или о недостаточном владении способами выражения эмоций.

- Визуальное выражение эмоций: примерно у половины детей (44%) рисунки содержали элементы, передающие эмоциональные состояния (например, улыбки, слезы, символы любви, объятия), что говорит об их способности передавать и понимать эмоции через образы.

- Развитие символического мышления в сфере эмоций: у каждого четвертого ребенка (27%) прослеживалась тенденция к использованию символов для обозначения эмоций (например, тучи как грусть, солнце как радость), что может указывать на формирование эмоционального мышления.

Таблица 1. Анализ рисунков по методике «Дорисовывание рисунка: мир вещей — мир людей — мир эмоции»

№ п/с	Показатели	Доля (%)
1	Преобладание интереса к социальным и эмоциональным аспектам	61,5 %
2	Ориентация на материальный мир или нейтральные темы	38,5 %
3	Визуальное выражение эмоций (улыбки, слёзы, объятия и др.)	44,0 %
4	Развитие символического мышления (тучи = грусть, солнце = радость и т. п.)	27,0 %

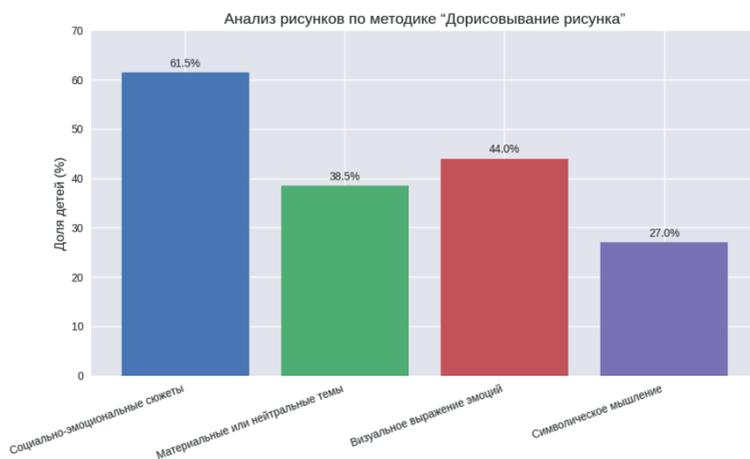

Рисунок 1. Анализ рисунков по методике «Дорисовывание рисунка: мир вещей-мир людей-мир эмоции»

Анализ ответов по методике «Три желания» (автор М. Н. Нгуен) распределились следующим образом:

- Материальные запросы: почти половина детей (48%) выразили желания, связанные с материальными объектами (игрушки, сладости, гаджеты). Хотя это типично для данного возраста, высокая доля таких ответов может указывать на сильную зависимость от внешних стимулов.

- Социально-эмоциональные устремления: значительная часть детей (35%) пожелала здоровья близким, дружбы или мира в семье. Эти ответы отражают развитую эмпатию и способность к сопереживанию.

- Фантастические и магические желания: Около 17% детей загадали желания, связанные с фантастикой и магией (например, стать супергероем, летать). Такие ответы соответствуют возрасту и свидетельствуют о богатом воображении, но иногда могут скрывать неудовлетворенные эмоциональные потребности.

Дополнительные наблюдения:

- У 21% детей хотя бы одно желание было направлено на других людей, что может быть признаком альтруизма и эмпатии.

- У 12% детей желания были сформулированы с высокой степенью осознанности и самоанализа (например, «чтобы мама не грустила», «чтобы я не злился»).

Таблица 2. Анализ ответов по методике «Три желания» (автор М. Н. Нгуен)

№ п/с	Категория желаний	Количество детей	Доля (%)
1	Материальные желания	25	48 %
2	Социально-эмоциональные желания	18	35 %
3	Фантастические и магические желания	9	17 %

Категории детских желаний по методике М.Н. Нгуен

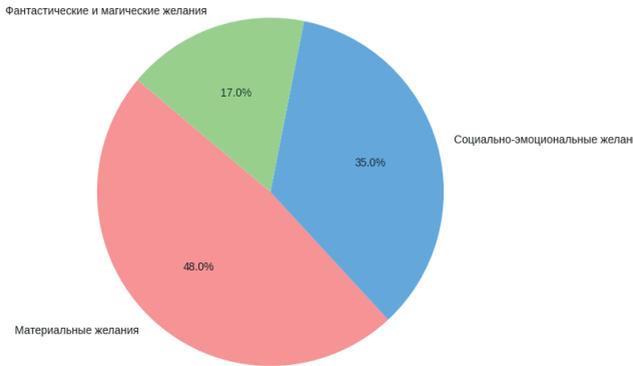

Рисунок 2. Категории детских желаний по методике М. Н. Нгуен

Обсуждение результатов.

Полученные данные подтверждают, что у большинства детей 5–6 лет уже заложены основы эмоционального интеллекта: они способны распознавать и выражать эмоции, проявлять эмпатию и ориентироваться на других людей. Методики «Дорисовывание рисунка» и «Три желания» оказались эффективными инструментами для выявления индивидуальных особенностей эмоционального развития детей и могут быть рекомендованы для применения в дошкольных образовательных учреждениях.

Особое внимание следует уделить детям, у которых наблюдается преобладание материальных желаний или нейтральная направленность в рисунках. Для них может потребоваться дополнительная работа по развитию эмоциональной сферы, обогащению эмоционального словаря и формированию навыков межличностного взаимодействия. Важно создавать условия, способствующие проявлению эмпатии, учить детей распознавать и адекватно выражать свои чувства, а также понимать чувства других.

Также стоит отметить, что фантастические желания, хотя и являются нормой для данного возраста, могут служить индикатором скрытых

эмоциональных потребностей. В таких случаях целесообразно проводить более глубокую диагностику и, при необходимости, оказывать психологическую поддержку. Высокая доля детей, чьи желания касались других людей или были сформулированы с эмоциональной рефлексией, свидетельствует о позитивной динамике в развитии эмпатии и самосознания. Это говорит о том, что работа, проводимая в дошкольных учреждениях, направленная на формирование социально-эмоциональных навыков, приносит свои плоды.

В целом, исследование демонстрирует, что дети 5–6 лет обладают значительным потенциалом для развития эмоционального интеллекта. Предложенные методики позволяют не только оценить текущий уровень развития, но и наметить пути дальнейшей коррекционно-развивающей работы, направленной на гармоничное становление личности ребенка. Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение динамики развития эмоционального интеллекта у данной возрастной группы в течение учебного года, а также на сравнение результатов с данными, полученными в других регионах и образовательных учреждениях.

Заключение.

Оценка эмоционального интеллекта у старших дошкольников является ключевым элементом современного дошкольного образования. В этот период закладываются основы понимания и выражения чувств, сопереживания, управления эмоциями и стремления к общению. Исследование показало, что наилучшие результаты дает комплексный подход к диагностике, объединяющий различные методы: проективные техники, наблюдение, анкетирование и стандартизированные тесты. Применение методик «Дорисовывание рисунка» и «Три желания» помогло определить, как дети 5–6 лет воспринимают эмоции, насколько они способны к сопереживанию и осознанию своих чувств.

Результаты свидетельствуют о том, что большинство дошкольников проявляют высокую восприимчивость к эмоциональным и социальным сигналам, умеют выражать эмоции через рисунок и символы, а также склонны к сочувствию и бескорыстной помощи. Однако, есть и дети, чьи интересы больше сосредоточены на материальных или нейтральных вещах, что требует особого внимания со стороны специалистов.

Таким образом, использование разнообразных диагностических инструментов не только помогает определить уровень эмоционального развития, но и служит базой для разработки индивидуальных программ развития и коррекционной работы. Интеграция таких методов в практику детских садов способствует воспитанию эмоционально зрелых и социально адаптированных детей.

Список литературы

1. Mayer, J. D., & Salovey, P. (1997). *What is emotional intelligence?* In P. Salovey & D. Sluyter (Eds.), *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications* (pp. 3–31). New York: Basic Books.
2. Веракса Н.Е., Веракса А. Н. (2020). *Психология развития дошкольника.*— М.: Юрайт.
3. Pons, F., Harris, P. L., & de Rosnay, M. (2004). *Emotion comprehension between 3 and 11 years: Developmental periods and hierarchical organization.* *European Journal of Developmental Psychology*, 1(2), 127–152.
4. Denham, S. A. (2006). *Social-emotional competence as support for school readiness: What is it and how do we assess it?* *Early Education and Development*, 17(1), 57–89.
5. Петрова Е.А. (2019). *Диагностика эмоционального развития детей дошкольного возраста.* *Вестник практической психологии образования*, № 3, с. 45–52.
6. Grazzani, I., & Ornaghi, V. (2011). *Emotional state talk and emotion understanding: A training study with preschool children.* *Journal of Child Language*, 38(5), 1124–1139.

КРОСС-КУЛЬТУРНАЯ ЭМПАТИЯ КАК РЕСУРС ПРЕОДОЛЕНИЯ МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ У МОЛОДЕЖИ

Сахыбаева Айгул Темиргалиевна

PhD докторант

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

г. Алматы, Казахстан

Научный руководитель — Аймаганбетова Ольга Хабижановна

доктор психологических наук, профессор

Казахский национальный университет имени аль-Фараби,

г. Алматы, Казахстан

Современное общество характеризуется высокой этнокультурной гетерогенностью, что, с одной стороны, обогащает социальное взаимодействие, а с другой — порождает многочисленные вызовы, включая рост межэтнической напряженности, особенно в молодежной среде. Молодежь как социальная группа отличается высокой эмоциональной чувствительностью и активной вовлеченностью в процессы социальной идентификации, что делает её особенно восприимчивой к конфликтам на этнической почве. Именно в этом контексте важнейшим ресурсом для обеспечения устойчивого межэтнического взаимодействия становится кросс-культурная эмпатия — способность понимать, принимать и разделять эмоциональные переживания представителей иных культур.

Кросс-культурная эмпатия представляет собой не просто личностную черту, а сложный когнитивно-аффективный механизм, способствующий снижению этноцентризма, развитию толерантности и формированию конструктивного диалога. По мнению исследователей, «эмпатия в межэтническом контексте позволяет личности преодолевать барьеры восприятия, возникающие вследствие культурной дистанции» [1]. Это утверждение находит подтверждение в эмпирических исследованиях, выявляющих положительную корреляцию между уровнем эмпатийных способностей и склонностью к мирному разрешению конфликтов в поликультурной среде. Кросс-культурная эмпатия — это способность личности понимать, принимать и разделять эмоции представителей иных этнических, культурных и языковых групп. В отличие от общей эмпатии, она включает в себя осознанное усилие преодоления культурных барьеров в процессе межличностного взаимодействия [2]. Исследователи выделяют два ключевых компонента кросс-культурной эмпатии:

- когнитивный (понимание взглядов и ценностей «другого»);
- аффективный (сопереживание, эмоциональная вовлеченность).

Эмпатия в межкультурных взаимодействиях способствует разрушению стереотипов и предубеждений, которые, как известно, являются важнейшими психологическими предпосылками межэтнической напряженности. Как отмечают Филатова и Стрелков (2024), «именно эмпатийное понимание другого позволяет молодежи выйти за рамки национальных и этнических ярлыков, рассматривая представителя другой культуры как равного субъекта общения» [3]. Формирование кросс-культурной эмпатии особенно важно в условиях образовательных учреждений, где происходит социализация и ценностное становление личности. Программы, направленные на развитие межкультурной компетентности, включающие элементы эмпатийного обучения, показывают высокую эффективность в снижении тревожности, агрессии и отчуждения между этническими группами.

Актуальность изучения кросс-культурной эмпатии как фактора, способствующего снижению межэтнической напряженности, определяется и глобальными миграционными процессами, которые усиливают культурное многообразие, но также и риски социальной фрагментации. В условиях мультикультурной среды, где пересекаются интересы, ценности и образы жизни различных этнических групп, становится очевидной необходимость формирования механизмов психологической адаптации и взаимопонимания. Эмпатия, в этом смысле, играет роль моста между культурами, позволяя не только понимать другого, но и чувствовать его позицию, переживания и мотивации.

Особую значимость проблема приобретает в странах с многонациональной структурой населения. В исследованиях, проведенных среди студенческой молодежи в России и Казахстане, выявлено, что высокий уровень кросс-культурной эмпатии положительно влияет на снижение уровня этнической настороженности и агрессии. Эти данные подтверждают тезис о том, что формирование эмпатийных навыков может стать ключевым элементом стратегии профилактики межэтнических конфликтов.

Тем не менее, несмотря на возрастающий интерес к данной проблематике, в научной литературе все еще не хватает систематизированных исследований, посвященных практическим аспектам развития кросс-культурной эмпатии у молодежи. Недостаточно также раскрыты механизмы её влияния на структуру этнической идентичности и поведенческие стратегии в ситуации межкультурного конфликта. Таким образом, существует очевидная необходимость в междисциплинарном анализе феномена кросс-культурной эмпатии — с позиций психологии личности, социальной психологии, педагогики и межкультурной коммуникации.

Настоящее исследование направлено на выявление роли кросс-культурной эмпатии как ресурса преодоления межэтнической напряженности среди молодежи. В рамках данной работы предполагается рассмотреть:

- сущностные характеристики и виды кросс-культурной эмпатии;
- механизмы влияния эмпатии на формирование толерантного поведения;
- эмпирические данные о взаимосвязи эмпатии с уровнем межэтнической напряженности;
- психолого-педагогические условия формирования эмпатии в молодежной среде.

Исследование представленной тематики представляет собой важный вклад в разработку научно обоснованных подходов к профилактике этнических конфликтов и формированию межкультурного диалога. Учитывая современную политическую и социокультурную обстановку, вопросы этнокультурного взаимодействия приобретают стратегическое значение, а развитие кросс-культурной эмпатии может быть расценено как важнейший компонент гуманистической парадигмы образования и воспитания в XXI веке.

По мнению Колтунова и Грязевой-Добшинской [1], «кросс-культурная эмпатия помогает личности справляться с культурным шоком, тревогой и стереотипами, способствуя формированию устойчивых и доверительных отношений с представителями других этносов».

Молодежь часто оказывается вовлеченной в межэтнические конфликты, поскольку на данном этапе жизненного цикла идет активное формирование идентичности, потребность в признании, поиск социальной справедливости. Нередко межэтническое неприятие прорастает на фоне:

- информационной изоляции и дефицита межкультурного опыта;
- наличия устойчивых этнических стереотипов;
- социального неравенства и ксенофобии.

Как отмечает Калинина (2018), «молодежь, лишённая позитивного опыта межкультурной коммуникации, склонна к поляризации и усилению враждебных установок, что проявляется в этнически окрашенной агрессии и отторжении» [4].

Эмпатия выполняет важную функцию регуляции эмоциональных и поведенческих реакций в ситуации межэтнического взаимодействия. Благодаря ей возможны:

- деконструкция стереотипов — эмпатийное понимание разрушает образ «врага»;
- усиление диалогичности — эмпатия развивает уважительное отношение к иному мнению;
- профилактика агрессии — позволяет снижать уровень враждебности и фрустрации.

Высокий уровень кросс-культурной эмпатии коррелирует с такими характеристиками, как толерантность, альтруизм и снижение этноцентризма у студентов вузов в Казахстане. Более того, эмпатия может быть развита через целенаправленные образовательные практики, основанные на межкультурной коммуникации и интерактивном обучении.

В кросс-культурном исследовании, проведённом среди студентов многонациональных вузов России и Украины, было выявлено, что молодежь с высоким уровнем эмпатийных способностей демонстрирует меньшую склонность к социальной изоляции и этнической напряженности [1]. Это говорит о том, что кросс-культурная эмпатия способствует формированию позитивной этнической идентичности и укреплению поликультурных связей.

Другим показателем эффективности эмпатийного подхода выступают результаты проекта, реализованного в Казахском национальном педагогическом университете, где в рамках занятий по межкультурной коммуникации применялись кейсы и ролевые игры на основе межэтнических сценариев. По окончании курса уровень межэтнической тревожности снизился у 63% участников.

Для того чтобы кросс-культурная эмпатия стала устойчивым личностным ресурсом, необходимо создавать в образовательной среде условия, благоприятствующие её формированию. Среди эффективных подходов выделяются:

- интерактивные методы (дискуссии, симуляции, кросс-культурные диалоги);
- социальные практики (волонтерство, этнокультурные проекты);
- моделирование конфликтных ситуаций и их совместное эмоционально-ценностное разрешение.

Как подчеркивает Шабалина (2014), «поликультурное образование, включающее эмпатийные практики, формирует у молодежи устойчивую способность к межкультурной рефлексии и принятию инаковости» [5].

Кросс-культурная эмпатия выступает одним из наиболее значимых психологических ресурсов, способствующих снижению межэтнической напряженности в молодежной среде. В условиях нарастающей этнокультурной полифонии, вызванной миграционными процессами, глобализацией и социальными трансформациями, молодое поколение оказывается на переднем крае межэтнического взаимодействия. Именно поэтому формирование способности к эмпатийному восприятию и пониманию представителей других культур становится не только важным личностным качеством, но и социально значимым механизмом гармонизации межгрупповых отношений.

На основании проведённого анализа можно утверждать, что высокий уровень кросс-культурной эмпатии способствует:

- преодолению этнических стереотипов и предрубеждений;

- формированию толерантного и уважительного отношения к культурному многообразию;
- снижению уровня тревожности и враждебности в межэтнических контактах;
- повышению эффективности коммуникации и предотвращению конфликтов.

Ключевая идея заключается в том, что эмпатия — не врождённое, а развиваемое качество, и образовательная среда играет решающую роль в её формировании. Практика внедрения поликультурных программ, интерактивных методик, кросс-культурных диалогов, а также поддержки молодежных инициатив на межэтническом уровне подтверждает возможность и эффективность целенаправленного формирования эмпатийного потенциала.

Таким образом, развитие кросс-культурной эмпатии может и должно стать частью государственной и образовательной политики в сфере межэтнического согласия, особенно среди молодежи. Данный подход способствует не только профилактике межнациональных конфликтов, но и формирует основу для устойчивого мирного сосуществования и культурного диалога в многонациональном обществе.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в эмпирической верификации механизмов формирования эмпатии, в межкультурных сравнениях молодежных сообществ, а также в разработке комплексных программ, интегрирующих психологическое сопровождение, образовательные технологии и социокультурную практику. Только на основе целостного подхода возможно создание молодежной среды, в которой этническое многообразие будет рассматриваться не как угроза, а как ценность и источник развития.

Список использованных источников

1. Колтунов Е. И., Грязева-Добишинская В. Г., Дмитриева Ю. А., Маркина Н. В., Чжи Ц., Набойченко Е. С. Ценностные основания переживания стресса и адаптации студентов: кросс-культурное исследование. *Образование и наука*. 2022; 24(2): 138–168. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-2-138-168>

2. Филатова А. Ф., Стрелков А. О. Поликультурное образование в условиях многокультурного вуза. *Наука о человеке*, 2024, Т. 14, № 4. — С. 143–170. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/2658-6762.2404.07>

3. Калинина С. Б. Межэтническая толерантность как задача обучения и воспитания курсантов военного вуза // *Наука. Общество. Оборона*. 2018. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskaya-tolerantnost-kak-zadacha-obucheniya-i-vozpitaniya-kursantov-voennogo-vuza> (дата обращения: 12.04.2025).

4. Шабалина Л. А. Межкультурная коммуникативная компетенция специалиста современной России // *Интерэкспо Гео-Сибирь*. 2010. № . URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya-spetsialista-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 12.04.2025).
5. Tajfel H., Turner J. C. *The social identity theory of intergroup behavior* // *Psychology of Intergroup Relations*. — 1986. — P. 7–24.
6. Stephan W. G., Stephan C. W. *An integrated threat theory of prejudice*. In Oskamp, S. (Ed.), *Reducing prejudice and discrimination* (pp. 23–45). Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates. 2000.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ И МЕЖИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОПИНГ- ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТРЕССА

Женискызы Асель

PhD докторант

Казахский национальный университет имени Аль-Фараби,

г. Алматы, Казахстан

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению психологических предпосылок и индивидуальных различий в механизмах совладания со стрессом у сотрудников правоохранительных органов. Исследователи ставили перед собой задачу установить корреляцию между личностными особенностями (такими как черты личности из модели «Большой пятерки», уровень тревожности, самооффективность, способность к эмоциональной регуляции), профессиональными характеристиками (стаж работы, специализация) и преобладающими стратегиями преодоления стрессовых ситуаций (ориентированными на проблему, на эмоции или на избегание). Изученные данные свидетельствуют о том, что высокий уровень самооффективности и добросовестности ассоциируется с предпочтением проблемно-ориентированных стратегий, в то время как высокий нейротизм и низкая способность к эмоциональной регуляции связаны с тенденцией к избеганию и подавлению эмоций. Организационные факторы выступают в роли модераторов этих взаимосвязей. Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости разработки целевых программ психологической поддержки, направленных на развитие эмоциональной регуляции и самооффективности, а также на оптимизацию организационных условий труда.

Ключевые слова: копинг-поведение, профессиональный стресс, правоохранительные органы, личностные детерминанты, эмоциональная регуляция.

Служебная деятельность представителей правоохранительных органов непременно сопряжена с повышенным уровнем стресса. Дело в том, что они регулярно сталкиваются с экстремальными обстоятельствами, угрозами жизни и здоровью, а также им необходимо оперативно принимать решения

в условиях неполной информации. Профессиональный стресс в данной сфере служит не только фактором, подрывающим психологическое здоровье, но и одним из главных компонентов, определяющим результативность выполнения служебных задач [1]. В условиях продолжающегося действия стрессогенных факторов значимость копинг-стратегий неуклонно возрастает. *Копинг-стратегии* — это совокупность когнитивных, эмоциональных и поведенческих механизмов, которые призваны обеспечить адаптацию и преодоление неблагоприятных жизненных и профессиональных обстоятельств. Эмпирические исследования показывают выраженную корреляцию выбора копинг-стратегий представителями правоохранительных органов и их индивидуально-психологическими характеристиками, уровня стрессоустойчивости и степени психологической готовности к реализации профессиональных функций. [2].

Ключевую роль в формировании способов преодоления неблагополучия (копинг-стратегий) играют психологические качества личности — такие как, например, восприимчивость к тревоге, устойчивость эмоций, темперамент, личные установки и мотивы. Именно эти внутренние качества и определяют, примет ли работник конструктивные подходы — такие как поиск поддержки, решение проблемы, или же предпочтёт деструктивные, такие как уклонение, агрессия, подавление чувств. Индивидуальные различия в выборе этих копинг-стратегий отражают уникальный набор личностных ресурсов человека и прямо влияют на его успешность в профессиональной деятельности [2].

Актуальность настоящего исследования вызвана необходимостью разработки эффективных программ психологического сопровождения и профилактики профессионального выгорания работников правоохранительных органов. Изучение личностных факторов, определяющих выбор действенных копинг-стратегий, раскрывает возможность формирования целевых интервенций, повышающих стрессоустойчивость и охраняющих психическое здоровье работников. Таким образом исследование психологических детерминант и межиндивидуальных особенностей копинг-поведения работников правоохранительных органов в условиях профессионального стресса представляет собой важнейшее направление современной прикладной психологии, обладающее как теоретической, так и практической значимостью.

Работа в правоохранительных органах в обязательном порядке сопряжена с постоянным воздействием сильных стрессоров. Сотрудники органов правопорядка регулярно подвергаются угрозе своей безопасности, тяжелым эмоциональным переживаниям и жестким служебным требованиям. Эти обстоятельства предопределяют повышенный риск оформления дезадаптации и профессионального выгорания. В этой связи возможность действительно справляться со стрессом представляется критически важной для сохранения

психического здоровья и качественного выполнения служебных обязанностей. Современные психологические исследования в области совладающего поведения (копинга) основываются на транзакционном подходе Р.Лазаруса и С. Фолкмана, ресурсной модели С.Хобфолла, инструментальных классификациях стратегий (например, СОРЕ К.Карвера). Эти концепции обращаются к анализу индивидуальных различий в выборе и эффективности копинг-стратегий.

Изучая литературы мы определили, что психологическими детерминантами адаптации к стрессу являются:

Личностные предпосылки копинг-стратегий: высокий уровень нейротизма коррелирует со стратегиями преодоления трудностей на эмоционально-ориентированном или избегающе-спасательном уровне, выраженная добросовестность и высокая личная самоэффективность — с активным, проблемы-ориентированным подходом к ним [3].

Регуляция эмоций и когнитивная реструктуризация как буферы: сильно развитая эмоциональная регуляция и развитая возможность когнитивной переоценки текущей ситуации выступают защитными механизмами, помогающими человеку снизить уязвимость к ПТСР и выгоранию даже при повторных травматических воздействиях [4].

Модифицирующая роль организационных факторов: стиль руководства, доступность психологической помощи и ротация рабочих задач — это организационные переменные, которые могут изменять влияние личностных характеристик на адаптивность и могут как усиливать, так и ослаблять эффективность тех или иных избранных человеком стратегий совладания [3].

Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов и влияние на выбор ими стратегий преодоления трудности представлены ниже:

Специфичная природа выполнения служебных обязанностей правоохранительными органами: следователи, в первую очередь, склонны к более расчетливым подходам в решении задач, выражающимся в детальном планировании и активном сборе информации о ситуации. Патрульные и оперативные работники чаще всего действуют на основе инстинктивной поведенческой реакции и умения быстро блокировать свои эмоции. Прокуроры, сталкивающиеся с сильным давлением их организации, показывают большую предрасположенность к проблеме отстранения [1].

Длительность службы в правоохранительных органах и накапливаемый опыт: с ростом стажа службы в правоохранительных органах сотрудники, как правило, начинают больше использовать стратегии, нацеленные на решение конкретных задач и меньше поддаются эмоциональным реакциям. Однако со временем, при постоянно травмирующем влиянии событий, вероятно преобладание стратегий избегания, своеобразное отношение к работе [5].

Пол и возраст: данные по этим факторам противоречивы. Одни исследования показывают, что женщины чаще обращаются за помощью другим, а сотрудники среднего возраста более склонны к поиску решений проблем. Молодые же сотрудники могут проявлять более разнообразные подходы и чаще прибегать к избеганию [3].

Роль организационной среды и организационной культуры: ожидания к должности, стиль управления руководства служебной организацией и наличие ресурсов для поддержки (например психологической помощи, тренинги), существенно влияют на то какие стратегии для преодоления трудностей выбирают сотрудники и насколько они результативны [6].

Анализируя научные литературы и статьи можем сказать, что корреляция стратегий копинга с показателями адаптивности и эффективности являются следующими:

Психическое здоровье: проблемно-ориентированный копинг и когнитивная реструктуризация коррелируют с редукцией симптомов тревоги, депрессии и ПТСР. Избегание и эмоциональное подавление в отличие от них коррелируют с повышением риска выгорания и соматических проявлений [7].

Операциональная эффективность: активное совладание и планирование положительно коррелируют с качеством принимаемых решений и уровнем ситуационной осведомленности. Эмоциональное подавление в свою очередь может обеспечивать краткосрочный контроль, но негативно сказывается на долгосрочной адаптации [6].

Социальное функционирование: стратегии поиска социальной поддержки и командного взаимодействия повышает сплоченность группы и снижает конфликтность, в том числе в условиях высокой степени неопределенности [5].

Предлагаем следующие практические применения, чтобы преодолеть трудности:

Выявление проблем и сильных сторон: чтобы понять, какие у сотрудников имеются ресурсы для справления с трудностями и какие из них требуют развития, мы можем применить признанные методики. К примеру, специальные инвентаризации (COPE, CSI, а также российские и отечественные разработки) и другие, которые в сочетании с анализом индивидуальных черт личности и имеющихся возможностей, помогут выделить группу риска и определить, на что стоит обратить внимание, чтобы улучшить. [7].

Методы улучшения: существуют эффективные способы научиться лучше справляться с трудностями. К их числу относятся тренинги, которые учат новому взгляду на трудные ситуации, готовят к стрессам, развивают умение работать в команде и повышают уверенность в себе. Эти методы показывают стабильные результаты в уменьшении негативных проявлений и в улучшении рабочей продуктивности [5; 6].

Подкрепление на уровне организации: важную роль играет и то, как организована работа. Когда руководители поддерживают подчиненных, имеется доступ к психологической помощи, адекватно меняются задачи и разумно контролируется нагрузка, это укрепляет внутренние ресурсы и снижает вероятность того, что сотрудники начнут применять неэффективные или даже вредные способы преодоления проблем [7].

Из вышеприведенных вытекают нерешенные вопросы и перспективы будущих исследований:

Продольные исследования: для полного понимания динамики копинг-стратегий в условиях изменяющихся ролей, профессионального стажа и уровня воспринимаемой угрозы необходимы лонгитюдные исследования.

Культурная валидизация: существующие инструменты для оценки копинга нуждаются в дальнейшей адаптации и проверке на сопоставимость в различных ведомственных и региональных контекстах, так как их пригодность в настоящее время еще ограничена.

Многоуровневые модели: необходимо развитие комплексных моделей, интегрирующих личностные характеристики, нейропсихологические особенности и организационные факторы, что позволит более точно прогнозировать эффективность копинга у сотрудников с разными профессиональными профилями.

Эффективное преодоление стресса сотрудниками правоохранительных органов оказывается возможным благодаря множеству факторов, о которых мы упомянули выше, включая личные качества тех, кто служит, опыт работы и условия службы в целом.

Результаты научного анализа показали, что на то, как сотрудники правоохранительных органов справляются со стрессом, влияет их набор внутренних ресурсов, опыт профессиональной деятельности и специфика рабочих условий. Личностные характеристики, такие как тревожность, уверенность в себе, самоуправление и мотивация в принятии решений, непосредственно влияют на выбор тех или иных стратегий поведения в сложных жизненных ситуациях, которые могут быть направлены на решение проблемы, управление эмоциями или уклонение. В конечном счете, выбранная стратегия влияет на общее состояние сотрудника и его результативность в службе.

Обзор имеющихся данных показывает, что проблемно-ориентированный подход и способность переосмысливать ситуацию, ведут к лучшей адаптации к ней, способствуют снижению уровня тревожности и депрессии, повышают результативность труда. Напротив, уклонение от трудностей и подавление эмоций ведет к увеличению вероятности физического недомогания, профессионального выгорания, конфликта в коллективе. Не исключена роль и организационных факторов — стиля руководства, наличия психологической поддержки и категорийного разнообразия выполняемых задач. Эти факторы

могут как усилить, так и ослабить влияние личных особенностей на способность преодолевать стресс.

Практическая ценность выводов абсолютно очевидна — необходимо и важно комплексно подходить к предотвращению адаптационных проблем. Это касается индивидуальной оценки личностных рисков, тренингов по управлению эмоциями, изменению мышления и мер поддержки персонала на уровне организации. И конечно же предусмотрена рекомендация развивать уверенность в себе, искать помощь у других и находить конструктивные решения проблем для плодотворного выполнения таких программ.

Однако в исследуемой проблеме также существуют ограничения. Слишком часто используются данные, собранные в один момент времени, а инструментальные средства оценки способов преодоления стресса не всегда проверены на разных культурах и ведомствах. Так же сопряжены недостаточной интеграцией данных по работе мозга и организационным параметрам в общее предсказание. Будущая работа обязана привязываться к длительному наблюдению одних и тех же людей, анализу данных на всех уровнях (индивидуальном, групповом, организационном) и методической адаптации к собственным подразделениям правоохранительных органов.

Таким образом, длительное и глубокое изучение психологических причин поведения работы сотрудников правоохранительных органов в стрессовой ситуации не только расширяет наше представление о том как люди адаптируются к профессиональному вызову, но и создает базу для разработки программ поддержки поддерживающих психическое здоровье и повышающих продуктивность их работы.

Список литературы

1. Меретукова, С.А., Хаконова, А.Р., Шадже, А. А. Психологические особенности стрессоустойчивости сотрудников правоохранительных органов // *Психология и право.* — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 112–120.

2. Андронов, А.В., Никишов, К.А., Никишова, Е. А. Психологические детерминанты копинг-поведения сотрудников правоохранительных органов в условиях профессионального стресса // *Вестник Московского университета МВД России.* — 2024. — № 2. — С. 45–53.

3. Рогачев В. А., Коноплева И. Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения сотрудников правоохранительных органов // *Медицинская психология в России: электрон. науч. журн.* — 2015. — N 2(31). — С. 11 [Электронный ресурс].- URL: <http://mprj.ru> (дата обращения: 10.01.2026).

4. Шелепина Э. К., Духновский С. В. Копинг-поведение сотрудников с разным уровнем утомлённости // *Human Capital*. — 2025. — № 6. — С. 21–34.

5. Anshel M. H. *A conceptual model and implications for coping with stressful events in police work* // *Criminal Justice and Behavior*. — 2000. — Vol. 27(3). — P. 375–400.

6. Patterson G. T. *Examining the effects of police stress: A longitudinal study of officers' well-being* // *Journal of Criminal Justice*. — 2003. — Vol. 31(6). — P. 553–570.

7. Carver C. S., Scheier M. F., Weintraub J. K. *Assessing coping strategies: A theoretically based approach* // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1989. — Vol. 56(2). — P. 267–283.

DOI 10.34660/INF.2025.81.36.086

UDC 37.016:811.111:159.942

NEUROPSYCHOLOGICAL ANALYSIS OF THE ROLE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE IN MODULATING CREATIVE THINKING AND FOREIGN LANGUAGE ACQUISITION

Sakaeva Anastasia Vladimirovna

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor

Siyatinskiy Demyan Stanislavovich

Student

Moscow International University, Moscow, Russia

Abstract. *The study analyzes how emotional intelligence (EI) is linked to adolescents' creativity and English achievement. In a sample of 120 students aged 14–17, EI (EmIn) and creativity (Williams) were measured and compared with year-end English grades. EI correlated positively with creativity and achievement; EI and creativity independently predicted achievement, and intrapersonal EI predicted creativity. Interpreted via the triple-network model, EI is framed as a neurocognitive resource supporting creative cognition and language learning.*

Keywords: *emotional intelligence, creativity, foreign language learning, foreign language anxiety, adolescents, brain networks, triple-network model*

1. Introduction

1.1. Educational context and neuropsychological gap

Contemporary neuroscience has revealed a considerable gap between scientific knowledge about brain development and the assumptions that guide everyday educational practice [1]. This gap contributes to the persistence of «neuromyths» and limits the use of neuropsychological evidence in curriculum design. In foreign language education, the focus still tends to be placed on cognitive components (grammar, vocabulary), whereas emotional and creative resources are often used only fragmentarily.

1.2. Emotional intelligence as a factor of academic success

In the ability model by P. Salovey and J. D. Mayer, emotional intelligence is defined as the ability to perceive, use, understand and regulate emotions [10]. In

the Russian tradition, D. V. Lyusin distinguishes intrapersonal and interpersonal components of EI, which are responsible for regulating one's own emotions and understanding others' emotions respectively [4].

Empirical studies show that EI is related to academic motivation, achievement and the quality of interpersonal interaction in the classroom [4; 6]. In foreign language learning, EI helps learners cope with stress, fear of mistakes and public performance, supports willingness to communicate and to experiment with new learning strategies [2; 6]. Recent research on trait EI indicates that higher EI is associated with greater academic self-efficacy and lower foreign language anxiety, which in turn mediate better foreign language performance [9].

1.3. Creativity and its psychological determinants

Creativity is typically understood as the capacity to produce new, original and socially valuable ideas and outcomes. Analyses of the literature show that creativity includes both cognitive components (divergent thinking, flexibility, originality) and personality traits such as curiosity, openness to novelty and willingness to take risks [3].

In studies with children and adolescents, creativity is often measured using F. Williams' tests adapted by E. E. Tunik, which assess fluency, flexibility, originality and elaboration, as well as personal creative characteristics [5]. In foreign language learning, creativity manifests itself in the ability to move beyond formulaic expressions, combine linguistic resources flexibly and construct original utterances.

1.4. Foreign language anxiety and its relation to emotional intelligence

Alongside creativity, a key factor in foreign language learning is foreign language anxiety — a specific form of anxiety arising in situations of using and learning a foreign language [2; 8]. The classic study by E. K. Horwitz and colleagues showed that foreign language anxiety impairs attention, disrupts working memory and leads to avoidance of speaking [8]. Russian studies confirm that heightened anxiety contributes to lower academic performance, reluctance to participate in oral communication and the development of stable psychological barriers [2].

Recent research within the framework of the positive psychology of language learning indicates that trait EI is associated with lower foreign language anxiety, higher academic self-efficacy and better foreign language performance [9]. Emotional intelligence therefore acts as a mediator between learners' emotional experiences and their academic outcomes.

1.5. Neuropsychological context: large-scale brain networks

Neuroimaging findings suggest that both creativity and emotion regulation rely on the interaction of large-scale brain networks — the default mode network, the

executive control network and the salience network [7]. Highly creative individuals show specific patterns of functional connectivity between regions involved in self-referential processing and internal ideation and regions responsible for goal-directed control and evaluation [7].

These networks are also engaged in processing emotionally salient information and regulating anxiety in learning and communicative contexts. Emotional intelligence can thus be viewed as reflecting the efficiency of neural mechanisms that coordinate emotional and cognitive processes.

1.6. Aim, objectives and hypotheses

The **aim** of the present study is to analyse the role of emotional intelligence in modulating creative thinking and foreign language acquisition in adolescents, drawing on neuropsychological models of large-scale brain networks.

The **objectives** are:

1. To describe the levels of emotional intelligence, creativity and English achievement in adolescents.
2. To identify correlations between EI, creativity and English achievement.
3. To examine the contribution of EI and creativity to the prediction of English achievement.
4. To assess the contribution of intrapersonal and interpersonal EI to creativity.
5. To interpret the findings in the light of neuropsychological models and to formulate practical recommendations.

The **hypotheses** are:

1. Higher levels of EI are associated with higher creativity and better foreign language achievement.
2. Intrapersonal EI is a significant predictor of creativity.
3. EI and creativity are independent predictors of foreign language achievement.
4. The observed relationships can be interpreted in terms of interactions among large-scale brain networks.

2. Materials and methods

2.1. Study design

The study employed a correlational–regression design with single-time-point testing and subsequent statistical analysis of relationships between EI, creativity and English achievement.

2.2. Participants

The sample comprised 120 adolescents aged 14–17 years ($M = 15.5$; $SD = 1.1$), attending grades 8–10 of mainstream schools. Females accounted for 55% of

the sample, males for 45%. All participants studied English as their main foreign language; some also studied a second foreign language (German or French), but these data were not used in the analyses.

Participation was voluntary; informed consent was obtained from the adolescents and their legal guardians.

2.3. Instruments

2.3.1. Emotional intelligence

Emotional intelligence was assessed with D. V. Lyusin's EmIn questionnaire [4]. The instrument includes 46 items grouped into scales measuring:

- overall emotional intelligence;
- intrapersonal EI (understanding and regulation of one's own emotions);
- interpersonal EI (understanding others' emotions and regulating interpersonal interaction).

The questionnaire has acceptable reliability and validity in adolescent samples [4].

2.3.2. Creativity

Creativity was measured with F. Williams' tests adapted by E. E. Tunik [5]. The battery includes:

- tasks assessing divergent thinking (fluency, flexibility, originality, elaboration);
- a questionnaire of personal creative characteristics (curiosity, imagination, risk-taking, preference for complexity).

An overall creativity score was computed for each participant, along with indices of cognitive and personal creativity (used in additional analyses not fully reported in the summary table).

2.3.3. English achievement

Academic achievement in English was assessed using annual grades on a 5-point scale, converted into percentages of the maximum possible grade. For a subsample ($n = 50$), results of a final examination were also available; they strongly correlated with annual grades ($r = 0.82$; $p < 0.001$), which justified using a single index of achievement.

2.4. Procedure

Testing was carried out during regular school hours with administrative approval. Participants were tested in groups of 10–15 students.

The sequence was:

1. Explanation of the study aims and obtaining informed consent.
2. Completion of the EmIn questionnaire (about 15 minutes).
3. Completion of the Williams tests (about 35 minutes).
4. Collection of achievement data from school records.

2.5. Statistical analysis

Data were analysed using IBM SPSS Statistics 26. The following procedures were applied:

- descriptive statistics (M, SD);
- Pearson correlation analysis;
- multiple linear regression.

In the first regression model, English achievement served as the dependent variable, and overall EI and overall creativity were included as predictors. In the second model, creativity was the dependent variable, and intrapersonal and interpersonal EI were predictors. The significance level was set at $p < 0.05$.

3. Results

3.1. Descriptive statistics

The mean overall EI score was $M = 94.3$ ($SD = 12.5$), and the mean creativity score was $M = 72.1$ ($SD = 10.4$). The mean English achievement was approximately 84% of the maximum grade (equivalent to 4.2 on the 5-point scale). No significant gender or age differences were observed for these indicators ($p > 0.10$).

3.2. Correlation analysis

Figure 1 presents a scatterplot illustrating the relationship between overall EI and overall creativity ($N = 120$). A clear positive trend is evident: higher EI is associated with higher creativity ($r \approx 0.55$; $p < 0.01$).

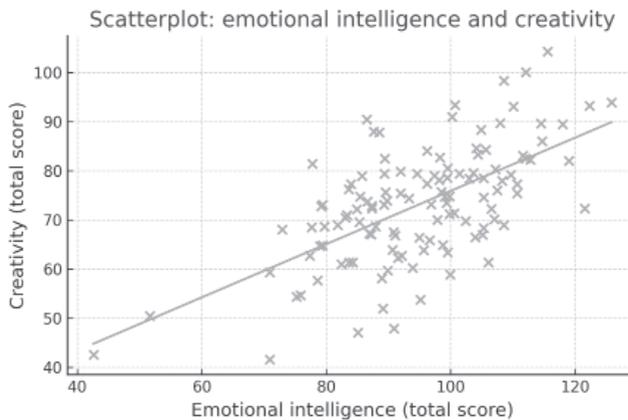

Figure 1. Scatterplot illustrating the relationship between emotional intelligence and creativity in adolescents ($N = 120$; Pearson's $r \approx 0.55$).

A summary correlation matrix for the key variables is shown in Table 1: overall EI, intrapersonal EI, overall creativity and English achievement. Additional correlations (e.g., with specific indices of cognitive and personal creativity) followed the same pattern and are not reported here for brevity.

Table 1. Pearson correlations between emotional intelligence, creativity and English achievement (N = 120).

Variables	1. Overall EI	2. Intrapersonal EI	3. Creativity (overall)	4. English achievement
1. Overall EI	1.00	0.78	0.55	0.50
2. Intrapersonal EI	0.78	1.00	0.49	0.42
3. Creativity (overall)	0.55	0.49	1.00	0.52
4. English achievement	0.50	0.42	0.52	1.00

All correlations in Table 1 are positive and of moderate magnitude, indicating that higher EI is associated with higher creativity and better English achievement, and that creativity itself is positively related to achievement.

3.3. Contribution of emotional intelligence and creativity to English achievement

Multiple regression with EI and creativity as predictors and English achievement as the dependent variable yielded a significant model ($F(2,117) = 29.52$; $p < 0.001$), explaining 33.5% of variance ($R^2 = 0.335$).

The results are summarised in Table 2.

Table 2. Multiple regression results: contribution of emotional intelligence and creativity to English achievement (N = 120).

Predictor	β	t	p
Emotional intelligence (overall)	0.31	3.39	0.001
Creativity (overall score)	0.35	3.91	< 0.001
Constant	—	8.38	< 0.001

Note. Dependent variable: English achievement (percentage of maximum grade). $R^2 = 0.335$; adjusted $R^2 = 0.324$; $F(2,117) = 29.52$; $p < 0.001$.

Both predictors were significant: higher EI and higher creativity each independently contributed to better English achievement.

3.4. Contribution of emotional intelligence components to creativity

In the second regression model, creativity was regressed on intrapersonal and interpersonal EI. The model was significant ($F(2,117) = 8.14$; $p < 0.001$), with $R^2 \approx 0.12$.

Results are presented in Table 3.

Table 3. Multiple regression results: contribution of intrapersonal and interpersonal EI to creativity (N = 120).

Predictor	β	t	p
Intrapersonal EI	0.29	3.14	0.002
Interpersonal EI	0.10	1.11	0.269
Constant	—		

Note. Dependent variable: overall creativity score. $R^2 \approx 0.12$; $F(2,117) = 8.14$; $p < 0.001$.

Intrapersonal EI emerged as a significant predictor of creativity, whereas interpersonal EI did not reach significance.

4. Discussion

4.1. Emotional intelligence and creativity

The positive association between EI and creativity supports the view that emotional and cognitive resources are closely intertwined [3; 5]. Our findings are consistent with the idea that emotional regulation acts as an internal moderator of creative potential, helping individuals tolerate stress and uncertainty and thus engage in creative behaviour [10]. Intrapersonal EI, which reflects the ability to understand and regulate one's own emotions [4], appears particularly important for taking creative risks, persisting in complex tasks and completing open-ended assignments [3; 5].

The findings are consistent with the idea that creativity arises from the integration of cognitive and personality resources, with emotional regulation acting as an internal moderator of how creative potential is used.

4.2. Emotional intelligence, foreign language anxiety and learning outcomes

The positive correlation between EI and English achievement and the independent regression effects of EI and creativity are in line with studies demonstrating the impact of emotional and motivational factors on foreign language learning [2; 6]. The work of E. Horwitz and colleagues shows that foreign language anxiety reduces attentional resources, disrupts information processing

and leads learners to avoid speaking situations [8]. Russian studies underline the chronic nature of such barriers among university students and the need for targeted interventions [2].

Recent evidence on trait EI, academic self-efficacy and foreign language anxiety suggests that emotional intelligence contributes to reduced anxiety and stronger confidence in one's capabilities, which in turn support better learning outcomes in a foreign language [9]. Although language anxiety was not directly assessed in the present study, the observed links between EI and achievement allow us to hypothesise that anxiety is one of the key mediators between EI and academic performance.

4.3. Neuropsychological interpretation: triple-network coordination

From a neuropsychological perspective, the findings can be interpreted within the triple-network model, which posits coordinated functioning of the default mode, executive and salience networks [1; 7]. Functional connectivity studies show that creative thinking is associated with flexible interactions among these networks: the default mode network supports internal ideation and associative thought, the executive network supports goal-directed control and evaluation, and the salience network facilitates switching between internally and externally oriented attention [7].

Emotional intelligence likely reflects the efficiency of top-down regulation of emotional responses, implemented by prefrontal regions, and the ability to flexibly shift between network states. Higher EI may reduce hyperactivation of the salience network in stressful situations (such as speaking in a foreign language), thereby preventing the shutdown of creative processes and enabling the use of creative strategies in learning.

4.4. Practical implications for foreign language teaching

The results suggest several ways of integrating EI and creativity development into foreign language teaching:

1. Emotional reflection in the classroom.

Short, structured reflection activities can be incorporated into foreign language lessons, in which students briefly describe and discuss their emotional reactions to different tasks (interest, anxiety, boredom, fatigue). Such activities promote emotional awareness, help normalise negative feelings and make them a legitimate topic for classroom discussion [2; 6]. When learners are encouraged to recognise and name their emotions, it becomes easier for them to identify specific triggers of foreign language anxiety and to choose more adaptive coping strategies. This is particularly important in speaking activities and oral assessment, where anxiety is known to reduce participation and communicative risk-taking [8].

2. Training emotional self-regulation.

Foreign language classes can also be used as a context for teaching simple self-regulation techniques. Before demanding tasks (oral presentations, creative speaking, exams), teachers may introduce short breathing exercises, elements of progressive muscle relaxation, or brief scripts of supportive self-talk (for example, focusing attention on effort rather than on the possibility of failure) [2; 6]. Explicit discussion of how these techniques work enables students to experiment with different strategies and select those that are most effective for them. By strengthening self-regulation skills, such training reduces the impact of foreign language anxiety on performance and helps learners maintain an optimal level of arousal during challenging tasks [8; 9].

3. Creative language tasks.

To activate creative potential, it is advisable to include tasks that require learners to go beyond reproducing ready-made language patterns. These may involve generating alternative endings to texts, writing dialogues or mini-plays, designing podcasts or digital stories, and transforming materials for new audiences or formats [3; 5]. Assessment criteria for such tasks should include not only grammatical accuracy and vocabulary range, but also originality, coherence of ideas and depth of emotional content. When creative work is systematically integrated into the curriculum, it supports the development of both cognitive and personal aspects of creativity and increases learners' emotional engagement with the foreign language [6].

4. Reducing the emphasis on error-free performance.

Another important implication is the need to reconsider the status of errors in foreign language instruction. If the main focus is on error-free production, learners with high anxiety tend to avoid speaking and limit their participation in communicative activities [8]. Teachers can explicitly frame errors as a natural and necessary part of the learning process, encourage students to view mistakes as information about their current level and as a starting point for further progress. This approach reduces the threat to self-esteem, lowers foreign language anxiety and creates a safer environment for creative experimentation with the language [9].

5. Raising teachers' neuropsychological literacy.

Finally, the results highlight the importance of enhancing teachers' understanding of basic neuroscientific and neuropsychological principles relevant to learning and development. Professional development programmes can familiarise teachers with evidence-based information about brain maturation, emotional regulation and the dynamics of large-scale brain networks, while also addressing common neuromyths [1]. When teachers are aware of the role of emotional intelligence and creativity in foreign language learning, they are better equipped to design tasks that support these resources, to interpret students' difficulties in a more differentiated

way and to select pedagogical strategies that foster both academic achievement and psychological well-being [6].

4.5. Limitations and future directions

The study has several limitations:

- its correlational design does not allow for strong causal inferences;
- reliance on self-report measures introduces the possibility of socially desirable responding;
- the lack of direct measures of foreign language anxiety and neurophysiological data limits the depth of neuropsychological interpretation.

Future work could:

- incorporate standard scales of foreign language anxiety (e.g. FLCAS) and test mediation models linking EI, anxiety and achievement [8; 9];
- use EEG and fMRI to examine dynamic network activity during creative foreign language tasks;
- conduct longitudinal studies of interventions aimed at developing EI and creativity in foreign language courses.

5. Conclusion

Adolescent emotional intelligence emerges as an important factor associated with both creative thinking and foreign language achievement. The study shows that:

- EI is positively related to creativity and to English achievement;
- EI and creativity are independent predictors of achievement;
- intrapersonal EI is a significant predictor of creativity;
- the findings can be interpreted within the triple-network framework of brain functioning.

Emotional intelligence can thus be regarded as a neurocognitive resource that coordinates emotional and creative processes and creates favourable conditions for effective foreign language learning. Integrating EI and creativity development into foreign language pedagogy appears to be a promising avenue for preventing academic maladjustment and fostering stable, creative bilingualism in adolescents.

References

I. Bezrukikh, M.M., Ivanov, V.V., Orlov, K. V. Dissonance between contemporary neurobiological views on brain development and teachers' knowledge. Vestnik NGPU, 2021, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dissonans-mezhdu-predstavleniyami-o-razviti-i-mozga-v-sovremennoy-neyrobiologii-i-znaniyami-pedagogov> (accessed: 10 Dec 2025).

2. Zvereva, L. I. Study of the problem of language anxiety and ways to overcome it in foreign language learning at a university. *Vestnik pedagogicheskogo universiteta*, 2022, no. 6–2 (101). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-problemy-yazykovoy-trevozhnosti-i-puti-ee-preodoleniya-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka-v-vuze> (accessed: 10 Dec 2025).

3. Korotaev, S. A. Creativity and its factors: problems of conceptualization in research. *Sotsiologicheskii Zhurnal*, 2015, vol. 21, no. 2, pp. 6–30. DOI: 10.19181/socjour.2015.21.2.1318.

4. Lyusin, D. V. A new method for measuring emotional intelligence: the EmIn questionnaire. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2006, no. 4, pp. 29–36.

5. Tunik, E. E. Psychodiagnostics of creative thinking. *Creative tests*. 2nd ed. St. Petersburg: Didaktika Plyus, 2002. 56 p.

6. Shaferova, I. V. Emotional intelligence and its role in foreign language learning. *Uchitel'skii zhurnal*, 2025, no. 9. URL: <https://www.teacherjournal.ru/categories/13/articles/13060> (accessed: 10 Dec 2025).

7. Beaty R.E., Benedek M., Silvia P.J., Schacter D. L. Robust prediction of individual creative ability from brain functional connectivity // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2018. Vol. 115, No. 5. Pp. 1087–1092. DOI: 10.1073/pnas.1713532115.

8. Horwitz E.K., Horwitz M. B., Cope J. Foreign language classroom anxiety // *The Modern Language Journal*. 1986. Vol. 70, No. 2. Pp. 125–132. DOI: 10.2307/327317.

9. Jin F., Gu C., Li Y. Trait emotional intelligence and foreign language performance: associations with academic self-efficacy and foreign language anxiety // *Frontiers in Education*. 2024. Vol. 9. Article 1419328. DOI: 10.3389/educ.2024.1419328.

10. Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // *Imagination, Cognition and Personality*. 1990. Vol. 9, No. 3. Pp. 185–211. DOI: 10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG.

ОБНОВЛЕНИЕ СОДЕРЖАНИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОПЫТА УЧАСТИЯ В ЧЕМПИОНАТНОМ ДВИЖЕНИИ

Воронин Вадим Владимирович

кандидат психологических наук

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск, Россия*

Воронина Ирина Сергеевна

методист

*Красноярский технологический техникум пищевой
промышленности, г. Красноярск, Россия*

Аннотация: В статье описывается подход к обновлению содержания образовательных программ среднего профессионального образования, учитывающий опыт участия в чемпионатном движении. Внедрение в образовательные программы среднего профессионального образования лучших практик подготовки высококвалифицированных кадров, аккумулированных в содержании, организации и проведении чемпионатов по профессиональному мастерству «Профессионалы» позволяют повысить качество образования.

Ключевые слова: содержание образования, среднее профессиональное образование, чемпионатное движение, демонстрационный экзамен.

Краткое вступление, постановка проблемы

В последнее десятилетие происходит трансформация системы среднего профессионального образования, связанная с острой необходимостью подготовки высококвалифицированных кадров, способных работать в высокотехнологических секторах экономики. В рамках государственной политики создаются центры опережающей профессиональной подготовки, осуществляется совершенствование материально-технической базы образовательных организаций, происходит постоянное повышение квалификации преподавательского состава. Однако, несмотря на все предпринимаемые усилия,

при формальном подходе к обновлению содержания образовательных программ, качество подготовки обучающихся к реальной профессиональной деятельности заметно снижается.

Цель и методы исследования

Целью статьи является обобщение результатов обновления содержания образовательных программ среднего профессионального образования по специальности «Коммерция» (по отраслям) на базе краевого государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Красноярский технологический техникум пищевой промышленности» с учетом опыта участия во Всероссийском чемпионатном движении по профессиональному мастерству «Профессионалы».

Для достижения поставленной цели использовались такие методы исследования, как анализ теоретических и нормативно-правовых источников, систематизация и обобщение.

Результаты исследования

В соответствии с Приказом Министерства образования и науки от 15 мая 2014 г. N 539 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.04 «Коммерция (по отраслям)» областью профессиональной деятельности выпускников по специальности «Коммерция» (по отраслям) является организация и проведение коммерческой деятельности в производственных, торговых и сервисных организациях [1].

Эффективное осуществление коммерческой деятельности в условиях инновационной экономики требует от выпускников проявления гибкости, высокого уровня устойчивости к неопределенности и постоянной готовности к постижению нового. В Красноярском технологическом техникуме пищевой промышленности формирование этого результата достигается регулярным обновлением содержания образовательных программ с применением компетентностного подхода.

Особенность специальности «Коммерция» состоит в том, что выпускники работают в разных отраслях экономики, и, соответственно, учесть запросы всех работодателей при обновлении содержания образовательных программ практически невозможно.

Возможность разрешения этого затруднения была найдена с началом участия преподавателей техникума в чемпионатном движении по профессиональному мастерству, одной из задач которого является интегрирование лучших практик подготовки кадров в образовательный процесс системы среднего профессионального образования [2].

Участвуя в чемпионатном движении по таким компетенциям как «Предпринимательство» (с 2018 г.), «Интернет-маркетинг» (с 2020 г.), «Рекрутинг» (с 2022 г.), «Реклама» (с 2023 г.), «Бережливое производство» (с 2024 г.) и «Торговое дело» (с 2024 г.), преподаватели перенимали передовой опыт, современные технологии и лучшие практики, сконцентрированные в данных компетенциях.

Опыт участия преподавателей предметно-цикловой комиссии специальности «Коммерция» (по отраслям) был проанализирован, обобщен и реализован при ежегодном внесении изменений в содержание образовательных программ.

Так, в вариативную часть ОПОП были добавлены такие учебные дисциплины как «Бизнес-планирование», «Основы проектной деятельности», в рамках которых обучающиеся разрабатывали бизнес-планы, осваивая соответствующие компетенции.

В МДК 02.03 «Маркетинг» профессионального модуля «Организация и проведение экономической и маркетинговой деятельности» был добавлен раздел «Интернет-маркетинг», а также углублено содержание тем, связанных с рекламной деятельностью.

Участие в компетенции «Рекрутинг» способствовало внесению изменений в учебные дисциплины «Менеджмент» и «Технология планирования профессиональной карьеры».

Внесенные изменения в содержание образовательных программ также потребовали корректирования методов и средств обучения, системы оценивания образовательных результатов. Так, одной из форм промежуточной аттестации, направленной на определение степени сформированности профессиональных компетенций у обучающихся по специальности «Коммерция» (по отраслям), стал демонстрационный экзамен (ДЭ). В таблице 1 представлены результаты сдачи демонстрационного экзамена в рамках промежуточной аттестации.

Таблица 1 — Результаты сдачи демонстрационного экзамена в рамках промежуточной аттестации

Год сдачи ДЭ	Компетенция	Количество студентов, сдающих ДЭ	Качественная успеваемость, %
2020	Интернет-маркетинг	35	97
2021	Предпринимательство	20	70
2022	Рекрутинг	41	100
2023	Рекрутинг	38	87

В соответствии с ФГОС [1] государственная итоговая аттестация по специальности «Коммерция» проводится в форме демонстрационного экзамена и защиты дипломного проекта (работы).

Благодаря именно системным изменениям в образовательном процессе, были зафиксированы высокие результаты сдачи демонстрационного экзамена студентами специальности «Коммерция» (по отраслям) в рамках государственной итоговой аттестации, которые представлены в таблице 2.

Таблица 2 — Результаты сдачи демонстрационного экзамена в рамках государственной итоговой аттестации

Учебный год	Количество выпускников	Качественная успеваемость, %
2023/2024	89	92
2024/2025	65	94

Данные, представленные в таблице 2, показывают высокий уровень качественной успеваемости студентов по специальности «Коммерция», что говорит об эффективности подхода к обновлению содержания образовательных программ на основании опыта участия в чемпионатном движении.

Выводы

Подход к обновлению содержания образовательных программ на основании опыта участия в чемпионатном движении продемонстрировал свою эффективность и может быть рекомендован к расширенному применению в системе среднего профессионального образования.

В соответствии с ФГОС [1] прием на обучение по специальности «Коммерция» прекращен с 31 декабря 2023 г. Приобретенный преподавателями Красноярского технологического техникума пищевой промышленности опыт был использован при обновлении содержания образовательных программ по специальности «Торговое дело», набор на которую был осуществлен в 2024 году.

Список источников:

1. Приказ Министерства образования и науки от 15 мая 2014 г. N 539 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 38.02.04 Коммерция (по отраслям)» (с изм. и доп. от 13 июля 2021 г., 1 сентября 2022 г.). — [Электронный ресурс]. — URL: <https://base.garant.ru/70687350/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 12.01.2025).

2. Положение о Всероссийском чемпионатном движении по профессиональному мастерству (Утвержден Координационным советом по подготовке и проведению чемпионата по профессиональному мастерству «Профессионалы» и Чемпионата высоких технологий Всероссийского чемпионатного движения по профессиональному мастерству (протокол от «26» мая 2025 г. № ВЖ-1/05пр). — [Электронный ресурс]. — URL: https://firpo.ru/netcat_files/365/742/h_f679e0ea6d9f8c9fdccf76e53e6bddce (дата обращения: 13.01.2025).

DOI 10.34660/INF.2025.82.19.028

INNOVATIVE PRACTICES IN CREATIVE MODELS OF ART EDUCATION

Chen Yongqinyi

PhD Student

Al-Farabi National University

Konyrbayeva Sarash Sakhievna

Associate Professor

Al-Farabi National University

Abstract: *This study investigates emerging creative models in art education through a systematic literature review. By synthesizing research from 2019 to 2025, six principal innovative models were identified: Project-Based Learning, technology-integrated creation, interdisciplinary convergence, local community-based practice, learner-driven pathways, and adaptive-inclusive frameworks. The analysis reveals that these models significantly enhance students' creative thinking, complex problem-solving abilities, interdisciplinary skills, and professional readiness. However, their effective implementation faces substantial challenges related to resource disparities, insufficient teacher preparation, conflicts with standardized curricula and assessment systems, and a lack of systemic policy support. Based on these findings, the paper proposes a multi-level strategic framework for creating a supportive educational ecosystem, offering concrete recommendations for teaching practice, institutional policy, and future research [10].*

Keywords: *Art Education; Model Innovation; Digital Technology; Interdisciplinary Teaching; Inclusive Education*

1. Introduction: The current global art landscape is undergoing a profound transformation driven by the deep integration of digital technologies, the dissolving boundaries between disciplines, and the increasing complexity of socio-cultural issues. In this context, the traditional art education paradigm, characterized by a primary focus on studio skill mastery and the transmission of discipline-specific knowledge, reveals growing limitations. To address this challenge, the core of art education is shifting from the one-way transmission of techniques to the systematic cultivation of creative literacy centered on complex contexts, authentic problems, and individual expression.

«Creative models in art education,» widely discussed in academia, fundamentally aim to restructure the process of artistic knowledge production, organization, and evaluation. These models reshape pedagogical relationships and practices through strategies such as authentic or simulated project tasks, the embedding of cutting-edge tools, the intertwining of multi-disciplinary perspectives, the activation of local knowledge, and the empowerment of learner agency [10]. This review systematically analyzes empirical studies from the past five years to clarify the composition and characteristics of major innovative models, evaluate their multi-dimensional impact on student development, dissect the core contradictions hindering their implementation, and provide evidence-based insights for constructing a future-oriented art education system.

2. Methodology: This study employs a systematic literature review methodology, adhering to a standardized process of search strategy formulation, screening criteria definition, and data extraction and synthesis. Chinese-language literature was sourced primarily from academic databases including CNKI, VIP, and WanFang Data. English-language literature searches covered Scopus, Google Scholar, and the Web of Science Core Collection. Search keyword combinations included, but were not limited to: «art education» AND («creative model» OR «teaching model»), «project-based learning» AND «art,» «interdisciplinary» AND «art teaching,» «digital technology»/«artificial intelligence»/«virtual reality» AND «art education,» and «inclusive»/«special education» AND «art curriculum.» The publication timeframe was limited to January 2019–December 2025.

A double-blind review mechanism was used for literature screening. Inclusion criteria were: (1) the research subject is formal art education courses at the higher education or basic education level; (2) the work clearly elaborates a specific creative teaching model or curriculum reframing framework; (3) the work contains empirical data (qualitative or quantitative) or in-depth case study analysis; and (4) the work is published in peer-reviewed academic journals, conference proceedings, or authoritative thematic reports. After initial screening and full-text review, 98 publications were selected as the final analysis sample. Data analysis utilized thematic analysis, focusing on five core dimensions for coding and categorization: «Model Characteristics,» «Implementation Conditions,» «Student Outcomes,» «Teacher Challenges,» and «Institutional Environment.»

3. Typological Analysis of Major Innovative Models

Based on the synthesis of the sample literature, current innovative practices in art education can be integrated into the following six ideal types with both theoretical and practical significance.

3.1 Project-Based Learning (PBL) Models

This model anchors art learning within a long-term, complex, and meaningful project task, where the learning process itself constitutes a complete micro «art production.» A typical framework involves five cyclical and progressive stages: inquiry initiation, proposal iteration, creative implementation, public exhibition, and critical reflection. Further research indicates its success depends on constructing a continuous developmental loop from «knowledge internalization» to «contextual construction,» then to «agent activation,» and finally to «literacy symbiosis» [6]. However, the model's intensive demand for teaching resources (time, space, materials) and its high requirement for teachers to act as «project designers» and «process coaches» constitute significant implementation bottlenecks.

3.2 Integrated Digital Technology Application Models

This category can be divided into two sub-types based on technological features and educational goals:

Intelligent Creative Collaboration: This involves using AI tools (e.g., generative AI, style transfer algorithms, intelligent layout systems) in stages such as ideation, sketching, form generation, and effect simulation. Practice shows this can vastly expand the «search space» for creativity, but it inevitably leads to deep pedagogical discussions about authorship, originality, and algorithmic ethics [1]. Therefore, educational objectives must transcend tool operation, aiming to cultivate students' comprehensive literacy framework that integrates AI knowledge, artistic understanding, and pedagogical design [1].

Immersive Environment Construction: This utilizes VR, AR, and other technologies to create creative, exhibition, and experiential environments beyond physical limits. From the digital immersive recreation of cultural heritage to sculpture and installation creation entirely within virtual spaces, such practices not only offer new media languages but fundamentally expand the definition of the «art site» [2]. From a macro perspective, digital technology is triggering a systemic transformation of art education curriculum systems by reshaping the form and accessibility of teaching resources, the grammar and boundaries of creative language, and the mechanisms and dimensions of learning feedback [2][3].

3.3 Interdisciplinary Knowledge Convergence Models

This model aims to break down inherent disciplinary barriers and guide art into deep dialogue and creative combination with other knowledge domains (e.g., natural sciences, engineering, social sciences). Its design must actively respond to the widespread call for «interdisciplinary literacy» in global curriculum reforms and consciously address the practical challenges this brings, including integrated curriculum objectives, deep content coupling, and diverse evaluation standards [4].

The internationally proposed concept of «Connected Art Practice» emphasizes using art as a binder to build learning ecosystems that stimulate students' cross-domain expression, communication, and meaning-making, a concept validated in multiple case studies [5]. The implementation of this model relies heavily on teaching communities with interdisciplinary vision and collaborative willingness, as well as administrative systems that support flexible curriculum restructuring.

3.4 Localized Community Practice Models

This model extends the teaching field from campus to community, using local knowledge, cultural heritage, or issues of common community concern as the starting point and core content for artistic creation. Students complete works with both aesthetic value and social significance through methods like participatory observation, oral history interviews, and collaboration with community members. This process not only deepens learners' cultural identity and social responsibility but also often effectively gives back to the community, promoting the vitality of local culture and fostering social capital. The main challenge lies in establishing effective community connections within limited course time and maintaining a careful balance between respecting local traditions and encouraging critical innovation.

3.5 Learner-Driven Pathway Models

The core principle of this model is to transfer key decision-making rights in the creative process — including topic selection, medium experimentation, progress planning, and final presentation methods — maximally to the student. Research indicates this high degree of autonomy effectively enhances learners' intrinsic motivation, metacognitive skills, and the early formation of a unique personal style. Correspondingly, the teacher's role must transform from an «authoritative knowledge distributor» to a «supportive resource curator,» a «catalyst for dialogic thinking,» and a «diagnostician of procedural obstacles.» This places demands on teaching management for supporting conditions, such as a lower student-to-teacher ratio, flexible studio time, and assessment schemes focused on processual growth and personalized breakthroughs.

3.6 Adaptive and Inclusive Framework Models

Based on the principles of Universal Design for Learning (UDL), this model aims to ensure all learners — regardless of physical, cognitive, or cultural background — can participate equally and effectively in art learning through flexible instructional design, diverse expressive media, and adjustable physical/digital environments. For instance, creative systems designed for visually impaired learners based on tactile and auditory feedback not only open new channels for perception and expression but also show positive effects in enhancing self-efficacy [7]. Cutting-edge research

continues to explore how to systematically apply assistive technologies and adaptive teaching strategies to reduce various access barriers to art creation and appreciation, truly achieving universal accessibility in art education [7]. Widespread adoption of this model faces two major obstacles: first, tools and materials customized for special needs are often costly; second, teacher training systems that produce educators proficient in both advanced art pedagogy and differentiated teaching strategies are still underdeveloped.

4. Comprehensive Impact Assessment: Efficacy, Tensions, and Transformation

4.1 Multi-dimensional Manifestations of Student Development Outcomes

The integrated impact of innovative models is evident at multiple levels. Cognitively, they collectively foster higher-order thinking skills like complex problem-solving, critical reflection, and systemic innovation. Socially, through teamwork, community interaction, and public exhibition, students' communication, collaboration, and social participation skills are exercised. Regarding career preparedness, project experiences simulating the real art ecology enable students to build more competitive portfolios and adapt early to industry collaboration models and work rhythms. On a personal level, creative processes closely linked to self-interest, cultural roots, or social concerns often become important opportunities for students' identity exploration and meaning-making.

4.2 Core Tensions in the Implementation Process

The deep application of innovative models commonly encounters «creative tensions» within the education system. First, there is a fundamental tension between resource-intensive innovation and the ideal of educational equity, potentially exacerbating «digital divides» and «opportunity gaps» between institutions. Second, a disconnect exists between the rapid evolution of the teacher's role and their original knowledge structure, work habits, and evaluation/incentive systems, leading to «implementation fatigue» and «innovation regression.» Furthermore, a structural contradiction exists between generative, personalized learning processes and standardized, uniform curriculum management and assessment systems [9]. Finally, there is an integration dilemma between localized pedagogical innovation and holistic, hierarchical educational policy and administrative systems [10].

5. Strategic Recommendations for Building a Supportive Ecosystem

To advance art education innovation from isolated «excellent practice» to sustainable «systemic change,» a multi-level, interconnected supportive ecosystem must be built.

Teaching Practice Level: Encourage an agile implementation path of «prototype testing-iterative optimization-gradual scaling.» Strongly advocate for establishing

cross-disciplinary, inter-school teacher communities of practice to promote experience sharing and collaborative problem-solving. Actively develop and apply new assessment tools capable of documenting the creative process, capturing the evolution of thinking, and encouraging peer learning.

Institutional and Policy Level: It is recommended to incorporate competency requirements for integrating technology, conducting interdisciplinary teaching, and implementing inclusive design into pre-service teacher training and certification standards. Establish dedicated innovation funds aimed at bridging resource gaps and create mechanisms for sharing outcomes. Educational authorities should provide curriculum framework guidelines oriented toward «core competencies» that allow for school-based flexible implementation, reserving institutional space for grassroots innovation [8]. School management must focus on reforming procedural barriers that hinder cross-departmental collaboration and explore new management and evaluation systems compatible with process data and creative outcomes [9].

Academic Research Level: Future research needs to strengthen longitudinal studies on the long-term effects of innovative models, as well as the development and validation of low-cost, highly adaptable innovative solutions in different socio-economic and cultural contexts. Simultaneously, research should deepen into the mechanisms of effective teacher professional development models and their sustainable support systems.

References

1 Li, H. (2025). *Research on the Application of the AI-TPACK Theoretical Model in Art and Design Teaching*. *Art Education Research*, (2), 154–156.

2 He, C. (2025, September 22). *The Pathways and Value of Digital Art Empowering Aesthetic Education*. *Chinese Social Sciences Today*.

3 Qin, J. (2025). *Research on the Strategy of Digital Technology Empowering Art and Design Education*. *Art Science and Technology*, 16, 181–183.

4 Liu, X. (2024). *Interdisciplinary Theme-based Learning in Fine Arts: Connotative Features, Practical Dilemmas, and Deepening Strategies*. *Journal of Aesthetic Education*, (3).

5 Norton, D., Norton, F. A., & Veciana, S. (2024). *Connected Art Practice: Transformative Learning Environments for Transdisciplinary Competences*. *Societies*, 14(3), 33.

6 Lin, X. (2025). *The Logical Mechanism and Practical Path of Creative Practice Empowering Fine Arts Teaching*. *Journal of Heilongjiang Institute of Teacher Development*, 10, 121–124.

7 Mohamad, N., Vermol, V. V., Anwar, R., et al. (2025). *Visual Art Accessibility and Art Experience for the Blind and Visually Impaired. International Journal of Design in Society*, 19(1), 61–77.

8 Yang, Z. (2024). *Exploration of Deepening Aesthetic Education Curriculum System Construction through Discipline Integration. Yinshan Academic Journal*, 37(2), 109–112.

9 Qiu, T. (2025, March 28). *Research on the Management of Higher Education in Craft Art Based on Digital Technology. CCTV.com*.

10 Li, L., & Liu, Z. (2025). *A Review of the Dilemmas and Breakthrough Paths of Interdisciplinary Integration in Art Education. Contemporary Education Sciences*, (1), 88–95.

СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ КУЛЬТУРЫ ШКОЛЬНИКОВ В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Колодяжная Юлия Владимировна

соискатель ученой степени кандидата наук

Челябинский государственный институт культуры,

начальник Управления образования администрации Октябрьского

муниципального района, г. Челябинск, Россия

Аннотация. В данной статье представлены важные содержательные аспекты, касающиеся организации социально значимой деятельности как средства формирования цифровой культуры школьников в воспитательной среде общеобразовательного учреждения. Социальная активность школьников заключается в активизации их жизненной позиции, проявляющейся через социально значимую деятельность. Помощь в становлении ребенка как личности оказывает школа, именно здесь формируются личностные компетенции ребенка.

Ключевые слова: социально значимая деятельность, самореализация, компетенции, социум, волонтерство.

Abstract. This article presents important substantive aspects related to the organization of socially significant activities as a means of forming the digital culture of schoolchildren in the educational environment of a general education institution. The social activity of schoolchildren consists in activating their life position, which manifests itself through socially significant activities. The school provides assistance in the development of a child as an individual, and it is here that the child's personal competencies are formed.

Keywords: socially significant activities, self-realization, competencies, society, and volunteering.

Введение. Одним из приоритетов государственной политики в области воспитания является формирование внутренней позиции личности по отношению к окружающей социальной действительности, что возможно реализовать через развитие социально значимой деятельности в общеобразовательной организации. Федеральные государственные образовательные стандарты, предполагают, что общеобразовательная организация обеспечит условия воспитания и социализации обучающихся, их самоидентификацию посредством лично и общественно значимой деятельности. Актуализация потенциала образовательной среды в области социализации детей и подростков — важная задача современной общеобразовательной организации в реализации стратегических направлений развития образования [8].

Социальная активность подростков в школе заключается в активизации их жизненной позиции, в повышении мотивации к учебной деятельности, во включении ребенка в общественно полезную деятельность, в участии школьников в различных проектах, конкурсах различного уровня, направленных на развитие творческих способностей.

Основная часть. Модернизация системы отечественного образования в качестве одной из задач школы ставит развитие социально активной личности, способной плодотворно жить в современных условиях и преобразовывать их, самостоятельно принимать верные, жизненно важные решения, позитивно самореализовываться в основных сферах жизнедеятельности. Школа должна помочь ученикам стать активными гражданами общества, способными самостоятельно совершать свои поступки и отвечать за них, принимать правильные решения. Развитие социальной активности обучающихся является одной из задач современного образовательно-воспитательного процесса.

Главная цель развития социальной активности школьников связана с формированием гражданина, личности, способной полноценно жить в новом информационном обществе и быть максимально полезным этому обществу. Именно в период обучения в школе происходит процесс приобщения школьников к социуму, освоение культуры человеческих отношений и получение общественного опыта, знакомство с социальными нормами, ролями, новыми видами деятельности и формами общения [13].

Социально значимая деятельность является важным педагогическим средством формирования цифровой культуры школьников в воспитательной среде общеобразовательного учреждения, их нравственных ориентиров поведения, являющихся основой для формирования субъектности личности [1].

Основная цель социально значимой деятельности школьника — его социализация, а также формирование личностных социальных компетенций. Поскольку социально значимая деятельность опирается на субъектность и активность школьников, то формы деятельности направлены на создание новых

материальных и духовных ценностей в интересах социума, развитию цифровой культуры школьников. Также дополнительными целями могут выступать:

— приобретение школьниками индивидуальных просоциальных моделей поведения, а также формирование навыков применения этих моделей в реальных социокультурных ситуациях;

— знакомство с конкретными условиями и содержанием отдельных социальных процессов, происходящих в современном информационном обществе;

— развитие практических умений коммуникативной культуры в процессе осуществления различных социальных взаимодействий;

— развитие социальной солидарности и умения работать в команде.

Основные виды деятельности школы, которые можно отнести к социально значимым:

- общественно-полезная деятельность, основанная на добровольном участии лиц, заинтересованных в активизации общественной инициативы для решения какой-либо социально-педагогической проблемы;

- благотворительная деятельность, осуществляемая из чувства сострадания, нацеленная на помощь нуждающимся слоям населения;

- добровольное социальное служение, оказание помощи и поддержки социально уязвимым, малообеспеченным гражданам и другим лицам, нуждающимся в социальной поддержке;

- социально-культурная деятельность, имеющая целью развитие личности средствами разнообразных форм культурного досуга, приобщения к культурным ценностям.

Наиболее распространенные формы социально значимой деятельности школы:

- социально-значимые проекты, реализуемые школой;

- благотворительные акции, ярмарки;

- волонтерство;

- мероприятия досугово-познавательного характера.

Участие в социальных и волонтерских акциях способствует различным положительным эффектам, среди которых:

- расширение социальных контактов, обогащение жизненного опыта;

- развитие личных навыков: работа с различными группами людей, умение разрешать конфликты;

- чувство удовлетворения и собственной значимости, повышение самооценки и улучшение эмоционального состояния, возникающие вследствие оказания помощи другим людям;

- развитие эмпатии и уважения к разнообразным культурам и образам жизни;

- социализация, открытие новых возможностей и дальнейшее профессиональное самоопределение.

Одним из самых важных мероприятий, способствующих обучению школьников социально значимой деятельности, является волонтерство. О. И. Холина отмечает: «Волонтерство, в свою очередь, как общественное движение открывает перспективу подрастающему поколению проявить свои социальные и культурные особенности» [10].

Изучение волонтерства в педагогическом аспекте (М. В. Шакурова, Л. Е. Никитина, Е. В. Богданова и др.) позволяет рассматривать его с воспитательной точки зрения. Е. В. Богданова интерпретирует волонтерство как целенаправленную деятельность формирования ценностных ориентаций, развития социального опыта и решения возрастных задач ее участников» [12].

Более того, все школьные волонтерские организации объединяет важная черта — они изначально интегрированы в учебно-воспитательный процесс, это облегчает решение практических задач духовно-нравственного и культурного воспитания школьников, организации их вне учебного времени и досуга.

С другой стороны, обучающиеся, благодаря своему участию в волонтерской деятельности, смогут лучше ориентироваться в различных видах профессиональной деятельности, получить реальное представление о предполагаемой профессии или выбрать направление профессиональной подготовки. Это возможно не только во время внеурочной деятельности, но и в том числе, во время учебного процесса, когда педагог на своих занятиях обращает внимание школьников на социально значимые проблемы и подводит их к идее принять участие в их решении через реализацию проектов, которые они могли бы совместно разработать.

Приобщение школьников к проявлению социальной активности, выполнению разнообразных социально значимых дел, участие в общественных мероприятиях реализуется поэтапно.

На этапе развития социально значимых потребностей школьников происходит познание и осознанное восприятие сущности и содержания потребностей, играющих значимую роль в общественной деятельности.

Этап ознакомления с направлениями социально значимой деятельности предполагает проведение теоретических мероприятий, направленных на ценностное содержание конкретных сторон социально значимой деятельности. На данном этапе школьник должен осознать, что участие в той или иной деятельности поможет ему развить определенные навыки, удовлетворить потребности, освоить интересные виды деятельности, проявить себя и свои организаторские качества.

Освоение социально значимой деятельности происходит на этапе привлечения школьников к конкретному виду деятельности, являющейся для него новой, не освоенной в полной мере. На данном этапе происходит активизация воли, становление характера школьников.

Окончательная адаптация к новой деятельности происходит на этапе закрепления новых социальных навыков и расширение социально значимых умений. Происходит активизация инициативы ребенка, раскрытие его творческого потенциала, социальное развитие и совершенствование личности школьника.

На этапе реализации социальной деятельности происходит выполнение конкретного готового продукта, достижение успеха в деятельности способствует удовлетворению социальных потребностей школьников, мотивирует их к дальнейшей деятельности. Это открывает новые горизонты социального развития личности, возможности саморазвития и самореализации.

Деятельность школьника на каждом перечисленном этапе будет эффективной, если будет создана необходимая воспитательная среда, способствующая воплощению намерений личности, а также их реализации. Рядом со школьниками должны находиться педагоги, пробуждающие в них личностную активность, и дающие направление этой активности на благо общества и государства.

Заключение. Социально значимая деятельность — основной вид деятельности школьников, на развитие которого направлена воспитательная работа школы, урочная и внеурочная деятельность.

Выбор приоритетных целей, видов и направлений социально значимой деятельности производится каждым конкретном образовательном учреждении с учетом анализа социокультурной среды, в которой она функционирует, в особенности следует уделить внимание следующим аспектам:

— потребности субъектов внешней социокультурной среды и внутренней образовательной среды школы (определить актуальные потребности социума, на удовлетворение которых будет направлена социально значимая деятельность школьников);

— ресурсы внешней социокультурной среды и внутренней образовательной среды школы (в том числе учет имеющихся форм взаимодействия школы: сетевое взаимодействие, социальное партнерство).

— применение современных информационных технологий (метод проектов, коуч-технологии и др.) позволяет школьникам социализироваться в современном цифровом обществе.

Таким образом, вовлечение школьников в социально значимую деятельность является благоприятной основой формирования цифровой культуры школьников в воспитательной среде общеобразовательного учреждения.

Использованная литература:

1. Андреев И. Д. *Теория как форма организации научного знания.* — М: Наука, 1979. — 303 с.
2. Бодренкова, Г. П. *Системное развитие добровольчества в России: от теории к практике: учебно-методическое пособие / Г. П. Бодренкова.* — Москва: АНО «СПО СОТИС», 2013. — 320 с.
3. *Волонтерское (добровольческое) движение в общеобразовательной организации [Электронный ресурс]: методическое пособие / Ассоциация волонтерских центров, Федеральный институт развития образования, Фонд развития молодежных волонтерских программ.* — Электрон. текстовые дан. (1 файл). — Москва, 2016. — Режим доступа: http://xn--80ae4d.xn--p1ai/media/files/documents/%D0%B2_%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5.pdf
4. *Волонтерские программы как ресурс развития и системной поддержки здорового образа жизни российской молодежи: научно- методическое пособие / Т. Н. Арсеньева [и др.].* — Тверь: ООО «СФК-офис», 2012. — 108 с.
5. Галицких, Е. О. *От сердца к сердцу. Мастерские ценностных ориентаций для педагогов и школьников: методическое пособие / Е. О. Галицких.* — Санкт-Петербург: Паритет, 2003. — 160 с.
6. Зборовский, Г. Е. *Знание и образование в социологии: теория и реальность / Г. Е. Зборовский.* — Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2013. — 484 с.
7. *Инновационные проекты системной поддержки молодежного добровольчества: научно-методическое пособие / Т. Н. Арсеньева [и др.].* — Санкт-Петербург-Тверь: ООО «СФК-офис», 2009. — 131 с.
8. Кирьякова, А. В. *Аксиологический потенциал социальных сетей для высшего образования (Текст) / А. В. Кирьякова, Е. Р. Южанинова // Вестник Оренбургского гос. ун-та, 2017. — № 10(210). — С. 83–87.*
9. *Коджаспирова, Г. М., Педагогический словарь для студентов высших и средних педагогических заведений / Г. М. Коджаспирова, А. Ю. Коджаспиров.* — Москва: Академия, 2003. — 176 с.
10. *Логика и методология науки. Философские вопросы естествознания.* — М.: Наука, 1973. — 245 с.
11. *Организация социально значимой деятельности школьников: методические рекомендации / Министерство общего и профессионального образования Свердловской области, Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Свердловской области «Институт развития образования», Кафедра воспитания и дополнительного образования; авт.-сост. Д. Е. Щипанова, А. В. Меренков.* — Екатеринбург: ГАОУ ДПО СО «ИРО», 2018. — 36 с.

12. Шептулин А. П. *Диалектический метод познания*, - М.: Политиздат, 1983.

13. Яковлев Е. В. *Педагогическое исследование: содержание и представление результатов* / Е. В. Яковлев, Н. О. Яковлева. — Челябинск: Из-во РБИУ, 2010—316 с. ISBN № 918 – 5 – 91394–039–1.

DOI 10.34660/INF.2025.84.17.081

37.017.4

МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПО ОРГАНИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКО-ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ С УЧАЩИМИСЯ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Аверков Александр Николаевич

соискатель

*Государственное учреждение образования «Академия
образования»,*

директор

Государственное учреждение образования

«Средняя школа № 42 г. Могилева»»,

г. Могилев, Беларусь

***Аннотация:** В данной статье описаны методические аспекты по организации гражданско-патриотического воспитания с учащимися в условиях учреждения образования, формирующие патриотически ориентированную ценностно-мировоззренческую направленность личности, дающую соответствующее смысложизненное обоснование всем сторонам ее жизнедеятельности.*

***Ключевые слова:** патриотизм, гражданственность, гражданско-патриотическое воспитание, компоненты образования.*

Патриотическое воспитание — это процесс, обеспечивающий единство духовной, гражданской и общественной активности личности, следовательно, заключается в целостности и неразрывности процесса воспитания как социального явления, его неразделимость на самостоятельные направления.

В послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию отмечалось, что экономическое возрождение нашей республики не может состояться без гражданского становления каждого человека. От того, насколько человек почувствовал себя человеком, осознал свою сопричастность происходящему, ответственность за судьбу Отечества, от его ценностных ориентаций и мировоззренческих установок зависит содержание, характер, направленность социально-экономического

и политического развития Республики Беларусь. Сегодня мир пришел к пониманию того, что основой решения глобальных экологических и социальных проблем является осознание того, что миру необходим человек самостоятельный, свободный и культурный.

Гражданское и патриотическое воспитание формирует не просто законопослушного гражданина, а человека, осознанно и активно исполняющего свой гражданский долг. Оно предполагает привитие уважения к Государственному флагу и гербу Республики Беларусь, героическому и историческому прошлому, культуре своего народа, любви к родному языку, красотам родной природы, содержит в себе экологическое воспитание. И наконец, способствует единению всех граждан республики вне зависимости от национальной принадлежности, политических либо религиозных убеждений, оно консолидирует общество во имя процветания Беларуси.

Патриотизм и гражданственность имеют огромное значение в социальном и духовном развитии человека. Они выступают как составные элементы его мировоззрения и отношения к родной стране, другим нациям и народам. Только на основе возвышающих чувств патриотизма и национальных святынь укрепляется любовь к Родине, появляется чувство ответственности за ее могущество и независимость, сохранение материальных и духовных ценностей, развивается благородство и достоинство личности.

Воспитание гражданина — одна из краеугольных задач современного образовательного учреждения. Решая проблему гражданского воспитания, усилия прежде всего следует сосредоточивать на формировании у учащихся ценностного отношения к явлениям общественной жизни.

Патриотическое воспитание подрастающего поколения — одна из самых актуальных задач нашего времени. Огромные изменения произошли в нашей стране за последние годы. Это касается нравственных ценностей, отношения к событиям нашей истории. У детей искажены представления о патриотизме, доброте, великодушии. Изменилось и отношение людей к Родине. Если раньше мы постоянно слышали и сами пели гимны своей страны, то сейчас об этом говорят в основном негативно. Сегодня материальные ценности доминируют над духовными. Именно гражданско-патриотическое воспитание является одним из важнейших элементов общественного сознания, именно в этом основа жизнеспособности любого общества и государства, преемственности поколений.

В разное время к проблеме патриотического воспитания детей обращались многие педагоги и ученые: Г. Н. Волков, Я. А. Коменский, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинский, Л. Н. Толстой, К. Д. Ушинский. В наше время значительный вклад в исследование данной проблемы внесли Е. Ю. Александрова, Л. А. Кондрькинская, Н. Г. Комратова, Ю. М. Новицкая и другие. Современные исследователи в воспитании чувств патриотизма, гражданском воспитании

делают акцент на воспитании у них любви к родному дому, природе, культуре малой Родины.

Патриотизм, по утверждению В. Г. Дмитриевой, «олицетворяет любовь к своему Отечеству, неразрывность с его историей, культурой, достижениями, проблемами, притягательными и неотделимыми в силу своей неповторимости и незаменимости, составляющими духовно-нравственную основу личности, формирующими ее гражданскую позицию и потребность в достойном, самоотверженном, вплоть до самопожертвования, служении Родине».

По мнению С. А. Козловой, «патриотическое воспитание детей— это целенаправленный процесс педагогического воздействия на личность ребенка с целью обогащения его знаний о Родине, воспитание патриотических чувств, формирование умений и навыков нравственного поведения, развитие потребности в деятельности на общую пользу» [5].

И. С. Козакова определяла патриотизм, как «моральную позицию, проявляющуюся в любви к Родине, гордости за ее успехи и достижения, в уважении к ее историческому прошлому, культурным традициям, в готовности прийти на помощь в трудные времена, отстоять ее независимость перед лицом завоевателей, пожертвовать жизнью за ее независимость и свободу» [4].

«Как отмечает ряд исследователей (Р. И. Жуковская, З. Г. Нечаева, Т. А. Маркова), «процесс формирования патриотизма не должен сводиться к накоплению знаний о Родине, гораздо важнее сформировать у детей эмоционально-положительное отношение к отечеству, его истории, традициям и культуре.

Достаточно полно раскрыто содержание данного понятия в работах И. Е. Кравцова, который определяет «патриотизм, как любовь к своему Отечеству; к родным местам («земле отцов»), к родному языку, к передовой культуре и традициям, к продуктам труда своего народа, к прогрессивному общественному и государственному строю. Патриотизм — это беззаветная преданность своей Родине, готовность защищать ее независимость» [6].

Согласно исследованиям психологов (А. Г. Ковалевым, А. А. Люблинской, Т. А. Репиной, П. М. Якобсоном и других) формирование высших нравственных чувств, к которым относится чувство патриотизма, происходит на основе постоянно повторяющихся положительных эмоций.

В исследовании С. Н. Николаевой формирование патриотических чувств рассматривается в русле экологического воспитания. Т. И. Бабаева, Т. С. Комарова, Е. И. Корнеева, О. Л. Князева, В. И. Логинова, М. Д. Маханева, Л. Е. Никонова, Н. А. Ноткина, Е. В. Пчелинцева, Т. А. Ротанова и другие делают акцент на приобщение детей к культурному наследию народа» [6].

Патриотическое воспитание в учреждении образования основывается на планомерной и последовательной передаче ребёнку исторического

и социального опыта белорусского народа, воспитании уважения к государственным символам страны.

Компоненты содержания патриотического воспитания обучающихся в условиях учреждения образования:

1. Познавательный (представления учащегося об окружающем мире): о семье, своей родословной; о культуре народа, его традициях, народном творчестве; о природе родного края и страны, деятельности человека в природе; об истории страны, отраженной в художественной литературе, названиях улиц, памятниках; о символике родного края и страны (герб, гимн, флаг); о самых известных деятелях страны; о живущих вместе с нами людях других национальностей.

2. Эмоционально-побудительный (эмоционально-положительные чувства учащегося к окружающему миру): любовь и чувство привязанности к родной семье и дому; интерес к жизни родного города и страны; гордость за достижения своей страны; уважение к культуре и традициям своего народа, к историческому прошлому; восхищение народным творчеством; любовь к родному языку, к родной природе; уважение к человеку-труженику и желание принимать посильное участие в труде.

3. Деятельностный (отражение отношения к миру в деятельности): труд, игра, продуктивная деятельность, музыкальная деятельность, познавательная деятельность [6].

Содержание гражданского и патриотического воспитания можно раскрыть через следующие познавательные направления:

1. История Беларуси: возникновение и развитие.

В результате познания своей национальной истории у детей выстраиваются положительные взаимоотношения с родными, близкими людьми, окружающими: потребность использовать полученные знания в разных видах деятельности. К основным новообразованиям в этом направлении могут быть отнесены: гражданско-патриотическое сознание (знания и представления о родном крае, «малой Родине») и национальное самосознание (осознание своей национальной принадлежности); социальные патриотические чувства (любовь, преданность, сопричастность, ответственность); национальный такт или уважение к людям других национальностей.

2. Символы Беларуси.

Сущность данного направления состоит в том, что личность формируется как член того общества, к которому он принадлежит, которое определяется его государственными символами. Для обучающихся патриотические чувства связаны: с дифференциацией основных государственных символов, наличием представлений об их государственной ценности, с характером проявляемых чувств и отношений к государственной символике, с обогащением

собственных представлений и творческой переработкой знаний о символах в различных видах деятельности.

3. Достопримечательности Беларуси.

У обучающихся формируются знания и представления о природных и культурно-исторических объектах страны.

4. Государственные и праздники народного календаря.

Активное участие обучающихся в реализации данного направления формирует значимые личностные качества: эмоциональная отзывчивость, осознание своей значимости, коммуникативные навыки, толерантность и др. Данное направление вбирает в себя многообразие практических форм проявления положительного отношения к родным, близким людям, окружающим; потребность использовать накопленные эмоционально-прочувствованные знания в творческой деятельности; стремление внести свой вклад в процветание своей страны.

5. Знаменитые белорусы.

Содержательный компонент этого направления охватывает познавательную сферу, которая связана с осознанием личностью своего отношения к богатому историческому наследию и современным достижениям своего народа, что позволяет идентифицировать себя как представителя нации и определиться в своей ментальности. К основным чертам менталитета белорусов относятся толерантность, доброжелательность, гостеприимство, добродушие, мягкосердечность, выносливость, щедрость, сообразительность, не мстительность, поэтичность души и много других привлекательных качеств.

6. Народные промыслы и искусство Беларуси.

Содержательный спектр этого направления очень широкий. Он включает все то, что составляет содержание национального искусства и истории народа. Он объединяет практически все представления человека о своей нации: исторические, языковые, культурные, эстетические и т. д. Предполагается активное познание детьми окружающего мира: природного мира, предметного мира; мира своего «Я»; формирование у детей ощущения принадлежности к белорусской культуре, белорусскому искусству, и расширение представлений о «малой Родине» и стране; воспитание чувства любви и привязанности к месту, где родился, родным и близким людям, родному дому, дошкольному учреждению, школе, к любимым местам.

7. Белорусское народное творчество.

Содержание данного направления отражается в характерных для данной нации действиях и поступках, нормах поведения, методах и приемах творческой деятельности, исполнении народных танцев, песен, игр, формах выражения чувств. Процесс патриотического воспитания направлен на формирование у воспитанников в разных видах деятельности нравственных качеств белорусов: ответственность, честность, трудолюбие, желание доводить начатое

дело до конца, стремление действовать на пользу другим, любовь и интерес к стране, доброта, сопереживание, чувство собственного достоинства, ощущение принадлежности к культуре своей Родины [1].

Гражданское и патриотическое воспитание ребенка — сложный педагогический процесс. В основе его лежит развитие нравственных чувств. Нравственно-патриотическое развитие обучающихся формирует чувство ответственности перед обществом, чувство глубокой духовной привязанности к семье, дому, Родине, родной природе, толерантное отношение к другим людям.

Формирование личности ребенка, его воспитание начинаются с воспитания чувств через мир положительных эмоций, через обязательное приобщение к культуре.

Гражданско-патриотическое воспитание обучающихся включает:

1. Воспитание любви и привязанности к своей семье, дому, улице, городу;
2. Формирование бережного отношения к природе и всему живому;
3. Воспитание уважения к труду;
4. Развитие интереса к традициям и промыслам;
5. Формирование элементарных знаний о правах человека;
6. Расширение представлений о городах Беларуси;
7. Знакомство с символами государства (герб, флаг, гимн);
8. Развитие чувства ответственности и гордости за достижения страны;
9. Формирование толерантности, чувства уважения к другим народам, их традициям [2].

На государственном уровне всё больше нормативных правовых актов отражают вопросы воспитания патриота и гражданина своей страны. Так, в 2021 году была утверждена Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы.

Цель данной программы — совершенствование государственной политики патриотического воспитания населения через формирование национальной идентичности на основе единых ценностей (стремление к мирной и независимой созидательной жизни, справедливость, единство, развитие гордости за собственную страну, её историю и культуру, достижения в экономике, науке и спорте, готовности к защите независимости Беларуси).

Программа отражает современные реалии и социальные практики. Много внимания уделено воспитанию патриота своей страны, формированию национального самосознания и в таких нормативных правовых актах, как Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи, Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодёжи на 2021–2025 гг.

Согласно Кодексу об образовании, одной из целей системы образования Республики Беларусь выступают: формирование гражданственности

и патриотизма, интеллектуальное, духовно-нравственное развитие личности обучающегося. А «формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания на основе государственной идеологии у учащихся» — одна из важных задач программы образования.

Задачи патриотического воспитания определены в программе:

1. Формирование национальной идентичности — внедрение и утверждение общественно-государственных (национальных) ценностей, формирование нации как единого целого, представленного уникальными традициями и культурой;

2. Духовно-нравственное воспитание — сохранение и обеспечение преемственности традиционных ценностей белорусского общества;

3. Историко-культурное воспитание — популяризация отечественной истории, распространение научно обоснованной информации об историко-культурном наследии, боевых подвигах и трудовых свершениях белорусского народа, важных исторических событиях, памятных местах, их роли и значимости в становлении белорусской государственности;

4. Гражданско-патриотическое воспитание — формирование законопослушного гражданина, человека, осознанно и активно исполняющего свой гражданский долг, привитие глубокого уважения и почитания государственной символики Республики Беларусь;

5. Военно-патриотическое воспитание — формирование физических, духовных качеств, которые позволят быть морально стойкими, готовыми к выполнению конституционной обязанности по защите Отечества;

6. Формирование научно-методологических, методических, нормативных правовых и организационно-технических основ национально-патриотического воспитания — развитие целостной государственной политики национально-патриотического воспитания [7].

Содержание патриотического воспитания обучающихся реализуется в ходе трёхэтапного познавательного процесса: узнавание, понимание, осознание.

На первом этапе (узнавание) используются ознакомительно—познавательные задания, когда доминирует содержание с элементом анализа. Цель — формирование ориентировочной основы, понимания явления (события, действия), умения выполнять действия. Дидактическая цепочка включает: образец (75%) — имитация по образцу (25%).

На втором этапе (понимание) используются установочно-аналитические задания, когда имитация сочетается с анализом, пониманием. Цель — формирование навыков деятельности по образцу, освоение, осознанность, произвольность, критичность. Действует дидактическая цепочка: образец (50%) — имитация с элементами анализа (50%).

Третий этап (осознание) включает системно-реализующие (контрольные) задания. Цель — формирование осмысленных форм суждения и рассуждения,

анализа объектов, самостоятельности в установке системы ориентиров, которая позволяет правильно выполнять любые задания в области патриотического воспитания. Дидактическая цепочка включает: образец (в форме темы задания) — осмысленное действие (100%) [8].

Результативность патриотического воспитания обучающихся оценивается следующим комплексом обобщённых характеристик:

1. Возрастные показатели развития качеств личности, обусловленные целями, задачами и содержанием образования (гражданственность, национальное самосознание, самостоятельность, трудолюбие, сопереживание, человечность, уважение, взаимопонимание, сотрудничество, эмоциональная привязанность, отзывчивость, доброта, рассудительность, справедливость, самообладание, любознательность);

2. Сбалансированность разных форм активности обучающихся по учебным предметам: «История Беларуси», «Искусство», «Беларуская мова» и др.

Одним из главных условий гражданско-патриотического воспитания является создание предметно-пространственной среды, которая ориентирована на развитие способностей детей в различных видах деятельности и создание оптимальных условий для стимулирования и поддержки эмоционального, нравственного и интеллектуального развития и саморазвития ученика, проявления самостоятельности, инициативности.

Моделирование предметно-пространственной среды должно быть основано на психолого-педагогических, санитарно-гигиенических, физиологических, эстетических данных. Национальная направленность среды поможет детям осознать себя частью белорусского народа.

Составляющие развивающей среды:

— элементы народного декоративно-прикладного искусства в различных игровых уголках;

— макеты;

— схемы, модели;

— развивающие и дидактические игры;

— фотоальбомы;

— наглядно-дидактический материал;

— художественная литература;

— мини-музеи.

Если говорить о предметно-игровой среде как развивающей, то в первую очередь необходимо обеспечить постоянную смену материала в учебных классах в соответствии с темами недели, сезонами, яркими событиями в Республике Беларусь, народными и государственными праздниками.

В каждом учебном классе должны иметь место «уголки государственной символики». Их назначение — помочь в формировании системы воспитания уважения и гордости за государственные символы Республики Беларусь.

Уголок государственной символики представлен государственными символами — флаг, герб, гимн. Кроме государственных символов, в уголке государственной символики может размещаться геральдика родного города (флаг, герб). Хорошим дополнением уголка государственной символики будет карта Республики Беларусь и элементы декора уголка (букет из колосьев пшеницы и васильков, коробочек льна, рушник с национальным узором и др.).

Оснащение предметно-развивающей среды должно соответствовать определенным требованиям:

- 1.Целесообразности размещения «экспонатов»;
- 2.Научности и достоверности представленного материала;
- 3.Возрастного соответствия;
- 4.Качеству и эстетической направленности;
- 5.Воспитательной и развивающей направленности.

В соответствии с пониманием патриотизма как формы освоения ценностей и культурного аспекта, интересной представляется точка зрения Н. Е. Щурковой, которая определяет воспитательную среду как «совокупность окружающих ребенка обстоятельств, социально-ценностных, влияющих на его личностное развитие и содействующих его вхождению в современную культуру» [9]. Исследователь подразделяет воспитательную среду на предметно-пространственное, событийно-поведенческое и информационно-культурное окружение. Исходя из этого положения, патриотическая воспитательная среда школы представляется как совокупность соответствующих аспектов (или окружений) среды: предметно-пространственного, событийно-поведенческого и информационно-культурного (рисунок 1).

Рисунок 1 — Патриотическая воспитательная среда школы [9].

Таблица 1 — Спектры возможностей патриотической воспитательной среды

Окружение	Направления	Наполнение среды (питание)
Предметно-пространственно	Вещные элементы системы	<ul style="list-style-type: none"> - тематические стенды, планшеты, плакаты, газеты; - государственная атрибутика; - экспонаты школьного музея; - тематические выставки библиотеки; - оформление классов; - выставки, фотографии, картины; - звуковое и музыкальное сопровождение образовательного процесса
	Процессуальные элементы системы	<ul style="list-style-type: none"> - образ жизни учащихся; - познавательные процессы; - воспитательные часы; - участие в конкурсах, акциях, праздниках, форумах; - работа в школьном музее; - взаимоотношение участников образовательного процесса; - подготовка выставок, конкурсов, выступлений, научных работ
	Трудовое направление	<ul style="list-style-type: none"> - субботники, трудовые десанты, акции, уборка класса; - работа на пришкольном участке; - трудовые отряды в каникулярное время; - трудовые обязанности в семье, помощь нуждающимся (животные, дети, старики)
	Учебно-познавательное направление	<ul style="list-style-type: none"> - предметные учебно-методические комплексы; - воспитательный аспект урока; - исследовательская, поисковая деятельность учащихся; - подготовка выставок, конкурсов, выступлений, научных работ; - самообразование
Событийно-поведенческое	Социокультурное направление	<ul style="list-style-type: none"> - взаимодействие с учреждениями культуры и дополнительного образования по вопросам воспитания гражданственности и патриотизма; - встречи с деятелями культуры; - социально значимые проекты; - участие в конкурсах, акциях, праздниках, форумах; - подготовка подарков; - здоровьесберегающая направленность образовательного процесса
	Профессионально-деятельностное направление	<ul style="list-style-type: none"> - взаимодействие со структурами управления, иными педагогическими учреждениями по вопросам гражданско-патриотического воспитания

Окружение	Направления	Наполнение среды (питание)
	Гражданско-патриотическое направление	- встречи с ветеранами ВОВ, труда, профессиональными военными, сотрудниками правоохранительных органов; туристические слеты, праздники, концерты; - работа в школьном музее; - школьный сайт; - шефство над пожилыми людьми; - сочинения, стихи, эссе, рисунки
	Психолого-педагогическое направление	- проблемные группы педагогов; - психолого-педагогические семинары; - система диагностики целевой направленности воспитательного процесса в классах; - система мониторинга успешности целевой направленности воспитательного процесса в классах (развитие личности, формирование коллектива)
Информационно-культурное	Духовно-нравственное направление	- встречи с представителями духовенства; - факультативные занятия; - музыкальные вечера; - встречи с литераторами, художниками, музыкантами; - воспитательные часы по теме «Нравственность»; - турниры, дебаты, марафоны, викторины, участие в благотворительных акциях и аукционах
	Историческое направление	- экскурсии по местам боевой славы; - экскурсии по достопримечательным историческим местам города, области, страны; - работа в библиотеках; - исследовательские проекты; - краеведческая деятельность, кружки
	Политико-правовое направление	- участие в мероприятиях по вопросам права; - встреча с представителями органов власти
	Информационно-аналитическое направление	- анкетирование учащихся и родителей по вопросам гражданской ответственности и патриотизма, анализ данных диагностики, выработка рекомендаций; - использование возможностей школьной газеты, Интернета для информирования учащихся и родителей по вопросам воспитания и обучения [9] В целях совершенствования организации патриотического воспитания обучающихся и повышения его качества создана интерактивная платформа патриотического воспитания молодежи «Патриот.by»

Данные направления характеризуются устойчивостью, постоянством, воспроизводимостью, вместимостью и пространственно-временной локализованностью.

Методы, используемые в работе с учащимися по патриотическому воспитанию самые разнообразные и строятся на принципе от близкого к далекому, от простого к сложному. Также нужно учитывать психологические особенности учащихся (эмоциональное восприятие окружающего, образность и конкретность мышления, глубина и обостренность первых чувств, отсутствие в полной мере «чувства истории», понимание социальных явлений и др.).

Обязательно нужно связывать воспитательно-образовательную работу с окружающей общественной жизнью и теми ближайшими и доступными объектами, которые окружают обучающегося.

В работе по патриотическому воспитанию можно использовать элементы различных технологий:

- игровые,
- информационные,
- коммуникативные,
- проблемные,
- развивающего обучения,
- проектные,
- ИКТ [1].

Основными методами патриотического воспитания учащихся выступают:

1. Методы формирования сознания личности (рассказ, беседа, диспут, дискуссия).

2. Методы организации деятельности и формирования опыта поведения личности (упражнение, приучение, педагогическое требование, поручение, воспитывающие ситуации, общественное мнение).

3. Методы стимулирования деятельности и поведения (соревнование, поощрение).

4. Методы контроля, самоконтроля и самооценки в воспитании (контроль, самоконтроль, самооценка).

При знакомстве обучающихся с историей родного города, приходится много рассказывать, поэтому при составлении рассказа обращают внимание на такие моменты:

- по ходу рассказа необходимо использовать наглядный материал (фотографии, репродукции картин, схемы), рисунки мелом на доске;
- составляя рассказ, нужно включить вопросы к детям, необходимые для активной познавательной деятельности, учить рассуждать.

В процессе знакомства детей с достопримечательностями родного города, рассказывают о различных архитектурных сооружениях, храмах. В этом случае, достаточно выделить что-то главное, что отличает то или иное здание от других. Сейчас к нам постепенно возвращается национальная память, и мы по-новому начинаем относиться к праздникам народного

календаря, традициям, фольклору, художественным промыслам, декоративно-прикладному искусству.

Широко используют все виды фольклора (сказки, песенки, пословицы, поговорки и т.д.). В устном народном творчестве как нигде сохранились особые черты белорусского характера, присущие ему нравственные ценности, представления о добре, красоте, правде, храбрости, трудолюбии.

Большое место в приобщении детей к народной культуре занимают народные праздники и традиции, в которых отражаются накопленные веками тончайшие наблюдения за характерными особенностями времен года, погодными изменениями, поведением птиц, насекомых, растений, связанных с трудом и различными сторонами общественной жизни человека.

Очень важно ознакомить детей с народной декоративной росписью способной увлечь ребят национальным изобразительным искусством.

В патриотическом воспитании особенное значение имеет пример взрослых, близких людей. На конкретных примерах, фактах из жизни членов семьи необходимо проводить работу по ознакомлению с родным краем, начиная с того, что принято называть «малой Родиной» и постепенно переходя к таким категориям как «Отечество», «долг перед Родиной» и т.д.

Используя предлагаемые формы и методы патриотического воспитания, педагог покажет детям красоту своего родного города, познакомит с талантом белорусского народа, научит детей любить свой город и свою страну, и гордиться тем, что они живут в такой прекрасной стране, как Республика Беларусь [3].

Таким образом, наиболее эффективными педагогическими условиями по формированию патриотизма у обучающихся являются: создание оптимальных условий для формирования представлений о стране, «малой Родине», взаимодействие с социокультурным окружением (музеем, библиотекой, иными учреждениями образования), активное взаимодействие с семьями обучающихся в данном направлении.

Для успешной реализации патриотического воспитания в учреждении образования, педагог должен умело сочетать формы и методы воспитания. При этом, следует учитывать то, что в разных формах организации деятельности обучающихся тот или иной метод преобладает как основное средство воздействия.

Список использованных источников

1. *Буткевич, В. В. Гражданское воспитание детей и учащейся молодёжи: учебное пособие для педагогов / В. В. Буткевич. — Минск: НИО, 2007. — 280 с.*
2. *Жарикова, А. Д. Растите детей патриотами: книга для воспитателей детского сада / А. Д. Жарикова — М.: Просвещение, 1980. — 192с.*

3. Как научить детей любить Родину. Руководство для воспитателей и учителей / Ю. Е. Антонов, Л. В. Левина, О. В. Розова, И. А. Щербакова. — М.: АРКТИ, 2003. — 168 с.

4. Козакова, И. С. Особенности патриотического воспитания дошкольников / И. С. Козакова // Обруч. — 2003. — № 6. — С. 8–12.

5. Козлова, С. А. Воспитание патриотических чувств. Воспитание нравственных чувств у старших дошкольников / Под ред. Н. Ф. Виноградовой, — М.: Просвещение, 1980. — 45–74 с.

6. Никонова, Л. Е. Патриотическое воспитание детей дошкольного возраста / Л. Е. Никонова — Мн.: Народная асвета, 1989. — 67 с.

7. О программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 29 дек. 2021 г., № 773 // Pravo.by. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773>.

8. Чечет, В. В. Воспитание патриотических чувств / В. В. Чечет. — Мн.: Народная асвета, 1997. — 62 с.

9. Щуркова, Н. Е. Воспитание как педагогическое явление. Общие закономерности и принципы воспитания // Педагогика: учеб. пособие для ст-тов пед. вузов и пед. колледжей. Под ред. П. И. Пидкасистого. — М.: Российское педагогическое агентство, 1996. — С. 344–390.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЭКСПРЕССИВНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ СТИЛЕЙ

Гончарова Алёна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

*Институт права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Россия*

***Аннотация.** В данной статье рассматривается актуальный вопрос категорий экспрессивности /эмоциональности языковых стилей. Данная тема всегда привлекала внимание лингвистов во всем мире, однако был плохо разработан. Вопрос различения экспрессивности тестовых материалов и степень их- градации был признан актуальным на съезде языковедов в Берлине.*

Автор статьи анализирует различные современные точки зрения на данную тему и проводит собственное расследование, сравнивая экспрессивные приемы выражения эмоций на материале как художественных текстов, так и официальных документов.

В результате проведенного расследования текстового материала автор пришел к выводу о размытых границах понятий языковых стилей и факторов, вызывающих экспрессивное восприятие сообщений.

В статье предложен новый термин — коэффициент экспрессивности, который помогает четче определить используемые приемы и сделать идентификацию экспрессивности языковых стилей удобней и понятней.

***Ключевые слова:** коэффициент экспрессивности, языковые стили, лингвистические дискуссии, идентификация стилистических приемов, жанры, эмоциональность, оценочное суждение. коэффициент предсказуемости.*

***Annotation.** The article is devoted to the current problems of emotional expressiveness in various types of texts. This question has always attracted linguists` attention, but there were no significant articles or research until the linguists` conference in Berlin.*

The author has made a big research of summing up all possible language theories about the means of expressiveness and compared them on the materials of both literary and informative texts.

As a result of the research the author came to the conclusion about the lack of strict borders of both language styles and the unknown number of all possible stylistic devices, used to express emotions in those texts

The new term is offered in the article, namely — the expressiveness factor. It makes the research easier and more productive and provide linguists with a definite number of criterion while researching the means of expressing emotions in texts of different styles.

Key words: *expressiveness factor; functional language styles, linguistic discussions, identification of stylistic devices, emotional context, value judgement, predictability factor.*

Проблема экспрессивности языковых стилей всегда была актуальной темой для лингвистических дискуссий. Представляется возможным выделить две основные языковые дискуссии конца 20 века, когда наиболее ярко выделились базовые направления в отечественной и зарубежной лингвистике относительно экспрессивности языковых стилей.

В Берлине в 1984 году прошел съезд лингвистов, занимающихся проблемами детализации и классификации функциональных стилей. Один из ведущих Европейских языковедов В. Штезенбах предложил принципиально новый подход к определению идентификации экспрессивности стилей. Он предложил рассматривать и анализировать экспрессию одновременно на всех языковых уровнях, начиная с фонетического уровня и заканчивая сверхфразовым и текстовым. В.Штезенбах также предложил интересную классификацию методов и приемов создания экспрессивности путем анализа самых неявных и незаметных языковых средств, на которые лингвисты как правило не обращают внимания. {12. с. 26}.

Этот аспект изучения экспрессивности языковых стилей стал доминирующим в современном Европейском языкознании.

В России на одной из литературных встреч, посвященных стилистическому анализу различных видов текстов, была выдвинута интересная теория о том, что сама по себе степень экспрессивности литературного материала не может быть вычленена и может быть отслежена только наряду с иными приемами. Так среди отечественных лингвистов стала популярна и уже хорошо разработана теория оценочной экспрессивности в ряду таких явлений как эмоциональность, оценочное суждение, выразительность и другие. Существует много работ, посвященных именно этому направлению, когда идентификация экспрессивности тесно связывалась с базовыми компонентами стилистических приемов и методов

эмоционального выражения в текстах. Ведущими лингвистами, занимающимися этим направлением в отечественном языкознании, были Б. С. Ефимов {3. с. 76} Р. Ю. Лисовский {5.с.83} М. А. Бонитович. {1.с.47}.

В данной статье мы рассматриваем экспрессивность через призму функционально-стилистического аспекта, позволяющего идентифицировать языковые стили.

Не ставя перед собой задачи подробно осветить различные точки зрения на природу и сущность экспрессивности, остановимся кратко на основных явлениях этого понятия.

Прежде всего, отметим, что до сих пор многие лингвисты не проводят четкого разграничения между экспрессивностью и эмоциональностью, употребляя эти термины как синонимы. К.Калли Б. {4.с.37}, Н. В. Матюшков [6.с.59], Е. В. Панин [7.с.45]. Другие ученые рассматривают экспрессивность только в связи с формой высказывания, а эмоциональность {эмотивность} — в связи с содержанием данного конкретного высказывания. {М.О.Поляков [8.с.23], З. И. Жданенко [2.с.52], О. В. Соколян [10.с.42]}.

Третья группа лингвистов относят как экспрессивность, так и эмоциональность к общей категории выразительности языковых средств, связывая эмоциональность с самовыражением и оценочным суждением говорящего, а экспрессивность — с силой воздействия речи на слушателя. {К.О. Поспелов [9.с.28] П. К. Чугуев [11.с.51]}.

Перечисленных различий в трактовке понятия экспрессивности достаточно для того, чтобы признать его терминологическую неоднозначность. Вместе с тем следует отметить, что каждый носитель языка имеет подсознательное или интуитивное представление о данном понятии. Экспрессивность всегда связывается с определенной маркированностью и выделяемостью знака на фоне более нейтрального окружения.

На наш взгляд, понятие экспрессивности непосредственно связано с желанием отправителя информации произвести определенное впечатление на адресата, то есть воздействовать на него путем использования яркости, новизны или неожиданности того или иного речевого проявления. Если эмоциональность — это самопроизвольное выражение чувств и переживаний человека, которое может проявляться как в вербальном, так и невербальном поведении, то экспрессивность связана, в первую очередь, с намерением говорящего выразить определенные эмоции и определиться с сознательным выбором языковых средств.

Представляется возможным сделать вывод, что экспрессивность сообщения становится максимальной лишь в сочетании с эмоциональностью. Подлинной экспрессии автор добивается лишь при особом эмоциональном состоянии, вдохновении и т. д.

Наиболее очевидным примером намеренного выражения эмоций ориентаций на создание неожиданных ярких средств выражения является такая форма коммуникации, как художественный текст. В нем любое сообщение — будь то речь автора или моделируемая автором чужая речь — предполагает сознательный выбор языковых средств с целью достижения определенного эмоционального результата.

С другой стороны, деловые документы инструкции и прочие подобные информационные тексты располагаются на противоположном полюсе экспрессивности и намерено нацелены на исключение любых проявлений эмоциональности и экспрессивности.

С нашей точки зрения, экспрессивность речевого сообщения следует рассматривать относительно двух принципиально различных уровней, которые можно условно назвать внешним и внутренним. Внутренний уровень отличается встроенной экспрессивностью, которая создается в сообщении за счет выразительных средств языка и стилистических приемов.

Внешний уровень, на котором задается и оценивается экспрессивность сообщения, предполагает широкий контекст или более того полный текст, в котором существует данное сообщение. Другими словами, сообщение приобретает экспрессивность лишь в тексте. В отрыве от него сообщение не идентифицировано экспрессивно- в нем нет стилистически маркированных элементов.

Если внутренний уровень экспрессивности традиционно относился к области исследования стилистики в целом, то внешний уровень тесно связан со стилистикой текста. Можно сказать, что одним из основных направлений стилистики текста является исследование механизма включения новой экспрессивной информации в сообщение, которое лишено подобной внутренней экспрессивности и стилистически не маркировано.

Исследование комплексного влияния текста на составляющие его компоненты является одним из интересных направлений для лингвистического анализа.

Исследование экспрессивности в тексте предполагает необходимость коммуникативного подхода к данному явлению, что означает анализ экспрессивности не только в его взаимосвязи с целым текстом, но и во взаимоотношениях с отправителем информации и ее адресатом.

Как уже отмечалось выше, экспрессивность, прежде всего, обусловлена фактором адресанта или отправителя информации, который в силу закона обратной связи учитывает фактор адресата. Поэтому в своих исследованиях мы исходим из того, что экспрессивность задана в тексте его автором. Отметим, что, придавая сообщению различные контекстные окружения и моделируя разнообразие коммуникативных ситуаций, мы, тем самым, как бы продуцируем новые тексты, рассчитывая уже на других адресатов.

Итак, в своем исследовании мы исходим из того, что экспрессивность есть реализация авторской интенции выразить определенные эмоции при помощи эмфатического выделения того или иного знака. Понятие знака здесь — как любая единица языка, способная нести информацию о внеязыковой деятельности. При этом фонема — это минимальный знак, обозначающий звук речи, а сверхфразовое единство — максимальный знак, обозначающий ситуацию общения.

Целью данной статьи является попытка ответить на следующий вопрос — какова коммуникационная природа выделения информационных знаков? Для этого нам поможет теория информации, многие положения которой приложимы к области исследования языка как кодовой системы знаков. Одним из таких положений является следующее — объем информации знака находится в обратной зависимости от степени вероятности появления этого знака {9.с.53} то есть, соответственно, от степени его предсказуемости. Чем меньше вероятность появления знака, тем больше объем заключенной в нем информации, и наоборот — чем выше предсказуемость, тем меньше информации содержит знак.

Однако данный принцип может быть применен к лингвистическому анализу с учетом ряда ограничений и оговорок.

Во-первых, это положение действительно лишь в отношении экспрессивной информации. Что касается познавательной информации, то она будет зависеть не от фактора предсказуемости знака, а от особенностей тезауруса адресата сообщения.

Во-вторых, говоря о предсказуемости, необходимо различать ее два основных типа- апостериорный и априорный.

Апостериорная предсказуемость определяется в условиях линейного разрывывания текста. Например, в диалогическом единстве —

How are you?

Not very well

Слово WELL означает высокую степень апостериорной предсказуемости. То есть использование другого информационного знака после NOT VERY... крайне маловероятно. Таким образом, экспрессивная информация слова WELL равна нулю. Для примера приведем пример из сказки А.Милна Вини-Пух-[13.с.73].

And how are you? -said Winnie the Pooh.

Eeyore shook his head from side to side. — Not very HOW, -he said. I do not seem to be at all HOW for a long time.

Слово HOW в данном контексте линейно не предсказуемо. Его неожиданное появление является средством выделения данного слова на фоне вероятностно предсказуемых информационных знаков. Благодаря этому, слово HOW приобретает высокую экспрессивность, и объем закодированной в нем информации резко увеличивается.

Априорная предсказуемость предполагает, со своей стороны, вероятность появления знака в определенном типе текста, и задана функциональным стилем и жанром, к которому принадлежит данный конкретный текст. Например, в тексте анкеты, заполняемой при поступлении на работу, высока вероятность появления следующих единиц — возраст, образование, опыт работы и т. д. Фактически любой элемент грамотно составленной анкеты априори предсказуем — тексты подобных документов настолько унифицированы, что исключают возможность содержать экспрессивную информацию.

Рассмотрим пример из романа А. и В. Стругацких “Сказка о Тройке”, в которой описывается обсуждение анкеты одного из служащих института. {14.с.75}.

Дело номер второе — зачитал комендант. Фамилия — прочерк. Имя — прочерк. Кличка — Кузьма. Год и место рождения — не установлено. ... Гражданство — ээээ... птеродактиль... из Конго, возможно...

Все содрогнулись....

Появление слова «птеродактиль» в тексте анкеты априорно не предсказуемо. Очевидно, что, кроме логико-познавательного значения, это слово приобретает высокую экспрессивность. Благодаря этому объем заложенной в нем информации резко увеличивается.

Отметим, что при этом мы имеем дело с внешней экспрессивностью, которая подается функционально-стилевым контекстом.

Важно отметить, что в вышеуказанном примере налицо характерное “расщепление канала связи”, причем экспрессивность появляется лишь на линии связи — автор текста- читатель.

На линии связи — составитель анкеты /комендант — слушатели экспрессивность отсутствует как таковая. Слово «птеродактиль» вызывает недоумение и страх.

Существенным является то, что текст анкеты, будучи включенным в текст романа, приобретает новые характеристики, подчиняясь законам художественной прозы. При этом анкета перестает быть собственно документом, и рассматривать ее как таковой было бы неверно.

Можно предположить, что одной из причин, по которой А. и В. Стругацкие прибегают к услугам функционального стиля деловых документов, является желание повысить степень непредсказуемости информационного знака, и тем самым резче выделить его на фоне автоматизированного набора признаков, то есть сделать его максимально экспрессивным.

В стиле художественной прозы такая операция допустима и оправдана, поскольку данный стиль, в отличие от стиля официальных документов, предоставляет отличные возможности для неожиданных употреблений информационных знаков. При этом речь идет, прежде всего, об апостериорной предсказуемости, поскольку в художественной литературе любой информационный знак

априорно вероятен. Языковые возможности стиля художественной литературы практически не ограничены.

Выводы

Процесс идентификации экспрессивности языковых стилей имеет длительную лингвистическую историю, но не является изученным до конца. Особого внимания требует рассмотрение жанрово-стилистических текстовых конфигураций текстов с минимальным и максимальным использованием стилистических приемов.

Сравнение стиля художественной литературы со стилем официальных деловых документов относительно такого фактора как предсказуемость употребления в них информационных знаков позволяет предположить наличие такой величины как коэффициент предсказуемости.

Коэффициент предсказуемости информационных знаков меняется в зависимости от функционального стиля, жанра и типа текста. Он определяет степень стандартизации текста и соответственно его экспрессивные возможности.

Данный коэффициент меняет свою величину в диапазоне от стиля художественной литературы, где он минимален, до стиля официальных документов, где его величина максимальна.

Коэффициент предсказуемости информационных знаков является одним из важных факторов различия и идентификации функциональных стилей языка. Если рассматривать функциональные стили как множества с размытыми границами, то коэффициент предсказуемости можно представить в виде экспрессивной переменной, которая организует эти множества в систему, ранжируя их по принципу возрастания экспрессивных возможностей.

Анализ экспрессивности функциональных стилей требует привлечения и рассмотрения большого количества разнообразных текстов и не должен быть ограничен рамками двух-трех тестовых материалов различной жанрово-стилистической направленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бонитович М. А. *К вопросу о градации выразительных средств коммуникации в речи. Сборник статей научно-практической конференции « Исследования в современном языкознании » Российского Института лингвистики № 4. Пенза. Изд. Института лингвистики 2018*

2. Жданенко З. И. *Экспрессивность и эмоциональность как средства внешнего и внутреннего восприятия сообщений. Сборник научно-практической конференции «Языковедение в современном мире» Российского государственного педагогического университета .№ 14.изд. Университета.Владивосток 2029*

3. Ефимов Б. С. Коммуникация в современном мире — способы оптимизации передачи эмоций. Сборник статей филологического факультета Липецкого государственного педагогического университета № 8 Изд. Факультета. Липецк 2021

4. Калли К. Эмотивность и логичность в передачах сообщений. Пособие. Факультет Международного бизнеса. Вильнюсский Международный университет. Изд. Университета. Литва. 2020

5. Лисовский Р. Ю. Коммуникативные связи и их развитие в эпоху искусственного интеллекта. Сборник статей факультета филологии Рязанского педагогического университета № 9 Изд. Университета Рязань. 2024

6. Матюшков Н. В. Градуирование шкалы выражения эмоций в современном английском языке. Сборник статей филологического факультета Воронежского Педагогического университета № 17. Изд. Университета. 2023

7. Панин Е. В. Актуальные вопросы теории и практики преподавания иностранных языков в высшей школе. Сборник статей факультета филологии и славистики Омского государственного педагогического университета № 6. Изд. Университета. Омск 2023

8. Поляков М. О. Средства выражения эмоций в современных западно-германских языках. Сборник статей Института Лингвистики и международной коммуникации Брянского государственного университета № 12. Изд. Университета. Брянск 2022

9. Поспелов К. О. Коммуникативные аспекты передачи сообщений в процессе двустороннего перевода. Сборник статей филологического факультета Воронежского педагогического Университета. № 17. Изд. Университета. 2023

10. Соколян О. В. Способы передачи экспрессии в синхронном переводе. Сборник статей научно-практической конференции «Современное языкознание — новые вехи развития» факультета филологии и германистики Смоленского Педагогического Института № 5. Изд. Института. Смоленск. 2023

11. Чугуев П. К. Эмоциональность и способы ее передачи в подтекстах и контекстах сообщений. Сборник статей факультета филологии Рязанского педагогического университета № 10. Изд. Университета. Рязань. 2024

12. Штезенбах В. Доклад на 8 международном съезде лингвистов. Берлин 1084. В сборнике «Материалы 8 международного съезда лингвистов» Москва. Изд. Просвещение. 2016

13. Милна А. Винни Пух и все все все. Изд. Химера. Санкт-Петербург. Изд. 3 2020

14. Стругацкие А. и Б. Сказка о Тройке. Изд. Наратив. Сборник произведений Стругацких А. и Б. Москва. 2001

Научное издание

Научный диалог: теория и практика

Материалы международного научного форума
(г. Москва, Форум 16 января 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 16.01.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 35,8. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

